

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

V

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

V

ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ ФРАНЦИСКО

ПЕТРОПОЛИСЪ / 1935 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1935 by Ivan Busin.

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ ФРАНЦИСКО

ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО

*Горе тебѣ, Вавилонъ, городъ
крѣпкій!*

Апокалипсисъ.

Господинъ изъ Санъ-Франциско — имени его ни въ Неаполѣ, ни на Капри никто не запомнилъ — ѣхалъ въ Старый Свѣтъ на цѣлыхъ два года, съ женой и дочерью, единственно ради развлечения.

Онъ былъ твердо увѣренъ, что имѣетъ полное право на отдыхъ, на удовольствіе, на путешествіе долгое и комфортабельное и мало ли еще на что. Для такой увѣренности у него былъ тотъ резонъ, что, во-первыхъ, онъ былъ богатъ, а во-вторыхъ, только что приступалъ къ жизни, несмотря на свои пятьдесятъ восемь лѣтъ. До этой поры онъ не жилъ, а лишь существовалъ, правда, очень недурно, но все же возлагая всѣ надежды на будущее. Онъ работалъ не покладая рукъ, — китайцы, которыхъ онъ выписывалъ къ себѣ на работы цѣлыми тысячами, хорошо знали, что это значитъ! — и наконецъ увидѣлъ, что сдѣлано уже много, что онъ почти сравнялся съ тѣми, кого нѣкогда взялъ себѣ за образецъ, и рѣшилъ передохнуть. Люди, къ

которымъ принадлежалъ онъ, имѣли обычай начинать наслажденія жизнью съ поѣздки въ Европу, въ Индію, въ Египеть. Положилъ и онъ поступить такъ же. Конечно, онъ хотѣлъ вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако радъ былъ и за жену съ дочерью. Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, но вѣдь всѣ пожилыя американки страстныя путешественницы. А что до дочери, дѣвушки на возрастъ и слегка болѣзненной, то для нея путешествіе было прямо необходимо: не говоря уже о пользѣ для здоровья, развѣ не бываетъ въ путешествіяхъ счастливыхъ встрѣчъ? Тутъ иной разъ сидишь за столомъ или рассматриваешь фрески рядомъ съ милліардеромъ.

Маршрутъ былъ выработанъ господиномъ изъ Санъ-Франциско обширный. Въ декабрѣ и январѣ онъ надѣялся наслаждаться солнцемъ Южной Италиі, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячихъ пѣвцовъ и тѣмъ, что люди въ его годы чувствуютъ особенно тонко, — любовью молоденькихъ неаполитанокъ, пусть даже и не совсѣмъ безкорыстной; карнавалъ онъ думалъ провести въ Ниццѣ, въ Монте-Карло, куда въ эту пору стекается самое отборное общество, — то самое, отъ котораго зависятъ всѣ блага цивилизаціи: и фасонъ смокинговъ, и прочность троновъ, и объявленіе войнъ, и благосостояніе отелей, — гдѣ одни съ азартомъ предаются автомобильнымъ и паруснымъ гонкамъ, другіе рулеткѣ, третьи тому, что принято называть флиртомъ, а четвертые — стрѣльбѣ въ голубей, которые очень красиво взвиваются изъ садковъ надъ изумруднымъ газономъ, на фонѣ моря цвѣта незабудокъ, и тотчасъ же стуча-

ются бѣлыми комочками о землю; начало марта онъ хотѣлъ посвятить Флоренціи, къ Страстямъ Господнимъ прѣхать въ Римъ, чтобы слушать тамъ Miserere; входили въ его планы и Венеція, и Парижъ, и бой быковъ въ Севильѣ, и купанье на англійскихъ островахъ, и Аѳины, и Константинополь, и Палестина, и Египеть, и даже Японія, — разумѣется, уже на обратномъ пути. . . И все пошло сперва отлично.

Былъ конецъ ноября, до самаго Гибралтара пришлось плыть то въ ледяной мглѣ, то среди бури съ мокрымъ снѣгомъ; но плыли вполнѣ благополучно. Пассажировъ было много, пароходъ — знаменитая «Атлантида» — былъ похожъ на громадный отель со всѣми удобствами, — съ ночнымъ баромъ, съ восточными банями, съ собственной газетой, — и жизнь на немъ протекала весьма размѣренно: вставали рано, при трубныхъ звукахъ, рѣзко раздававшихся по корридорамъ еще въ тотъ сумрачный часъ, когда такъ медленно и непривѣтливо свѣтало надъ сѣро-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся въ туманѣ; накинувъ фланелевыя пиджамы, пили кофе, шоколадъ, какао; затѣмъ садились въ мраморныя ванны, дѣлали гимнастику, возбуждая аппетитъ и хорошее самочувствіе, совершали дневные туалеты и шли къ первому завтраку; до одиннадцати часовъ полагалось бодро гулять по палубамъ, дыша холодной свѣжестью океана, или играть въ шеффль-бордъ и другія игры для новаго возбужденія аппетита, а въ одиннадцать — подкрѣпляться бутербродами съ бульономъ; подкрѣпившись, съ удовольствіемъ читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще болѣе питательнаго и разнообразнаго, чѣмъ первый; слѣдующія два часа

посвящались отдыху; всѣ палубы были заставлены тогда лонгшезами, на которыхъ путешественники лежали, укрывшись пледомъ, глядя на облачное небо и на пѣнистые бугры, мелькавшіе за бортомъ, или сладко задремывая; въ пятомъ часу ихъ, освѣженныхъ и повеселѣвшихъ, поили крѣпкимъ душистымъ чаемъ съ печеньями; въ семь повѣщали трубными сигналами о томъ, что составляло главнѣйшую цѣль всего этого существованія, вѣнецъ его... И тутъ господинъ изъ Санъ-Франциско, потирая отъ прилива жизненныхъ силъ руки, спѣшилъ въ свою богатую люкск-кабину — одѣваться.

По вечерамъ этажи «Атлантиды» зіяли во мракѣ какъ бы огненными несмѣтными глазами, и великое множество слугъ работало въ поварскихъ, судомойняхъ и винныхъ подвалахъ. Океанъ, ходившій за стѣнами, былъ страшенъ, но о немъ не думали, твердо вѣря во власть надъ нимъ командира, рыжаго человека чудовищной величины и грузности, всегда какъ бы соннаго, похожаго въ своемъ мундирѣ съ широкими золотыми нашивками на огромнаго идола и очень рѣдко появлявшагося на-люди изъ своихъ таинственныхъ покоевъ; на бакѣ поминутно взывала съ адской мрачностью и взвизгивала съ неистовой злобой сирена, но немногіе изъ обѣдающихъ слышали сирену — ее заглушали звуки прекраснаго струннаго оркестра, изысканно и неустанно игравшаго въ мраморной двусвѣтной залѣ, устланной бархатными коврами, празднично залитой огнями, переполненной декольтированными дамами и мужчинами во фракахъ и смокингахъ, стройными лакеями и почтительными метрдотелями, среди которыхъ одинъ, тотъ, что принималъ заказы

только на вина, ходилъ даже съ цѣпью на шеѣ, какъ какой-нибудь лордъ-меръ. Смокингъ и крахмальное бѣлье очень молодили господина изъ Санъ-Франциско. Сухой, невысокій, неладно скроенный, но крѣпко сшитый, расчищенный до глянца и въ мѣру оживленный, онъ сидѣлъ въ золотисто-жемчужномъ сіяніи этого чертога за бутылкой янтарнаго юганисберга, за бокалами и бокальчиками тончайшаго стекла, за кудрявымъ букетомъ гіацинтовъ. Нѣчто монгольское было въ его желтоватомъ лицѣ съ подстриженными серебрянными усами, золотыми пломбами блестяли его крупные зубы, старой слоновой костью — крѣпкая лысая голова. Богато, но по годамъ была одѣта его жена, женщина крупная, широкая и спокойная; сложно, но легко и прозрачно, съ невинной откровенностью — дочь, высокая, тонкая, съ великолѣпными волосами, прелестно убранными, съ ароматическимъ отъ фіалковыхъ лепешечекъ дыханіемъ и съ нѣжнѣйшими розовыми прыщиками возлѣ губъ и между лопатокъ, чуть припудренныхъ. . . Обѣдъ длился больше часа, а послѣ обѣда открывались въ бальной залѣ танцы, во время которыхъ мужчины, — въ томъ числѣ, конечно, и господинъ изъ Санъ-Франциско, — задравъ ноги, рѣшали на основаніи послѣднихъ биржевыхъ новостей судьбы народовъ, до малиновой красноты накуривались гаванскими сигарами и напивались ликерами въ барѣ, гдѣ служили негры въ красныхъ камзолахъ, съ бѣлками, похожими на облупленныя крутыя яйца. Океанъ съ гуломъ ходилъ за стѣной черными горами, вьюга крѣпко свистала въ отяжелѣвшихъ снастяхъ, пароходъ весь дрожалъ, одолевая и ее, и эти горы, — точно плугомъ разваливая на стороны ихъ зыбкія, то и дѣ-

ло вскипавшія и высоко взвивавшіяся пѣнистыми хвостами громады, — въ смертной тоскѣ стенала удушаемая туманомъ сирена, мерзли отъ стужи и шалѣли отъ непосильнаго напряженія вниманія вахтенные на своей вышкѣ, мрачнымъ и знойнымъ нѣдрамъ преисподней, ея послѣднему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, — та, гдѣ глухо гоготали испанскія топки, пожиравшія своими раскаленными зѣвами груды каменнаго угля, съ грохотомъ ввергаемаго въ нихъ облитыми ѣдкимъ, грязнымъ потомъ и попясы голыми людьми, багровыми отъ пламени; а тутъ, въ барѣ, беззаботно закидывали ноги на ручки кресель, цѣдили коньякъ и ликеры, плавали въ волнахъ прянаго дыма, въ танцевальной залѣ все сіяло и изливало свѣтъ, тепло и радость, пары то крутились въ вальсахъ, то изгибались въ танго — и музыка настойчиво, въ какой то сладостно-безстыдной печали молила все объ одномъ, все о томъ же. . . Былъ среди этой блестящей толпы нѣкій великій богачъ, бритый, длинный, похожій на прелата, въ старомодномъ фракѣ, былъ знаменитый испанскій писатель, была всесвѣтная красавица, была изящная влюбленная пара, за которой всѣ съ любопытствомъ слѣдили и которая не скрывала своего счастья: онъ танцевалъ только съ ней, и все выходило у нихъ такъ тонко, очаровательно, что только одинъ командиръ зналъ, что эта пара нанята Ллойдомъ играть въ любовь за хорошія деньги и уже давно плаваетъ то на одномъ, то на другомъ кораблѣ.

Въ Гибралтарѣ всѣхъ обрадовало солнце, было похоже на раннюю весну; на борту «Атлантиды» появился новый пассажиръ, возбудившій къ себѣ общій интересъ, — наслѣдный принцъ одного азіатскаго госу-

дарства, путешествовавшій инкогнито, человекъ маленькій, весь деревянный, широколицый, узкоглазый, въ золотыхъ очкахъ, слегка непріятный — тѣмъ, что крупные черные усы сквозили у него какъ у мертваго, въ общемъ же милый, простой и скромный. Въ Средиземномъ морѣ снова пахнуло зимой, шла крупная и цвѣтистая, какъ хвостъ павлина, волна, которую, при яркомъ блескѣ и совершенно чистомъ небѣ, развела весело и бѣшенно летѣвшая навстрѣчу трамонтана... Потомъ, на вторыя сутки, небо стало блѣднѣть, горизонтъ затуманился: близилась земля, показались Искія, Капри, въ бинокль уже виденъ былъ кусками сахара насыпанный у подножія чего то сизаго Неаполь... Многіе леди и джентльмены уже надѣли легкія, мѣхомъ вверхъ, шубки; безотвѣтные, всегда шопотомъ говорящіе бои-китайцы, кривоногіе подростки со смоляными косами до пятъ и съ дѣвичьими густыми рѣсницами, исподволь вытаскивали къ лѣстницамъ пледы, трости, чемоданы, несессеры... Дочь господина изъ Санъ-Франциско стояла на полубѣ рядомъ съ принцемъ, вчера вечеромъ, по счастливой случайности, представленнымъ ей, и дѣлала видъ, что пристально смотритъ въ даль, куда онъ указывалъ ей, что-то объясняя, что-то торопливо и негромко рассказывая; онъ по росту казался среди другихъ мальчикомъ, онъ былъ совсѣмъ не хорошъ собой и страненъ, — очки, котелокъ, англійское пальто, а волосы рѣдкихъ усовъ точно конскіе, смуглая тонкая кожа на плоскомъ лицѣ точно натянута и какъ будто слегка лакирована, — но дѣвушка слушала его и отъ волненія не понимала, что онъ ей говоритъ; сердце ея билось отъ непонятнаго восторга передъ нимъ: все, все въ немъ было не такое,

какъ у прочихъ, — его сухія руки, его чистая кожа, подъ которой текла древняя царская кровь; даже его европейская, совсѣмъ простая, но какъ будто особенно опрятная одежда таили въ себѣ неизъяснимое очарованіе. А самъ господинъ изъ Санъ-Франциско, въ сѣрыхъ гетрахъ на лакированныхъ ботинкахъ, все поглядывалъ на стоявшую возлѣ него знаменитую красавицу, высокую, удивительнаго сложенія блондинку съ разрисованными по послѣдней парижской модѣ глазами, державшую на серебрянной цѣпочкѣ крохотную, гнутую, облѣзлую собачку и все разговаривавшую съ нею. И дочь, въ какой-то смутной неловкости, старалась не замѣчать его.

Онъ былъ довольно щедръ въ пути и потому вполнѣ вѣрилъ въ заботливость всѣхъ тѣхъ, что кормили и поили его, съ утра до вечера служили ему, предупреждая его малѣйшее желаніе, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиковъ, доставляли его сундуки въ гостиницы. Такъ было всюду, такъ было въ плаваниі, такъ должно было быть и въ Неаполѣ. Неаполь росъ и приближался; музыканты, блестя мѣдью духовыхъ инструментовъ, уже столпились на палубѣ и вдругъ оглушили всѣхъ торжествующими звуками марша, гигантъ-командиръ, въ парадной формѣ, появился на своихъ мосткахъ и, какъ милостивый языческій богъ, привѣтственно помоталъ рукой пассажирамъ — и господину изъ Санъ-Франциско, такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ, казалось, что это для него одного гремитъ маршъ гордой Америки, что это его привѣтствуетъ командиръ съ благополучнымъ прибытіемъ. А когда «Атлантида» вошла наконецъ въ гавань, привалила къ набережной своей много-

этажной громадой, усѣянной людьми, и загрохотали сходни, — сколько портье и ихъ помощниковъ въ картузахъ съ золотыми галунами, сколько всякихъ комиссіонеровъ, свистуновъ мальчишекъ и здоровенныхъ оборванцевъ съ пачками цвѣтныхъ открытокъ въ рукахъ кинулось къ нему навстрѣчу съ предложеніемъ услугъ! И онъ ухмылялся этимъ оборванцамъ, идя къ автомобилю того самаго отеля, гдѣ могъ остановиться и принцъ, и спокойно говорилъ сквозь зубы то по-англійски, то по-итальянски:

— Go away! Via!

Жизнь въ Неаполѣ тотчасъ же потекла по заведенному порядку: рано утромъ — завтракъ въ сумрачной столовой, облачное, мало обѣщающее небо и толпа гидовъ у дверей вестибюля; потомъ первыя улыбки теплаго розоватаго солнца, видъ съ высоко висящаго балкона на Везувій, до подножія окутанный сіяющими утренними парами, на серебристо-жемчужную рябь залива и тонкій очеркъ Капри на горизонтѣ, на бѣгущихъ внизу, по липкой набережной, крохотныхъ осликовъ въ двуколкахъ и на отряды мелкихъ солдатиковъ, шагающихъ куда то съ бодрой и вызывающей музыкой; потомъ — выходъ къ автомобилю и медленное движеніе по люднымъ узкимъ и сырымъ корридорамъ улицъ, среди высокихъ, многооконныхъ домовъ, осмотръ мертвенно-чистыхъ и ровно, пріятно, но скучно, точно снѣгомъ, освѣщенныхъ музеевъ или холодныхъ, пахнувшихъ воскомъ церквей, въ которыхъ повсюду одно и то же: величавый входъ, закрытый тяжелой кожаной завѣсой, а внутри — огромная пустота, молчаніе, тихіе огоньки семисвѣчника, краснѣющіе въ

глубинѣ на престолѣ, убранномъ кружевами, одинокая старуха среди темныхъ деревянныхъ партъ, скользкія гробовыя плиты подъ ногами и чье-нибудь «Снятіе со Креста», непремѣнно знаменитое; въ часть — второй завтракъ на горѣ Санъ-Мартино, куда съѣзжается къ полудню не мало людей самаго перваго сорта и гдѣ однажды дочери господина изъ Санъ-Франциско чуть не сдѣлалось дурно: ей показалось, что въ залѣ сидитъ принцъ, хотя она уже знала изъ газетъ, что онъ въ Римѣ; въ пять — чай въ отелѣ, въ нарядномъ салонѣ, гдѣ такъ тепло отъ ковровъ и пылающихъ каминовъ; а тамъ снова приготовленія къ обѣду — снова мощный, властный гулъ гонга по всѣмъ этажамъ, снова вереницы шуршащихъ по лѣстницамъ шелками и отражающихся въ зеркалахъ декольтированныхъ дамъ, снова широко и гостепріимно открытый чертогъ столовой, и красныя куртки музыкантовъ на эстрадѣ, и черная толпа лакеевъ возлѣ метрдотеля, съ необыкновеннымъ мастерствомъ разливающего по тарелкамъ густой розовый супъ. . . Обѣды опять были такъ обильны и кушаньями, и винами, и минеральными водами, и сладостями, и фруктами, что къ одиннадцати часамъ вечера по всѣмъ номерамъ разносили горничныя каучуковыя пузыри съ горячей водой для согрѣванія желудковъ.

Однако декабрь выдался въ тотъ годъ не совсѣмъ удачный: портъе, когда съ ними говорили о погодѣ, только виновато поднимали плечи, бормоча, что такого года они и не запомнятъ, хотя уже не первый годъ приходилось имъ бормотать это и ссылаться на то, что «всюду происходитъ что-то ужасное»: на Ривьерѣ небывалыя ливни и бури, въ Афинахъ снѣгъ, Эгна те-

же вся занесена и по ночамъ свѣтитъ, изъ Палермо туристы, спасаясь отъ стужи, разбѣгаются. . . Утреннее солнце каждый день обманывало: съ полудня неизмѣнно сѣрѣло и начиналъ свѣять дождь, да все гуще и холоднѣе; тогда пальмы у подъѣзда отеля блестя жостью, городъ казался особенно грязнымъ и тѣснымъ, музеи черезчуръ однообразными, сигарные окурки толстяковъ-извозчиковъ въ резиновыхъ, крыльями развѣвающихся по вѣтру накидкахъ — нестерпимо вонючими, энергичное хлопанье ихъ бичей надъ тонкошеими клячами явно фальшивымъ, обувь синьоровъ, разметающихъ трамвайныя рельсы, ужасною, а женщины, шлепающія по грязи, подъ дождемъ, съ черными раскрытыми головами, — безобразно коротконогими; про сырость же и вонь гнилой рыбой отъ пѣнящагося у набережной моря и говорить нечего. Господинъ и госпожа изъ Санъ-Франциско стали по утрамъ ссориться; дочь ихъ то ходила блѣдная, съ головной болью, то оживала, всѣмъ восхищалась и была тогда и мила, и прекрасна: прекрасны были тѣ нѣжныя, сложныя чувства, что пробудила въ ней встрѣча съ некрасивымъ человѣкомъ, въ которомъ текла необычная кровь, ибо вѣдь, въ концѣ-то концовъ, можетъ быть, и не важно, что именно пробуждаетъ дѣвичью душу, — деньги ли, слава ли, знатность ли рода. . . Всѣ увѣряли, что совсѣмъ не то въ Сорренто, на Капри — тамъ и теплѣй, и солнечнѣй, и лимоны цвѣтутъ и нравы честнѣе, и вино натуральнѣй. И вотъ семья изъ Санъ-Франциско рѣшила отправиться со всѣми своими сундуками на Капри, съ тѣмъ, чтобы, осмотрѣвъ его, походивъ по камнямъ на мѣстѣ дворцовъ Тиверія, побывавъ въ сказочныхъ пещерахъ Лазурнаго Грота и по-

слушавъ абруццскихъ волынщиковъ, цѣлый мѣсяцъ бродящихъ передъ Рождествомъ по острову и поющихъ хвалы Дѣвѣ Маріи, поселиться въ Сорренто.

В день отъѣзда, — очень памятный для семьи изъ Санъ-Франциско! — даже и съ утра не было солнца. Тяжелый туманъ до самаго основанія скрывалъ Везувій, низко сѣрѣлъ надъ свинцовой зыбью моря. Капри совсѣмъ не было видно — точно его никогда и не существовало на свѣтѣ. И маленькій пароходикъ, направившійся къ нему, такъ валяло со стороны на сторону, что семья изъ Санъ-Франциско пластомъ лежала на диванахъ въ жалкой каютѣ-компаніи этого пароходика, закутавъ ноги пледами и закрывъ отъ дурноты глаза. Миссисъ страдала, какъ она думала, больше всѣхъ; ее нѣсколько разъ одолѣвало, ей казалось, что она умираетъ, а горничная, прибѣгавшая къ ней съ тазикомъ, — уже многіе годы изо дня въ день качавшаяся на этихъ волнахъ и въ зной и въ стужу и все-таки неутомимая, — только смѣялась. Миссъ была ужасно блѣдна и держала въ зубахъ ломтикъ лимона. Мистеръ, лежавшій на спинѣ, въ широкомъ пальто и большомъ картузѣ, не разжималъ челюстей всю дорогу; лицо его стало темнымъ, усы бѣлыми, голова тяжело болѣла: послѣдніе дни, благодаря дурной погодѣ, онъ пилъ по вечерамъ слишкомъ много и слишкомъ много любовался «живыми картинами» въ нѣкоторыхъ притонахъ. А дождь сѣкъ въ дребезжащія стекла, на диваны съ нихъ текло, вѣтеръ съ воемъ ломилъ въ мачты и порою, вмѣстѣ съ налетающей волной, клалъ пароходикъ совсѣмъ на бокъ, и тогда съ грохотомъ катилось что-то внизу. На остановкахъ, въ Каstellамаре, въ Сорренто, было немного легче; но и тутъ раз-

махивало страшно, берегъ со всѣми своими обрывами, садами, пиніями, розовыми и бѣлыми отелями, и дымными, курчаво зелеными горами леталъ за окномъ внизъ и вверхъ какъ на качеляхъ; въ стѣны стучались лодки, третьеклассники азартно орали, гдѣ то, точно раздавленный, давился крикомъ ребенокъ, сырой вѣтеръ дулъ въ двери и, ни на минуту не смолкая, пронзительно вопилъ съ качавшейся барки подъ флагомъ гостиницы «Royal» картавый мальчишка, заманивавшій путешественниковъ: «Kgoya-all! Hôtel Kgoya-all! . . .» И господинъ изъ Санъ-Франциско, чувствуя себя такъ, какъ и подобало ему, — совсѣмъ старикомъ, — уже съ тоской и злобой думалъ обо всѣхъ этихъ «Royal», «Splendid», «Excelsior» и объ этихъ жадныхъ, воняющихъ чеснокомъ людишкахъ, называемыхъ итальянцами; разъ во время остановки, открывъ глаза и приподнявшись съ дивана, онъ увидѣлъ подъ скалистымъ отвѣсомъ кучу такихъ жалкихъ, насквозь проплѣсневѣвшихъ каменныхъ домишекъ, налѣпленныхъ другъ на друга у самой воды, возлѣ лодокъ, возлѣ какихъ-то тряпокъ, жестянокъ и коричневыхъ сѣтей, что, вспомнивъ, что это и есть подлинная Италія, которой онъ пріѣхалъ наслаждаться, почувствовалъ отчаяніе. . . Наконецъ, уже въ сумеркахъ, сталъ надвигаться своей чернотой островъ, точно насквозь просверленный у подножья красными огоньками, вѣтеръ сталъ мягче, теплѣй, благовоннѣй, по смиряющимся волнамъ, переливавшимся какъ черное масло, потекли золотые удавы отъ фонарей пристани. . . Потомъ вдругъ загремѣлъ и съ плескомъ шлепнулся въ воду якорь, наперебой понеслись отовсюду яростные крики лодочниковъ — и сразу стало на душѣ легче.

ярче засіяла каюгъ-компанія, захотѣлось ѣсть, пить, курить, двигаться. . . Черезъ десять минутъ семья изъ Санъ-Франциско сошла въ большую барку, черезъ пятнадцать ступила на камни набережной, а затѣмъ сѣла въ свѣтлый вагончикъ и съ жужжаніемъ потянулась вверхъ по откосу, среди колевь на виноградникахъ, полуразвалившихся каменныхъ оградъ и мокрыхъ, корявыхъ, прикрытыхъ кое-гдѣ соломенными навѣсами апельсиновыхъ деревьевъ, съ блескомъ оранжевыхъ плодовъ и толстой глянцевиной листвы скользившихъ внизъ, подъ гору, мимо открытыхъ оконъ вагончика. . . Сладко пахнетъ въ Италиі земля послѣ дождя, и свой, особый запахъ есть у каждаго ея острова!

Островъ Капри былъ сыръ и темень въ этотъ вечеръ. Но тутъ онъ на минуту ожилъ, кое-гдѣ освѣтился. На верху горы, на площадкѣ фюникюлера, уже опять стояла толпа тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало достойно принять господина изъ Санъ-Франциско. Были и другіе пріѣзжіе, но не заслуживающіе вниманія, — нѣсколько русскихъ, поселившихся на Капри, неряшливыхъ и разсѣянныхъ, въ очкахъ, съ бородами, съ поднятыми воротниками старенькихъ пальтишекъ, и компанія длинноногихъ, круглоголовыхъ нѣмецкихъ юношей въ тирольскихъ костюмахъ и съ холщевыми сумками за плечами, не нуждающихся ни въ чьихъ услугахъ, всюду чувствующихъ себя какъ дома и совѣмъ не щедрыхъ на траты. Господинъ же изъ Санъ-Франциско, спокойно сторонившійся и отъ тѣхъ, и отъ другихъ, былъ сразу замѣченъ. Ему и его дамамъ торопливо помогли выйти, передъ нимъ побѣжали впередъ, указывая дорогу, его снова окружили мальчишки и тѣ дюжія капрійскія бабы, что носятъ на головахъ чемода-

ны и сундуки порядочныхъ туристовъ. Застучали по маленькой, точно оперной площади, надъ которой качался отъ влажнаго вѣтра электрическій шаръ, ихъ деревянные ножныя скамеечки, по птичьему засвистала и закувыркалась черезъ голову орава мальчишекъ — и какъ по сценѣ пошелъ среди нихъ господинъ изъ Санъ-Франциско къ какой-то средневѣковой аркѣ подъ слитыми въ одно домами, за которой покато вела къ сіяющему впереди подъѣзду отеля звонкая улочка съ вихромъ пальмы надъ плоскими крышами налѣво и синими звѣздами на черномъ небѣ вверху, впереди. И опять было похоже, что это въ честь гостей изъ Санъ-Франциско ожилъ каменный сырой городокъ на скалистомъ островкѣ въ Средиземномъ морѣ, что это они сдѣлали такимъ счастливымъ и радушнымъ хозяина отеля, что только ихъ ждалъ китайскій гонгъ, завывшій по всѣмъ этажамъ сборъ къ обѣду, едва вступили они въ вестибюль.

Вѣжливо и изыскано поклонившійся хозяинъ, отменно элегантный молодой человекъ, встрѣтившій ихъ, на мгновеніе поразилъ господина изъ Санъ-Франциско: взглянувъ на него, господинъ изъ Санъ-Франциско вдругъ вспомнилъ, что нынче ночью, среди прочей путаницы, осаждавшей его во снѣ, онъ видѣлъ именно этого джентльмена, точь в точь такого же, какъ этотъ, въ той же визиткѣ съ круглыми полами и съ той же зеркально причесанной головою. Удивленный, онъ даже чуть было не пріостановился. Но какъ въ душѣ его уже давнымъ-давно не осталось ни даже горчичнаго сѣмени какихъ-либо такъ называемыхъ мистическихъ чувствъ, что тотчасъ же и померкло его удивленіе: шутя сказалъ онъ объ этомъ странномъ совпаденіи сна

и дѣйствительности женѣ и дочери, проходя по корри-
дору отеля. Дочь однако съ тревогой взглянула на не-
го въ эту минуту: сердце ея вдругъ сжала тоска, чув-
ство страшнаго одиночества на этомъ чужомъ, темномъ
островѣ. . .

Только что отбыла гостившая на Капри высокая осо-
ба — Рейсъ XVII. И гостямъ изъ Санъ-Франциско
отвели тѣ самые апартаменты, что занималъ онъ. Къ
нимъ приставали самую красивую и умѣлую горнич-
ную, бельгійку, съ тонкой и твердой отъ корсета таліей
и въ крахмальномъ чепчикѣ въ видѣ маленькой зуб-
чатой короны, самага виднаго изъ лакеевъ, угольно-
чернаго, огнеглазаго сицилійца, и самага расторопнаго
корридорнаго, маленькаго и полнаго Луиджи, много
перемѣнивашаго подобныхъ мѣстъ на своемъ вѣку. А
черезъ минуту въ дверь комнаты господина изъ Санъ-
Франциско легонько стукнулъ французъ метрдотель,
явившійся, чтобы узнать, будутъ ли господа пріѣзжіе
обѣдать, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, въ ко-
торомъ, впрочемъ, не было сомнѣнія, доложить, что
сегодня лангусть, ростбифъ, спаржа, фазаны и такъ
далѣе. Поль еще ходилъ подъ господиномъ изъ Санъ-
Франциско, — такъ закачалъ его этотъ дрянной италь-
янскій пароходишко, — но онъ не спѣша, собственно-
ручно, хотя съ непривычки и не совсѣмъ ловко, за-
крылъ хлопнувшее при входѣ метрдотеля окно, изъ
котораго пахло запахомъ дальней кухни и мокрыхъ
цвѣтовъ въ саду, и съ неторопливой отчетливостью от-
вѣтилъ, что обѣдать они будутъ, что столикъ для нихъ
долженъ быть поставленъ подальше отъ дверей, въ
самой глубинѣ залы, что пить они будутъ вино мѣст-
ное, и каждому его слову метрдотель поддакивалъ въ

самый разнообразных интонаціяхъ, имѣвшихъ однако только тотъ смыслъ, что нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ правотѣ желаній господина изъ Санъ-Франциско и что все будетъ исполнено въ точности. Напослѣдокъ онъ склонилъ голову и деликатно спросилъ:

— Все, сэръ?

И, получивъ въ отвѣтъ медлительное «yes», прибавилъ, что сегодня у нихъ въ вестибюль тарантелла — танцуютъ Кармелла и Джузеппе, извѣстные всей Италіи и «всему міру туристовъ».

— Я видѣлъ ее на открыткахъ, — сказалъ господинъ изъ Санъ-Франциско ничего не выражающимъ голосомъ. — А этотъ Джузеппе — ея мужъ?

— Двоюродный братъ, сэръ, — отвѣтилъ метрдотель.

И помедливъ, что-то подумавъ, но ничего не сказавъ, господинъ изъ Санъ Франциско отпустилъ его кивкомъ головы.

А затѣмъ онъ снова сталъ точно къ вѣнцу готовиться: повсюду зажегъ электричество, наполнилъ всѣ зеркала отраженіемъ свѣта и блеска, мебели и раскрытыхъ сундуковъ, сталъ бриться, мыться и поминутно звонить, въ то время какъ по всему корридору неслись и перебывали его другіе нетерпѣливые звонки — изъ комнаты его жены и дочери. И Луиджи, въ своемъ красномъ передникѣ, съ легкостью, свойственной многимъ толстякамъ, дѣлая гримасы ужаса, до слезъ смѣшившія горничныхъ, пробѣгавшихъ мимо съ кафельными ведрами въ рукахъ, кубаремъ катился на звонокъ и, стукнувъ въ дверь костяшками, съ притворной робо-

стью, съ доведенной до идиотизма почтительностью, спрашивалъ:

— На sonato, signore?

И изъ-за двери слышался неспѣшный и скрипучій, обидно вѣжливый голосъ:

— Yes, come in...

Что чувствовалъ, что думалъ господинъ изъ Санъ-Франциско въ этотъ столь знаменательный для него вечеръ? Онъ, какъ всякій испытавшій качку, только очень хотѣлъ вѣсть, съ наслажденіемъ мечталъ о первой ложкѣ супа, о первомъ глоткѣ вина и совершалъ привычное дѣло туалета даже въ нѣкоторомъ возбужденіи, не оставлявшемъ времени для чувствъ и размышленій.

Выбрившись, вымывшись, ладно вставивъ нѣсколько зубовъ, онъ, стоя передъ зеркалами, смочилъ и придралъ щетками въ серебрянной оправѣ остатки жемчужныхъ волосъ вокругъ смугло-желтаго черепа, натянулъ на крѣпкое старческое тѣло съ полнѣющей отъ усиленнаго питанія таліей кремовое шелковое трико, а на сухія ноги съ плоскими ступнями — черные шелковые чулки и бальные туфли, присѣдая, привелъ въ порядокъ высоко подтянутыя шелковыми помочами черныя брюки и бѣлоснѣжную, съ выпятившейся грудью рубашку, вправилъ въ блестящія манжеты запонки и сталъ мучиться съ ловлей подъ твердымъ воротничкомъ запонки шейной. Полъ еще качался подъ нимъ, кончикамъ пальцевъ было очень больно, запонка порой крѣпко кусала дряблую кожуцу въ углубленіи подъ кадыкомъ, но онъ былъ настойчивъ и наконецъ, съ сіяющими отъ напряженія глазами, весь сизый отъ сдавившаго ему горло, не въ мѣру тугого воротничка, та-

ки додѣлалъ дѣло — и въ изнеможеніи присѣлъ передъ трюмо, весь отражаясь въ немъ и повторяясь въ другихъ зеркалахъ.

— О, это ужасно! — пробормоталъ онъ, опуская крѣпкую лысую голову и не стараясь понять, не думая, что именно ужасно; потомъ привычно и внимательно оглядѣлъ свои короткіе, съ подагрическими затвердѣніями на суставахъ пальцы, ихъ крупныя и выпуклыя ногти миндальнаго цвѣта и повторилъ съ убѣжденіемъ: — Это ужасно. . .

Но тутъ зычно, точно въ языческомъ храмѣ, загудѣлъ по всему дому второй гонгъ. И, поспѣшно вставъ съ мѣста, господинъ изъ Санъ-Франциско еще больше стянулъ воротничокъ галстукомъ, а животъ открытымъ жилетомъ, надѣлъ смокингъ, выправилъ манжеты, еще разъ оглядѣлъ себя въ зеркалѣ. . . Эта Кармелла, смуглая, съ наигранными глазами, похожая на мулатку, въ цвѣтистомъ нарядѣ, гдѣ преобладаетъ оранжевый цвѣтъ, пляшетъ, должно быть, необыкновенно, подумалъ онъ. И, бодро выйдя изъ своей комнаты и подойдя по ковру къ сосѣдней, жениной, громко спросилъ, скоро ли онъ?

— Черезъ пять минутъ! — звонко и уже весело отозвался изъ-за двери дѣвичій голосъ.

— Отлично, — сказалъ господинъ изъ Санъ-Франциско.

И не спѣша пошелъ по корридорамъ и по лѣстницамъ, устланнымъ красными коврами, внизъ, отыскивая читальню. Встрѣчныя слуги жались отъ него къ стѣнѣ, а онъ шелъ, какъ бы не замѣчая ихъ. Запоздавшая къ обѣду старуха, уже сутулая, съ молочными волосами, но декольтированная, въ свѣтло-сѣромъ шел-

ковымъ платьѣ, поспѣшала изо всѣхъ силъ, но смѣшно, по-куриному, и онъ легко обогналъ ее. Возлѣ стеклянныхъ дверей столовой, гдѣ уже всѣ были въ сборѣ и начали ѣсть, онъ остановился передъ столикомъ, загроможденнымъ коробками сигаръ и египетскихъ папиросъ, взявъ большую маниллу и кинулъ на столикъ три лиры; на зимней верандѣ мимоходомъ глянулъ въ открытое окно: изъ темноты повѣяло на него нѣжнымъ воздухомъ, померещилась верхушка старой пальмы, раскинувшая по звѣздамъ свои вайи, казавшіяся гигантскими, донесся отдаленный ровный шумъ моря. . . Въ читальнѣ, уютной, тихой и свѣтлой только надъ столами, стоя шуршала газетами какой-то сѣдой нѣмецъ, похожій на Ибсена, въ серебряныхъ круглыхъ очкахъ и съ сумасшедшими, изумленными глазами. Холодно осмотрѣвъ его, господинъ изъ Санъ-Франциско сѣлъ въ глубокое кожанное кресло въ углу, возлѣ лампы подъ зеленымъ колпакомъ, надѣлъ пенснэ и, дернувъ головой отъ душившего его воротничка, весь закрылся газетнымъ листомъ. Онъ быстро пробѣжалъ заглавіе нѣкоторыхъ статей, прочелъ нѣсколько строкъ о никогда не прекращающейся балканской войнѣ, привычнымъ жестомъ перевернулъ газету, — какъ вдругъ строчки вспыхнули передъ нимъ стекляннымъ блескомъ, шея его напружилась, глаза выпучились, пенснэ слетѣло съ носа. . . Онъ рванулся впередъ, хотѣлъ глотнуть воздуха — и дико захрипѣлъ; нижняя челюсть его отпала, освѣтивъ весь ротъ золотомъ пломбъ, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась кóробомъ — и все тѣло, извиваясь, задирая коверъ каблуками, поползло на полъ, отчаянно борясь съ кѣмъ-то.

Не будь въ читальнѣ нѣмца, быстро и ловко сумѣли бы въ гостиницѣ замѣять это ужасное происшествіе, мгновенно, задними ходами, умчали бы за ноги и за голову господина изъ Санъ-Франциско куда подальше — и ни единая душа изъ гостей не узнала бы, что натворилъ онъ. Но нѣмецъ вырвался изъ читальни съ крикомъ, онъ всполошилъ весь домъ, всю столовую. И многіе вскакивали изъ-за ѣды, опрокидывая стулья, многіе, блѣднѣя, бѣжали къ читальнѣ, на всѣхъ языкахъ раздавалось: «что, что случилось?» — и никто не отвѣчалъ толкомъ, никто не понималъ ничего, такъ какъ люди и до сихъ поръ еще больше всего дивятся и ни за что не хотятъ вѣрить смерти. Хозяинъ метался отъ одного гостя къ другому, пытаясь задержать бѣгущихъ и успокоить ихъ поспѣшными завѣреніями, что это такъ, пустякъ, маленькій обморокъ съ однимъ господиномъ изъ Санъ Франциско. . . Но никто его не слушалъ, многіе видѣли, какъ лакеи и корридорные срывали съ этого господина галстукъ, жилетъ, измятый смокингъ и даже зачѣмъ-то бальные башмаки съ черныхъ шелковыхъ ногъ съ плоскими ступнями. А онъ еще бился. Онъ настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотѣлъ поддаться ей, такъ неожиданно и грубо навалившейся на него. Онъ моталъ головой, хрипѣлъ, какъ зарѣзанный, закатилъ глаза, какъ пьяный. . . Когда его торопливо внесли и положили на кровать въ сорокъ третій номеръ, — самый маленькій, самый плохой, самый сырой и холодный, въ концѣ нижняго корридора, — прибѣжала его дочь, съ распущенными волосами, въ распахнувшемся капотикѣ, съ обнаженной грудью, поднятой корсетомъ, потомъ большая, тяжелая и уже совсѣмъ наряженная къ обѣду жена, у

которой ротъ былъ круглый отъ ужаса. . . Но тутъ онъ уже и головой пересталъ мотать.

Черезъ четверть часа въ отелѣ все кое-какъ пришло въ порядокъ. Но вечеръ былъ непоправимо испорченъ. Нѣкоторые, возвратясь въ столовую, дообѣдали, но молча, съ обиженными лицами, межъ тѣмъ какъ хозяинъ подходилъ то къ тому, то къ другому, въ бессильномъ и приличномъ раздраженіи пожимая плечами, чувствуя себя безъ вины виноватымъ, всѣхъ увѣряя, что онъ отлично понимаетъ, «какъ это непріятно», и давая слово, что онъ приметъ «всѣ зависящія отъ него мѣры» къ устраненію непріятности; тарантеллу пришлось отмѣнить, лишнее электричество потушили, большинство гостей ушло въ пивную, и стало такъ тихо, что четко слышался стукъ часовъ въ вестибюль, гдѣ только одинъ попугай деревянно бормоталъ что-то, возясь передъ сномъ въ своей клѣткѣ, ухитряясь заснуть съ нелѣпо задранной на верхній шестокъ лапой. . . Господинъ изъ Санъ-Франциско лежалъ на дешевой желѣзной кровати, подъ грубыми шерстяными одѣялами, на которыя съ потолка тускло свѣтилъ одинъ рожокъ. Пузырь со льдомъ свисалъ на его мокрый и холодный лобъ. Сизое, уже мертвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырвавшееся изъ открытаго рта, освѣщеннаго отблескомъ золота, слабѣло. Это хрипѣлъ уже не господинъ изъ Санъ-Франциско, — его больше не было, — а кто-то другой. Жена, дочь, докторъ, прислуга стояли и глядѣли на него. Вдругъ то, чего они ждали и боялись, совершилось — хрипъ оборвался. И медленно, медленно, на глазахъ у всѣхъ, потекла блѣдность по лицу умер-

шаго, и черты его стали утончаться, свѣтлѣть — красотой, уже давно подобавшей ему. . .

Вошелъ хозяинъ. — «Già é morto» — сказала ему шопотомъ докторъ. Хозяинъ съ безстрастнымъ лицомъ пожалъ плечами. Миссисъ, у которой тихо катились по щекамъ слезы, подошла къ нему и робко сказала, что теперь надо перенести покойнаго въ его комнату.

— О, нѣтъ, мадамъ, — поспѣшно, корректно, но уже безъ всякой любезности и не по-англійски, а по французски возразилъ хозяинъ, которому совсѣмъ не интересны были тѣ пустяки, что могли оставить теперь въ его кассѣ прїѣзжіе изъ Санъ-Франциско. — Это совершенно невозможно, мадамъ, — сказалъ онъ и прибавилъ въ поясненіе, что онъ очень цѣнитъ эти апартаменты, что, если бы онъ исполнилъ ея желаніе, то всему Капри стало бы извѣстно объ этомъ и туристы начали бы избѣгать ихъ.

Миссъ, все время странно смотрѣвшая на него, сѣла на стулъ и, зажавъ ротъ платкомъ, зарыдала. У миссисъ слезы сразу высохли, лицо вспыхнуло. Она подняла тонъ, стала требовать, говоря на своемъ языкѣ и все еще не вѣря, что уваженіе къ нимъ окончательно потеряно. Хозяинъ съ вѣжливымъ достоинствомъ осадилъ ее: если мадамъ не нравятся порядки отеля, онъ не смѣетъ ее задерживать; и твердо заявилъ, что тѣло должно быть вывезено сегодня же на разсвѣтѣ, что полиціи уже дано знать, что представитель ея сейчасъ явится и исполнитъ необходимыя формальности. . . Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гробъ, спрашиваетъ мадамъ? Къ

сожалѣнію, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, а сдѣлать никто не успѣеть. Придется поступить какъ-нибудь иначе. . . Содовую англійскую воду, напримѣръ, онъ получаетъ въ большихъ и длинныхъ ящикахъ. . . перегородки изъ такого ящика можно вынуть. . .

Ночью весь отель спалъ. Открыли окно въ сорокъ третьемъ номерѣ, — оно выходило въ уголь сада, гдѣ подъ высокой каменной стѣной, утыканной по гребню битымъ стекломъ, росъ чахлый бананъ, — потушили электричество, заперли дверь на ключъ и ушли. Мертвый остался въ темнотѣ, синія звѣзды глядѣли на него съ неба, сверчокъ съ грустной беззаботностью запѣлъ въ стѣнѣ. . . Въ тускло освѣщенномъ корридорѣ сидѣли на подоконникѣ двѣ горничныя, что-то шопая. Вошелъ Луиджи съ кучей платья на рукѣ, въ туфляхъ.

— Pronto? (Готово?) — озабоченно спросилъ онъ звонкимъ шопотомъ, указывая глазами на страшную дверь къ концѣ корридора. И легонько помоталъ свободной рукой въ ту сторону: — Partenza! — шопотомъ крикнулъ онъ, какъ бы провожая поѣздъ, то, что обычно кричатъ въ Италіи на станціяхъ при отпращиваніи поѣздовъ, — и горничныя, давясь беззвучнымъ смѣхомъ, упали головами на плечи другъ другу.

Потомъ онъ, мягко подпрыгивая, подбѣжалъ къ самой двери, чуть стукнулъ въ нее и, склонивъ голову на-бокъ, вполголоса, почтительнѣйше спросилъ:

— На sonato, signore?

И, сдавивъ горло, выдвинувъ нижнюю челюсть, скрипуче, медлительно и печально отвѣтилъ самъ себѣ, какъ бы изъ-за двери:

— Yes, come in...

А на разсвѣтъ, когда побѣлѣло за окномъ сорокъ третьяго номера и влажный вѣтеръ зашуршалъ равной листвою банана, когда поднялось и раскинулось надъ островомъ Капри голубое утреннее небо и озолотилась противъ солнца, восходящаго за далекими синими горами Италіи, чистая и четкая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшіе на островѣ тропинки для туристовъ, — принесли къ сорокъ третьему номеру длинный ящикъ изъ подъ содовой воды. Вскорѣ онъ сталъ очень тяжелъ — и крѣпко давилъ колѣни младшаго портъе, который шибко повезъ его на одноконномъ извозчикѣ по бѣлому шоссе, взадъ и впередъ извивавшемуся по склонамъ Капри, среди каменныхъ оградъ и виноградниковъ, все внизъ и внизъ, до самого моря. Извозчикъ, кволый человекъ съ красными глазами, въ старомъ пиджачкѣ съ короткими рукавами и въ сбитыхъ башмакахъ, былъ съ похмелья, — цѣлую ночь игралъ въ кости въ тракторіи, — и все хлесталъ свою крѣпкую лошадку, по-сициліански разряженную, спѣшно громяющую всяческими бубенчиками на уздечкѣ въ цвѣтныхъ шерстяныхъ помпонахъ и на остріяхъ высокой мѣдной сѣделки, съ аршиннымъ, трясущимся на бѣгу птичьимъ перомъ, торчащимъ изъ подстриженной чолки. Извозчикъ молчалъ, былъ подавленъ своей безпутностью, своими пороками, — тѣмъ, что онъ до послѣдней полушки проигралъ ночью всѣ тѣ мѣдяки, которыми были полны его карманы. Но утро было свѣжее, на такомъ воздухѣ, среди моря, подъ утреннимъ небомъ, хмель скоро улетучивается и ско-

ро возвращается беззаботность къ человѣку, да утѣшаль извозчика и тотъ неожиданный заработокъ, что далъ ему какой-то господинъ изъ Санъ-Франциско, мотавшій своей мертвой головой въ ящикъ за его спиною. . . Пароходикъ, жукомъ лежавшій далеко внизу, на нѣжной и яркой синевѣ, которой такъ густо и полно налить неаполитанскій заливъ, уже давалъ послѣднiе гудки — и они бодро отзывались по всему острову, каждый изгибъ котораго, каждый гребень, каждый камень былъ такъ явственно виденъ отовсюду, точно воздуха совсѣмъ не было. Возлѣ пристани младшаго портъе догналъ старшій, мчавшій въ автомобилѣ миссъ и миссисъ, блѣдныхъ, съ провалившимися отъ слезъ и бессонной ночи глазами. И черезъ десять минутъ пароходикъ снова зашумѣлъ водой и снова побѣжалъ къ Сорренто, къ Каstellамаре, навсегда увозя отъ Капри семью изъ Санъ-Франциско. . . И на островѣ снова водворились миръ и покой.

На этомъ островѣ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, жилъ человѣкъ, совершенно запутавшійся въ своихъ жестокихъ и грязныхъ поступкахъ, который почему-то забралъ власть надъ милліонами людей и который, самъ растерявшись отъ безсмысленности этой власти и отъ страха, что кто-нибудь убьетъ его изъ-за угла, надѣлалъ жестокостей сверхъ всякой мѣры, — и человѣчество навѣки запомнило его, и тѣ, что, въ совокупности своей, столь же непонятно и, по существу, столь же жестоко, какъ и онъ, властвуютъ теперь въ мiрѣ, со всего свѣта сѣзжаются смотрѣть на остатки того каменнаго дома, гдѣ жилъ онъ на одномъ изъ самыхъ крутыхъ подъемовъ острова. Въ это чудесное

утро всё, прїѣхавшіе на Капри именно съ этой цѣлью: еще спали по гостиницамъ, хотя къ подъѣздамъ гостиниць уже вели маленькихъ мышастыхъ осликовъ подъ красными сѣдлами, на которыя опять должны были нынче, проснувшись и наѣвшись, взгромоздиться молодые и старыя американцы и американки, нѣмцы и нѣмки и за которыми опять должны были бѣжать по каменистымъ тропинкамъ, и все въ гору, вплоть до самой вершины Монте-Тиберио, нищія капрійскія старухи съ палками въ жилистыхъ рукахъ. Успокоенные тѣмъ, что мертваго старика изъ Санъ-Франциско, тоже собиравшагося ѣхать съ ними, но вмѣсто того только напугавшаго ихъ напоминаніемъ о смерти, уже отправили въ Неаполь, путешественники спали крѣпкимъ сномъ и на островѣ было еще тихо, магазины въ городѣ были еще закрыты. Торговаль только рынокъ на маленькой площади — рыбой и зеленью, и были на немъ одни простые люди, среди которыхъ, какъ всегда, безъ всякаго дѣла, стоялъ Лоренцо, высокій старикъ лодочникъ, беззаботный гуляка и красавецъ, знаменитый по всей Италіи, не разъ служившій моделью многимъ живописцамъ: онъ принесъ и уже продалъ за безцѣнокъ двухъ пойманныхъ имъ ночью омаровъ, шуршавшихъ въ передникѣ повара того самаго отеля, гдѣ ночевала семья изъ Санъ-Франциско, и теперь могъ спокойно стоять хоть до вечера, съ царственной повадкой поглядывая вокругъ, рисуясь своими лохмотьями, глиняной трубкой и краснымъ шерстянымъ беретомъ, спущеннымъ на одно ухо. А по обрывамъ Монте-Соляро, по древней финикійской дорогѣ, вырубленной въ скалахъ, по ея каменнымъ сту-

пенькамъ, спускались отъ Анакапри два абруццскихъ горца. У одного подъ кожанымъ плащемъ была во-лынка, — большой козій мѣхъ съ двумя дудками, у другого — нѣчто въ родѣ деревянной пѣвницы. Шли они — и цѣлая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простиралась подъ ними: и каменистые горбы острова, который почти весь лежалъ у ихъ ногъ, и та сказочная синева, въ которой плавалъ онъ, и сіяющіе утренніе пары надъ моремъ къ востоку, подъ ослабительнымъ солнцемъ, которое уже жарко грѣло, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по утреннему зыбкіе массивы Италіи, ея близкихъ и далекихъ горъ, красоту которыхъ безсильно выразить человѣческое слово... На полпути они замедлили шагъ: надъ дорогой, въ гротѣ скалистой стѣны Монте-Соляро, вся озаренная солнцемъ, вся въ теплѣ и блескѣ его, стояла въ бѣлоснѣжныхъ гипсовыхъ одеждахъ и въ царскомъ вѣнцѣ, золотисто-ржавомъ отъ непогодъ, Матерь Божія, кроткая и милостивая, съ очами, поднятыми къ небу, къ вѣчнымъ и блаженнымъ обителямъ трижды благословеннаго Сына Ея. Они обнажили головы, приложили къ губамъ свои цѣвницы — и полились наивныя и смиренно-радостныя хвалы ихъ солнцу, утру, Ей, Непорочной заступницѣ всѣхъ страждущихъ въ этомъ зломъ и прекрасномъ мірѣ, и Рожденному отъ чрева Ея въ пещерѣ Виоліемской, въ бѣдномъ пастушскомъ пріютѣ, въ далекой землѣ —
Иудиной...

Тѣло же мертваго старика изъ Санъ-Франциско возвращалось домой, въ могилу, на берега Новаго Свѣта. Испытавъ много униженій, много человѣческа-

го невниманія, съ недѣлю пространствовавъ изъ одного портового пакгауза въ другой, оно снова попало наконецъ на тотъ же самый знаменитый корабль, на которомъ такъ еще недавно, съ такимъ почетомъ везли его въ Старый свѣтъ. Но теперь уже скрывали его отъ живыхъ — глубоко спустили въ просмоленномъ гробѣ въ черный трюмъ. И опять, опять пошелъ корабль въ свой далекій морской путь. Ночью плыль онъ мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшіеся въ темномъ морѣ, для того, кто смотрѣлъ на нихъ съ острова. Но тамъ, на кораблѣ, въ свѣтлыхъ, сіяющихъ люстрами и мраморомъ залахъ, былъ, какъ обычно, людный балъ въ эту ночь.

Былъ онъ и на другую, и на третью ночь — опять среди бѣшеной вьюги, проносившейся надъ гудѣвшимъ, какъ погребальная месса, и ходившимъ траурными отъ серебрянной пѣны горами океаномъ. Безчисленные огненные глаза корабля были за снѣгомъ едва видны Дьяволу, слѣдившему со скаль Гибралтара, съ каменистыхъ воротъ двухъ міровъ, за уходившимъ въ ночь и вьюгу кораблемъ. Дьяволъ былъ громаденъ, какъ утесъ, но еще громаднѣе его былъ корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Новаго Человѣка со старымъ сердцемъ. Вьюга билась въ его снасти и широкогорлыя трубы, побѣлѣвшія отъ снѣга, но онъ былъ стоекъ, твердъ, величавъ — и страшенъ. На самой верхней крышѣ его одиноко высились среди снѣжныхъ вихрей тѣ уютные, слабо освѣщенные покои, гдѣ, погруженный въ чуткую и тревожную дремоту, надо всѣмъ кораблемъ возсѣдалъ его грузный водитель, похожій на языче-

скаго идола. Онъ слышалъ тяжкія завыванія и яростныя взвизгиванія сирены, удушаемой бурей, но успокаивалъ себя близостью того, въ конечномъ итогѣ для него самого непонятнаго, что́ было за его стѣною: той большой, какъ бы бронированной каюты, что то и дѣло наполнялась таинственнымъ гуломъ, трепетомъ и сухимъ трескомъ синихъ огней, вспыхивавшихъ и разрывавшихся вокругъ блѣднолицаго телеграфиста съ металлическимъ полуобручемъ на головѣ. Въ самомъ низу, въ подводной утробѣ «Атлантиды», тускло блистали сталью, сипѣли паромъ и сочились кипяткомъ и масломъ тысящепудовыя громады котловъ и всяческихъ другихъ машинъ, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, въ которой варилось движеніе корабля, — клокотали страшныя въ своей сосредоточенности силы, передававшіяся въ самый киль его, въ безконечно длинное подземелье, въ круглый туннель, слабо озаренный электричествомъ, гдѣ медленно, съ подавляющей человѣческую душу неукоснительностью, вращался въ своемъ маслянистомъ ложѣ исполинскій валь, точно живое чудовище, протянувшееся въ этомъ туннелѣ, пожежемъ на жерло. А середина «Атлантиды», столовыя и бальныя залы ея изливали свѣтъ и радость, гудѣли говоромъ нарядной толпы, благоухали свѣжими цвѣтами, пѣли струннымъ оркестромъ. И опять мучительно извивалась и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелковъ, брилліантовъ и обнаженныхъ женскихъ плечъ, тонкая и гибкая пара нанятыхъ влюбленныхъ: грѣшно-скромная, хорошенькая дѣвушка съ опущенными рѣсницами, съ невинной прической, и рослый молодой

человѣкъ съ черными, какъ бы приклеенными волосами, блѣдный отъ пудры, въ изящнѣйшей лакированной обуви, въ узкомъ, съ длинными фалдами, фракѣ, — красавецъ, похожій на огромную пиявку. И никто не зналъ ни того, что уже давно наскучило этой парѣ притворно мучиться своей блаженной мукой подъ безстыдно-грустную музыку, ни того, что стоитъ гробъ глубоко, глубоко подъ ними, на днѣ темнаго трюма, въ сосѣдствѣ съ мрачными и знойными нѣдрами корабля, тяжело одолюющаго мракъ, океанъ, вьюгу. . .

Васильевское. X. 1915.

ПОСТЪ

Деревенская усадьба, начало марта, первыя недѣли Великаго поста.

Дни темные, однообразные.

Но они точно долгій, спокойный канунъ праздника.

Я живу затворникомъ, за работой съ утра до вечера.

Но я работаю легко, споро, съ той рѣдкой остротой душевнаго зрѣнія, которая даетъ такое непередаваемое счастье.

— «Се тебѣ, душе моя, ввѣряетъ Владыка талантъ: со страхомъ прійми даръ».

Нынче я опять не замѣтилъ, какъ прошелъ мой день.

Но вотъ темнѣетъ, синѣетъ за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за трудъ, одѣваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкій мартовскій воздухъ. . .

Я иду по деревнѣ, додумываю свои думы, укрѣпляя свои тайные вымыслы, но все вижу, все замѣчаю и

чувствую — всему теперь открыто мое сердце, мои глаза, мои уши.

Ахъ, да, канунъ, канунъ.

Даже въ зимней урюмости этихъ сумерокъ уже есть весна — въ ихъ чуть зримой синевѣ.

Зыбки сѣрые снѣга полей за деревней, избы въ деревнѣ чернѣютъ смутно, нигдѣ ни одного огня.

Темно и въ усадьбѣ, на которую гляжу я, возвращаясь съ деревни.

За усадьбой облаками темнѣетъ подъ хмурымъ небомъ садъ.

Но и въ этомъ весна — въ томъ, что такъ поздно не зажигаютъ на деревнѣ огней и что садъ похожъ на тучу, что такъ хмуры и небо и вершины сада.

На выгонѣ — церковь, тамъ служба.

Я подхожу и различаю у церковныхъ воротъ парные сани, крытыя старымъ ковромъ, помѣщичьи.

Тутъ же, у коновязи, — мужицкія лошади въ дровняхъ, мелкія, лохматая, за зиму обросшія густой шерстью.

На снѣгу возлѣ нихъ — клоки сѣна, перебитого съ конскимъ навозомъ, и все это пахнетъ свѣжо, сыро, тоже по весеннему.

Полевымъ, нелюдимымъ гуломъ гудятъ голые тополи, возвышающіеся надъ церковной оградой.

На глазахъ, съ каждой минутой темнѣетъ, — лица проходящихъ въ церковь уже плохо видны, — къ ночи поднимается легкая затьма, и въ гудящихъ метлахъ тополей есть что-то строгое, жуткое.

За воротами, въ затишьи, воздухъ мягче, но порой церковный дворъ сѣрѣетъ отъ поземки, ограда дымитъ

ся, и по моему лицу пробѣгаетъ холодная снѣжная
лыль.

Когда на высококомъ каменномъ крыльцѣ церкви от-
воряются двери, видна, за черными сѣнями, ея внут-
ренность въ золотыхъ и красныхъ точкахъ огней, съ
блестящимъ иконостасомъ — и кажется торжествен-
ной.

Поднявшись на крыльцо, слышу тотъ сложный и
холодный, особый запахъ, что бываетъ только на па-
пертяхъ русскихъ церквей, ранней русской весной.

Дальше — стеклянные двери, густое и пахучее цер-
ковное тепло, темная стѣна народа и яркій свѣтъ за
нею.

Тамъ, въ этомъ яркомъ свѣтѣ, у большого свѣщни-
ка, на которомъ пылаетъ цѣлый золотой костеръ, сто-
итъ барышня, та, чьи сани я видѣлъ за воротами.

Она блѣдна, свѣжа и такъ чиста, какъ бываютъ
только говѣющія дѣвушки, едва вышедшія изъ отроче-
скаго возраста.

Ея сѣро-голубое платье, подъ которымъ сквозить
корсетъ, сжавшій тонкую талію, приняло отъ блеска
свѣчей зеленоватый, лунный тонъ.

На спинѣ лежитъ черная, чуть пушистая коса. Оза-
ренъ нѣжный овалъ ея лица и густыя рѣсницы, подня-
тыя на образа иконостаса.

Отъ какихъ грѣховъ очищается она постомъ, стоя-
ніями, своей блѣдностью?

Что за чувства у меня къ ней?

Дочь она мнѣ? Невѣста?

Въ темнотѣ возвращаюсь домой и провожу вечеръ

за книгой, въ мірѣ несуществующемъ, но столь нераз-
дѣльномъ со всѣмъ, чѣмъ втайнѣ живетъ моя душа.

Засыпаю съ мыслью о радостяхъ завтрашняго дня
— о радостяхъ своихъ вымысловъ.

Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, унынія.

Больше мнѣ ничего не надо. Все есть у меня, все
въ мірѣ — мое.

ПѢСНЯ О ГОЦѢ

Течеть рѣка къ морю, идетъ годъ за годомъ. Каждый годъ зеленѣеть къ веснѣ сѣрый лѣсъ надъ Днѣстромъ и Реутомъ.

Сто лѣтъ назадъ весна была не хуже, но правды на землѣ было еще меньше. Владѣли тогда Молдавіей стамбульскіе турки, на престолѣ молдавскій сажали господарями грековъ. Господарь жилъ султаномъ, боеерьъ, помѣщикъ, господаремъ, а податной, сардаръ, — какъ господарь и боеерь вмѣстѣ. За народъ и за Христову вѣру стояли одни гоцы.

Посмотри, говорятъ въ народѣ, посмотри въ темноту за рѣку, если доведется тебѣ ѣхать по берегу ночью: ты увидишь скалы, черную пещеру въ ихъ обрывѣ, а въ пещерѣ — груды тлѣющаго жара. Но то не жаръ, не угли, а червонныя старыя деньги. Входъ въ пещеру узокъ, съ каменнымъ порогомъ. У стѣны налѣво — каменный дымникъ, у стѣны направо — каменное ложе. А надъ ложемъ ниши: въ нихъ когда-то стояли святыя иконы. И надъ каждой нишей вбито по черному костылю изъ желѣза: на тѣхъ костыляхъ теплились передъ иконами лампы. Заколдованное золото

насыпано на полу посерединѣ: не есе успѣлъ раздаты гоцъ-войникъ, что жилъ въ этой древней кельѣ, до него служившей приютомъ святому, Божьему человеку. Вѣрный конь ходилъ на рѣчномъ прибрежѣ, подъ скалами. А самого гоца, — пусть радуется Господь его грѣшную душу! — носили на отдыхъ въ пещеру орлы на широкихъ крыльяхъ.

Былъ тотъ гоцъ не талгарь, не разбойникъ: конокрадамъ-фараонамъ ломалъ ноги, грабилъ однихъ богатыхъ, изъ добычи оставлялъ себѣ сотую долю, остальное раздавалъ неимущимъ, убивалъ, только защищаясь, въ среду и пятницу постился. Знаешь, какой нарядъ носилъ онъ? А такой, что любой пастухъ носить: ступни въ свиной кожѣ, шаровары и рубаха изъ холстины, за поясомъ ножъ, пистолы, плоска, — по господски, фляга, — на головѣ баранья шапка, на плечахъ просторная манта изъ овечьей шерсти, за плечами — карабинъ короткій. А самъ онъ былъ статенъ, какъ тополь, и, какъ дубъ, крѣпокъ, силенъ, какъ волкъ, смѣлъ, какъ пуля, хитеръ, какъ змѣя, скоръ, какъ мысли, горячъ, какъ любовь, вѣренъ, какъ судьба, съ бѣднымъ щедръ и нѣженъ, съ властнымъ — безпощаденъ; высоки и покаты были его плечи, широка волосатая грудь, тонка талія, усы русы и длинны, лицо — точно золото съ бронзой, глаза — огонь ясный.

На десятый годъ своихъ подвиговъ пошелъ гоцъ въ Святую ночь помолиться въ Божьей церкви.

Онъ убилъ пятнадцать грековъ, — ты вѣдь ихъ знаешь: положи въ давилню десять турокъ, десять жи-

довъ некрещенныхъ да десять собакъ паршивыхъ, — потечеть кровь грека; онъ ограбилъ тридцать сардарей, — вѣдь они были богаче самого князя, снимали на подать крестъ и рубаху; онъ поймалъ въ лѣсу и подковалъ конской подковой исправника-турка; онъ сложилъ сто двадцать пѣсенъ, выпилъ вина сорокъ бочекъ, танцевалъ и въ кормчлахъ и на свадьбахъ; у него былъ конь рыжій, — быстрый, какъ вѣтеръ, умный, какъ лисица, никогда не хромавшій, никогда не потѣвшій, даромъ что малый и дробный: такъ когда же было гоцу ходить въ церковь? Девять лѣтъ не былъ онъ въ церкви, хоть и думалъ о Богѣ не меньше насъ съ тобою, на десятый годъ собрался — и далъ себѣ крѣпкую клятву: что бы ни случилось, никого въ эту ночь не обидѣть, будь то хоть самъ дьяволь.

Вотъ оставилъ онъ коня въ полѣ, кинулъ на луку поводья, а самъ пошелъ по деревнѣ. Шелъ онъ и видѣлъ огни въ хатахъ, убранные столы и выбѣленные печи. Но въ одной, самой старой и убогой хатѣ, окна были тѣмны, — видно, тамъ даже и на огонь не хватило, не то что на святую пасху. И стало гоцу скучно, — вѣдь въ такой же бѣдной хатѣ и онъ выросъ, — и съ недобрымъ сердцемъ вошелъ онъ въ церковь. Почуяло его сердце, что не дастъ ему земля покоя даже и въ Христову полночь, — такъ оно, по Божьему хотѣнью, и случилось. Въ церкви было людно и тѣсно, у всѣхъ въ рукахъ горѣли свѣчи, на всѣхъ лицахъ была радость. Сталъ гоцъ гдѣ потемнѣе, — выше всѣхъ былъ онъ ростомъ, — сотворилъ усердную молитву, оглянулся и видитъ: стоитъ рядомъ съ нимъ ребенокъ, заморенный и въ лохмотьяхъ, держитъ руку матки,

блѣдной и блѣдно одѣтой, а хорошей, съ большими глазами. Гоць наклонился и спросилъ ее тихо: — «Женщина, кто ты такая, отчего ты блѣдна, равнодушна?» — Женщина робко взглянула на гоца и, склонивши глаза, промолчала. И въ другой спросилъ ее гоць, еще тише: — «Не твоя ли это хата у балки, не въ твоей ли это хатѣ темно въ окнахъ?» — Но опять ничего не отвѣтила ему сосѣдка, только поспѣшно отвернулась и закрестилась на иконы. И пересталъ гоць слушать, что пѣли и читали на амвонѣ о Страстяхъ Христовыхъ: — «Побей меня Крестъ и Божья Матерь! — подумалъ онъ съ тоскою. — Крѣпкій даль я себѣ зарокъ никого въ эту ночь не обидѣть, да не терпять мое человѣчье сердце!» — И, не кончивъ молитвы, скорымъ шагомъ вышелъ вонъ изъ церкви. Далеко за балкой, за прудами, насквозь, какъ фонарь, свѣтился богатый домъ въ помѣстьѣ. Какъ хозяинъ поднялся гоць на крыльцо того дома, разогналъ собакъ плетью и какъ хозяинъ вступилъ въ свѣтлые господскіе покои, а что было дальше, ты и самъ можешь догадаться.

Въ ту Христову полночь та блѣдная молдавка, что ни слова не сказала гоцу въ церкви, долго не рѣшалась войти въ свою хату: возвращаясь къ своей хатѣ, не разъ проходила она мимо, думая, что это не ея хата — такъ свѣтло было отъ господскихъ свѣчей въ ея окнахъ, такъ богато былъ убранъ столъ господской яствой. И сидѣлъ за тѣмъ столомъ высокій и могучій воиникъ и держалъ въ своихъ сильныхъ рукахъ ея слабаго младенца. Въ ту Христову полночь стала вдова-молдавка возлюбленной гоца, его милой, братцей.

И три года любила она гоца горячо и вѣрно. А на четвертый годъ, — мало въ людяхъ и ума и чести! — подкупилъ ее вамишъ, исправникъ, и предала она, Юда, гоца въ его руки. Тутъ чауши, пандуры и армаши окружили ея хату, когда гоць отдыхаль отъ далекой дороги, и хотѣли взять его живого. Онъ проснулся, схватился за пистолы, вышибъ ногой дверь хаты, сказалъ свое тайное слово, напустилъ на враговъ своихъ туману, свистнулъ коня Ройбу, вскочилъ въ сѣдло, гикнулъ — и полетѣлъ скорѣй мысли, держа въ зубахъ поводъ и стрѣляя назадъ изъ пистолей. Да враги отъ него не отставали. Вплавъ переплылъ конь рѣку, переплылъ другую, переплылъ и третью, и ужъ близки были лѣса, Кодри, гдѣ бы гоць укрылся. Да арнаутъ, сыщикъ, — чтобъ его земля поглотила! — забилъ карабинъ не пулей, — не брала гоца пуля, — а серебряной монетой и пробилъ гоцу спину, а коню его — ногу. Конь спотыкнулся, гоць упалъ на землю — тутъ его туго связали, каблукомъ проломили ему темя и въ оковахъ повезли на телѣгѣ въ Яссы. . . Добрые христовы люди, было это тоже въ Свѣтлый Христовъ праздникъ!

Вотъ тянуть на высокую гору телѣгу, обитую желѣзомъ, волю голубые. На телегѣ лежитъ войникъ съ кровавой раной, рядомъ идетъ майкулица, старая мать гоца, отираетъ кровь съ его раны, молитъ воловъ круторогихъ: — «Вы потише, волю, везите, прошу васъ о томъ со слезами, — не трясите телѣгу, въ ней мой сынъ умираетъ!» — И, какъ вода, тихо-тихо качается телѣга, и говоритъ войникъ: — «Уходи, родная, со своей печалью, а меня оставь съ моимъ огнемъ-ра-

ной!» — Да нѣтъ, это такъ поется въ пѣснѣ. Родная мать гоца тогда еще не слыхала, что везуть ея сына въ яскую темницу. И не знала она долго, какъ онъ тамъ томился, какъ его тамъ пытали. Судъ людской не скорый, и опять прошло три года, и опять пришелъ праздникъ. Тутъ сказалъ гоць стражамъ: — «Добрые христовы люди, есть у меня на душѣ мука, взялъ я у господина большой кошель съ деньгами и не видѣлъ, что въ деньгахъ тѣхъ — мѣдный образокъ на голубой лентѣ; это образокъ младенца, дайте мнѣ вернуть его господину; укажу вамъ за услугу мѣсто великаго клада и общаюсь самимъ Богомъ воротиться въ темницу; снилось мнѣ, что боерь тотъ пріѣхалъ въ Яссы, торгуетъ коней на базарѣ, — отдамъ ему образъ и опять приду въ оковы.»

Ты думаешь, что гоць не вернулся, что свистнулъ онъ Ройбу, на свободѣ гулявшаго въ Кодряхъ? Нѣтъ, гоць не разбойникъ, слово его твердо. Онъ нашель на базарѣ господина, онъ отдалъ образокъ младенца въ хозяйскія руки. А когда сдѣлалъ дѣло и вернулся въ темницу, повели его на судъ къ князю. Во дворцѣ было войско, много народу и начальниковъ много. А самъ князь, въ чалмѣ и кафтанѣ, сѣлъ на золотомъ тронѣ и спросилъ гоца: — «Гдѣ тѣ деньги, что ты накралъ, награбилъ?» — И ни слова ему гоць не отвѣтилъ, молча стоялъ передъ трономъ, величавый и грозный. Тогда князь понялъ, что спрашивалъ дерзко, и спросилъ иначе: — «Гдѣ тѣ деньги, что ты отнялъ у богатыхъ?» — И отвѣтилъ гоць князю: — «Господарь, ваше высочество, вотъ и всегда говори такъ съ народомъ: умно и учтиво. А гдѣ деньги, что отнялъ я у богатыхъ, про то знаетъ только конь Рой-

бу. И не тебѣ и не твоимъ слугамъ я отдамъ ихъ: вы все равно проиграете ихъ въ карты, на винѣ пропѣете!» — И ударилъ князь связаннаго гоца въ щеку, крѣпко ударилъ. — «Такъ и Христа Бога били на судѣ Пилата», — сказалъ ему гоць, отъ гнѣва тихо. И князь грозно крикнулъ: — «Молчать, талгарь, разбойникъ!» — И сказалъ гоць князю: — «На крестѣ, ваше высочество, простилъ разбойника Сынъ Божій!» — И ударилъ князь гоца еще злѣе и велѣлъ предать его казни.

Ты, зеленый листъ дикой яблони, вы, весенніе Кодри, и вы, быстрыя рѣки! Никогда бы вамъ не видѣть больше гоца, если бы не Божья защита! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговѣры не спасли бы его отъ позора. Ужъ стучали топорами на площади въ Яссахъ, ужъ вострилъ палачъ на бѣлую шею гоца свою тяжкую сѣкиру. Да дошла, долетѣла вѣсть о близкой казни гоца до его родного дома. Встань, Божій воиникъ, слушай: вотъ заплакала старшая сестра твоя, съ черной косой по колѣна, — и безсильны ея слезы; вотъ заплакала средняя твоя сестра, съ рыжей косой ниже стана, — и она помочь не въ силахъ; вотъ заплакала твоя младшая сестра, ребенокъ, — разступаются отъ слезъ ея Кодри, разливаются рѣки, раскрываются ущелья. А теперь, гоць, крѣпче схватись за темничную рѣшетку, — чуешь, чей это голосъ вступаеть? Это голосъ тебя породившей!

Какъ заплакала мать гоца, задрожала его тѣсная темница, зашатались ея стѣны, затрещала ржавая рѣшетка.

Какъ заплакала мать гоца, въ прахъ разсыпались

его оковы, вышелъ онъ на вольное поле и ударилъ
сильное ногою въ землю:

— Гей, гей, добрые люди! Попомню я вамъ вашъ
Христовъ праздникъ!

III. 1916.

СТАРУХА

Эта глупая увѣздная старуха сидѣла на лавкѣ въ кухнѣ и рѣвкой лилась, плакала.

Святочная мятель, вихрями носившаяся по снѣжнымъ крышамъ и снѣжнымъ пустымъ улицамъ, стала мутно синѣть, наливаться сумерками, а въ домѣ темнѣло.

Тамъ, въ залѣ, чинно стояли кресла вокругъ стола подъ бархатной скатертью, надъ диваномъ тускло блестяла картина, изображавшая зеленоватый кружокъ луны въ облакахъ, дремучій литовскій лѣсъ, тройку лошадей, сани, изъ которыхъ розовыми лучами палили охотники, и кувыркающихся за санями волковъ, въ одномъ углу до потолка раскидывалось изъ кадки мертвыми листьями сухое тропическое растеніе, а въ другомъ воронкой зіялъ хоботъ граммофона, оживавшій только по вечерамъ, при гостяхъ, когда изъ него вопилъ въ притворномъ отчаяніи чей-то хриплый голосъ: — «Ахъ, тяжело, тяжело, господа, жить съ одной женой всегда!» — Въ столовой текло съ мокрыхъ тряпокъ, лежавшихъ на подоконникахъ, въ клѣткѣ, висѣвшей надъ столомъ, крытымъ клеенкой, спала, за-

вернувъ головку подъ крылышко, больная тропическая птичка, — сномъ тонкимъ и, въ силу непривычки къ нашимъ святкамъ, грустнымъ, грустнымъ. Въ узкой комнатѣ рядомъ со столовой крѣпко, съ храпомъ спалъ квартирантъ, пожилой холостякъ, учитель прогимназіи, въ классахъ дравшій дѣтей за волосы, а дома усердно работавшій надъ большимъ, многолѣтнимъ сочиненіемъ: «Типъ скованнаго Прометея въ міровой литературѣ.» Въ спальнѣ тяжело и зло спали хозяева послѣ страшнаго скандала за объдомъ. А старуха, пользуясь свободнымъ временемъ, сидѣла на лавкѣ въ темнѣющей кухнѣ и разливалась горькими слезами.

Скандалъ-то за объдомъ начался опять изъ-за нея! Хозяйка, которой по годамъ уже давно слѣдовало стыдиться ревновать, съ ума сходила отъ ревности и наконецъ таки поставила на своемъ — наняла въ кухарки старуху. Хозяинъ, который уже давно красился, но всѣ свои помыслы устремлялъ только на любовь, рѣшилъ сжить эту старуху со свѣту. И правда, была старуха куда какъ не хороша собой: высокая, гнутая, узкоплечая, глухая и подслѣпая, отъ робости безтолковая, готовила, несмотря на всѣ свои старанія, изъ рукъ вонъ плохо. Она трепетала за каждый свой шагъ, изъ силъ выбивалась, что бы угодить. . . Не радостно было ея прошлое: ну, конечно, мужъ разбойникъ и пьяница, потомъ послѣ его смерти, чужіе углы и поборы подъ окнами, долгіе годы голода, холода, безпріютности. . . И ужъ какъ же была старуха счастлива, что опять она стала не хуже людей, — сыта, тепла, обута, одѣта, служить у чиновника! Какъ молилась она передъ сномъ, стоя на колѣнкахъ на ледяномъ по-

лу, всю свою душу отдавая Господу за милость, столь неожиданно ей оказанную, какъ просила Его не лишать ее этой милости! Но хозяинъ поѣдомъ ѣлъ ее: нынче за обѣдомъ онъ такъ гаркнулъ на нее, что у нея руки-ноги оторвались отъ ужаса, а миска со щами полетѣла на полъ. И что только было потомъ между хозяевами! Даже учитель, весь обѣдъ думавшій о Прометее, не выдержалъ, отвелъ кабаньи глазки въ сторону и сказалъ:

— Не ссорьтесь, господа, ради высокаторжественнаго праздника!

Вотъ домъ затихъ, успокоился. Посинѣлъ во дворѣ дымъ выюги, выше крышъ намело сугробы, завалило ворота и калитку. . . Блѣдный, ушастый мальчикъ въ валенкахъ, сирота, хозяйкинъ племянникъ, долго училъ уроки, приладившись къ мокрому подоконнику въ своей коморкѣ рядомъ съ кухней. Онъ былъ отрокъ прилежный и на зубокъ рѣшилъ вытвердить то, что ему задали на рождественскія каникулы. Онъ не хотѣлъ огорчать своихъ воспитателей и благодѣтелей, онъ, имъ на утѣшеніе, отечеству на пользу, старался на всю свою жизнь запомнить, что, двѣ съ половиной тысячи лѣтъ тому назадъ, греки (народъ вообще мирный, съ утра до вечера соборно участвовавшій въ театральныхъ трагедіяхъ и совершавшій жертвоприношенія, а въ свободные часы вопрошавшій оракула) на голову разбили однажды войско персидскаго царя при помощи богини Аѳины-Паллады, да могли бы пойти по пути цивилизаціи и еще дальше, если бы не изнѣжились, не развратились и не погибли, какъ было это, впрочемъ, со всѣми древними народами, неумѣренно

предававшимися идолопоклонству и роскоши. А за-
помнимъ, закрылъ книжку и долго скребъ ногтями
ледъ съ оконнаго стекла. Потомъ всталъ, неслышно
подошелъ къ двери въ кухню, заглянулъ за дверь —
и опять увидѣлъ то же самое: въ кухнѣ тихо и сум-
рачно, рублевые стѣнные часы, у которыхъ стрѣлки
не двигались, всегда показывали четверть перваго,
стучать необыкновенно четко и торопливо, свинка, зи-
мующая въ кухнѣ, стоитъ возлѣ печки и, до глазъ за-
пустивъ морду въ лохань съ помоями, роется въ
нихъ. . . а старуха сидитъ и плачетъ: утирается подо-
ломъ — и рѣвкой течетъ!

Плакала она и потомъ, — засвѣтивъ лампочку и
раскалывая на полу тупымъ кухоннымъ ножомъ сос-
новыя щепки для самовара. Плакала и вечеромъ, по-
давъ самоваръ въ хозяйскую столовую и отворивъ
дверь пришедшимъ гостямъ, — въ то время, когда по
темной, снѣжной улицѣ брелъ къ дальнему фонарю,
задуваемому вьюгой, оборванный караульщикъ, всѣ
сыновья котораго, четыре молодыхъ мужика, уже дав-
но были убиты изъ пулеметовъ нѣмцами, когда въ
непроглядныхъ поляхъ, по смраднымъ избамъ, укла-
дывались спать бабы, старики, дѣти и овцы, а въ да-
лекой столицѣ шло истинно разлитое море веселія:
въ богатыхъ ресторанахъ притворялись богатые гости,
дѣлая видъ, что имъ очень нравится пить изъ кувши-
новъ ханжу съ апельсинами и платить за каждый та-
кой кувшинъ семьдесятъ пять рублей; въ подвальныхъ
кабакахъ, называемыхъ кабаре, нюхали кокаинъ и по-
рою, ради вящей популярности, чѣмъ попадая били
другъ друга по раскрашеннымъ физиономіямъ моло-

дые люди, притворявшіеся футуристами, то есть людьми будущаго; въ одной аудиторіи притворялся по-этомъ лакей, пѣвшій свои стихи о лифтахъ, графиняхъ, автомобиляхъ и ананасахъ; въ другой, гдѣ шло засѣданіе «Общества любителей сближенія съ Европой», очень большое собраніе слушало съ наиприторнѣйшей серьезностью восторженно-гнусавый рефератъ о славномъ будущемъ Россіи и Европы — «О грядущемъ сліяніи Лика Женственнаго съ Ликомъ Мужескимъ»; въ одномъ театрѣ лѣзь куда-то вверхъ по картоннымъ гранитамъ нѣкто съ совершенно голымъ черепомъ, настойчиво у кого-то требовавшій отворить ему какія-то врата; въ другомъ выѣзжалъ на сцену, верхомъ на старой бѣлой лошади, гремѣвшей по полу копытами, и, прикладывая руку къ бумажнымъ латамъ, цѣлыхъ пятнадцать минутъ пѣлъ за двѣ тысячи рублей великій мастеръ притворяться старинными русскими князьями, межъ тѣмъ какъ пятьсотъ мужчинъ съ зеркальными лысынами пристально глядѣли въ бинокли на женскій хоръ, громкимъ пѣніемъ провозжавшій этого князя въ походъ, и столько же рядныхъ дамъ ѣли въ ложахъ шоколадныя конфеты; въ третьемъ старики и старухи больные тучностью, кричали и топали другъ на друга ногами, притворяясь давнымъ давно умершими замоскворѣцкими купцами и купчихами; въ четвертомъ худые дѣвицы и юноши, раздѣвшись до нага и увѣнчавъ себя стеклянными виноградными гроздьями, яростно гонялись другъ за другомъ, притворяясь какими-то сатирами и нимфами. . . Словомъ, до самой поздней ночи, пока одни караулили, а другіе укладывались спать или веселились, горькими слезами плакала глупая уѣздная ста-

руха подъ хриплый, притворно-отчаянный крикъ, до-
летавшій изъ гостиной ея хозяевъ:

Ахъ, тяжело, тяжело, господа,
Жить съ одной женой всегда!

1916.

ОТТО ШТЕЙНЪ

I

Была осень.

Шли дожди, улицы Берлина были полны раскрытыми зонтиками и мокрыми верхами экипажей, блестя асфальтомъ, точно черное зеркало.

А Штейнъ, готовившійся къ отъѣзду, цѣлые дни проводившій въ магазинахъ, въ транспортныхъ конторахъ, въ бюро спальныхъ вагоновъ и пароходныхъ обществъ, мысленно жилъ уже не въ Берлинѣ, не забывая, впрочемъ, что дѣлать заказы и наводить справки надо здраво и расчетливо.

Въ силу противоположности съ тѣмъ первобытнымъ міромъ, который ожидалъ его, какъ чувствовалъ онъ въ эти дни всю сложность, всю полноту, всю мощь европейской культуры и свою принадлежность къ ней!

Несмотря на свои скромныя средства, онъ постарался обставить свое путешествіе всѣми доступными для него средствами и обезпечить себѣ его плодотворность насколько возможно: въ глубинѣ души онъ таилъ твердую увѣренность, что когда нибудь оно будетъ разсматриваться какъ событіе, что оно не пройдетъ безслѣдно для науки, «для великаго дѣла познанія единосущнаго во всемъ своемъ многообразіи міро-

вого бытія, на разумномъ пониманіи котораго человѣчество уже воздвигаетъ свою новую, истинную и незыблемую религію», какъ не разъ думалъ онъ, вѣрный ученикъ и послѣдователь Геккеля.

Всѣ свои вещи, всѣ тѣ сундуки и ящики разной величины и формы, куда было уложено все необходимое для его работъ, а также тропическіе костюмы, охотничья обувь, дорогое англійское ружье, револьверы, принадлежности для фотографированія, онъ отправилъ на пароходъ «Лютцовъ», въ Геную.

Затѣмъ сдѣлалъ прощальные визиты знакомымъ и товарищамъ, написалъ прощальныя письма роднымъ и друзьямъ и, наконецъ, успокоенный, готовый къ новымъ впечатлѣніямъ, сѣлъ въ автомобиль, который и помчалъ его на Ангальтскій вокзалъ.

Было тихое и свѣтлое утро начала ноября, съ блескомъ низкаго солнца на перекресткахъ и легкимъ голубымъ туманомъ въ перспективѣ сыроватыхъ улицъ.

При поворотѣ на Унтеръ-денъ-Линденъ, гдѣ на черныхъ деревьяхъ еще висѣли рѣдкіе канареечные листья, на минуту пришлось задержаться: щеголяя своими ранними выѣздами, медленно ѣхалъ, въ блестящей каскѣ и сѣрой лѣтней шинели, императоръ, сидѣвшій рядомъ со старымъ, ужаснымъ въ своей апоплексической крѣпости генераломъ; Штейнъ хорошо видѣлъ не въ мѣру властный профиль императора — и съ достоинствомъ поднималъ котелокъ.

Потомъ автомобиль пошелъ еще шибче и черезъ пять минутъ доставилъ его на мѣсто, а синія блузы носильщиковъ, гулкія громадныя залы, толпа, льющаяся къ высокимъ дверямъ дебаркадера, видъ стройнаго, шипящаго подъ его стекляннымъ колпакомъ повз-

да, кислая вонь газа и каменного угля, мальчишки съ тельжками буфетами и звонкіе ихъ крики уже со-всѣмъ перенесли его въ дорожный міръ.

Поѣздъ, въ который онъ сѣлъ, былъ великолѣпный.

Вагонъ, раскачиваясь и пружиня, летѣлъ почти безъ остановокъ.

Стекла нагрѣвались отъ солнца, по купѣ ходили полосы горячаго свѣта, изъ-за бѣлаго дыма, проносившагося назадъ, то-и-дѣло открывались солнечныя осеннія поля, суглинистыя пашни, красныя крыши фермъ, мелкорослые сосновые перелѣски, серебристо-песчаные бугры, трубы заводовъ, иногда — улицы городовъ, ихъ разнообразно тѣснившіяся крыши и стѣны, такъ близко мелькавшія съ обѣихъ сторонъ, что взглядъ улавливалъ внутренность комнатъ съ открытыми на время утренней уборки окнами.

Штейнъ курилъ, читалъ газету; на остановкахъ онъ быстро спускалъ широкую раму своего окна, быстро бралъ изъ рукъ мальчика, бѣжавшаго по солнечной прохладной платформѣ, длинный стаканъ съ пивомъ. . .

II

Въ Генуѣ его встрѣтилъ дождь и мягкій морской воздухъ.

Все привычное, европейское осталось по ту сторону снѣжныхъ и туманныхъ Альпъ.

Здѣсь было все другое, — другой вокзалъ, другой народъ, другая суета, даже другая грязь на дурной мостовой.

Чувствуя себя человекомъ другой, высшей расы, Штейнъ, однако, не безъ удовольствія взглянулъ на итальянцевъ, на этихъ торопливыхъ и разговорчивыхъ, небольшихъ и легкихъ людей, и на мокрую зелень пальмъ на площади передъ вокзаломъ.

Ночь онъ провелъ въ сырой комнатѣ, окна которой выходили въ узкія и глубокія, нищенски и мрачно освѣщенные улицы, на бѣлье и тряпки, развѣшенные на веревкахъ, протянутыхъ отъ дома къ дому.

На другой день, подъ дождемъ, на плохомъ извозчикѣ, на худой лошади, которая все шла бокомъ, точно норовя непременно попасть подъ трамвай, переѣхалъ на «Лютцовъ», который вскорѣ и отчалилъ подъ звуки нѣмецкаго гимна.

Натянулся канатъ, на которомъ повлекъ его тупоносую громаду побѣжавшій къ выходу изъ порта маленькій буксиръ, и мыльная вода, взбитая его винтомъ, лодки, волнорѣзы, пароходы — все попыло назадъ.

Сумрачныя облака тяжело спускались по горамъ, синѣвшимъ за холмами, на которыхъ покато бѣлѣлъ отдалявшійся городъ; разомкнулся и снова сомкнулся послѣдній молъ — и открылась впереди равнина непривѣтливаго моря, сверкавшая барашками подъ ненастнымъ низкимъ небомъ; снѣгъ прибоя высоко взметывался вокругъ темнѣвшаго вдали мыса, вѣтеръ буйно трепалъ еще не спущенный на кормѣ большой флагъ; музыка смолкла, пассажиры, придерживая шляпы, покидали упруго осѣдавшую и поднимающуюся палубу. . .

Штейнъ, рослый, рыжеусый, свѣтлоглазый, въ серомъ костюмѣ, съ крупными и сильными ногами, об-

витыми по толстымъ икрамъ суконнымъ бинтомъ, въ грубыхъ башмакахъ и тирольской шляпѣ, долго стоялъ одинъ, глядя на уменьшавшіеся и мутнѣвшіе берега.

III

Въ сумерки девятаго ноября «Лютцовъ» прошелъ мимо Неаполя, и сумерки эти были еще мягче и темнѣй, чѣмъ въ Генуѣ, вѣяло еще болѣе вольнымъ вѣтромъ надъ огромнымъ смутнымъ заливомъ, за которымъ длинной цѣпью переливались манящіе къ себѣ огни города.

Потомъ, въ сѣрый, совсѣмъ весенній день, Штейнъ увидалъ среди сѣро-жемчужной морской равнины одинокій фіолетовый конусъ вѣчно дымящагося Стромболи, передъ вечеромъ — курчавыя облака на горахъ Сициліи, а ночью — новые огни, въ Мессинѣ.

На розовой утренней зарѣ, разбуженный медленной, но глубокой качкой, мѣрно отдѣлявшей отъ койки занавѣску, онъ любовался въ отпотѣвшее окно каюты, подъ которымъ глянцевитыми буграми ходила холодная вода, полосатымъ отъ снѣга шатромъ Этны, распластаннымъ и повисшимъ въ ясномъ небѣ; въ полдень, при южномъ вѣтрѣ и веселомъ жидкомъ блескѣ, записалъ въ своемъ журналѣ, что цвѣтъ моря изменился, сталъ густо-лиловый. . .

Двое сутокъ пробылъ «Лютцовъ» въ великолѣпной іонической пустынѣ, полной призраками воздушно-сиреневыхъ острововъ, а на третьи сутки пыльной по-

лосой означился на горизонтѣ низкій берегъ, показались мачты и дома Портъ-Саида.

Въ Портъ-Саидѣ нѣсколько часовъ стояли, и Штейнъ посѣтилъ городъ.

Назойливость несмѣтныхъ попрошаекъ, не дававшихъ ему проходу, возмутила его; однако, вынувъ книжечку, онъ записалъ, что движенія этихъ семитовъ, не связанныхъ европейской одеждой, восхитительны.

Онъ ходилъ по улицамъ, пробовалъ греческія сладости и турецкій кофе, сидя возлѣ кофейни и протягивая ноги мальчишкѣ, стоявшему передъ нимъ на коленяхъ, ожесточенно работавшему сапожными щетками и порой съ очаровательной дѣтской радостью сверкавшему на него бѣлками.

IV

Возвратясь на пароходъ и полулежа на палубѣ въ полотняномъ креслѣ, онъ глядѣлъ, какъ копошились возлѣ пароходовъ сотни худыхъ, полуголыхъ грузчиковъ, ведрами перекидывая съ широкодонныхъ барокъ въ ихъ трюмы горы кокса и покрываясь его металлической пылью съ ногъ до головы; солнце грѣло, чайки кричали страдальчески-блаженно, а онъ смотрѣлъ и думалъ о геніи Лессепса, о томъ, что Лессепсъ совершилъ величайшій переворотъ въ судьбахъ человечества, — думалъ то, что много разъ читалъ въ книгахъ, но наслаждался этими мыслями какъ своими собственными.

Когда же солнце спустилось за дальнія трубы и

мачты, въ шафрановое зарево, «Лютцовъ», точно китъ, заплывшій въ рѣку, потянулся по Каналу, зеленой полосой пролежавшему среди кустарниковъ, насаженныхъ по его бугристымъ песчанымъ берегамъ.

Быстро блекла и темнѣла, въ смуглой мути терялась пустыня, вставала съ востока ночь древнихъ арабійскихъ земель, ея молчаливая печаль, осторожно подвигался затихшій пароходъ — и сознание близости Синая будило въ душѣ отзвукъ какого-то священнаго, тайно сохранившагося отъ дѣтскихъ дней чувства. . .

А потомъ, слегка хмельной, самоувѣренный и гордый, во фракѣ и съ сигарой, Штейнъ долго стоялъ въ толпѣ нарядныхъ мужчинъ и женщинъ, вышедшихъ послѣ обѣда полюбоваться на рѣдкое злѣлице: на носу «Лютцова», подъ бушпритомъ, солнцемъ пылалъ громадный электрическій фонарь — и далеко билъ отъ него въ темноту бѣлый слѣпящій свѣтъ: влачась по извивамъ Канала, «Лютцовъ» зорко озиралъ все, что было на его пути, — мутную воду, пласты бураго ила, пересыпанные пескомъ кустарники, лодки возлѣ сторожевыхъ постовъ, женскія фигуры босоногихъ феллаховъ, на корточкахъ, сидѣвшихъ въ своихъ длинныхъ рубахахъ на кормахъ лодокъ.

Этотъ иль, эти арабійскіе и египетскіе пески, эти первобытныя фигуры напоминали о жизни глухой, дикой, ветхозавѣтной.

Но темнота на горизонтѣ все время сквозила и серебрилась отъ приближающихся прожекторовъ встрѣчныхъ пароходовъ.

И разъ «Лютцовъ» совсѣмъ замедлилъ ходъ и привалился къ берегу, чтобы пропустить чуть не цѣлый

пловучій городъ: онъ надвигался, рѣзко и фіолетово сіяя своими широкими, нестерпимо блестящими, какъ зажженный магній, лучами, затопилъ дневнымъ свѣтомъ всѣхъ стоявшихъ на «Лютцовѣ» и съ шумомъ прошелъ мимо — всѣми своими этажами, высокими мачтами, трубами, золотомъ освѣщенныхъ иллюминаторовъ и раскрытыхъ дверей, за которыми играла музыка въ переполненныхъ народомъ залахъ. . .

Въ эту ночь, у преддверія тропиковъ, небо отъ большого количества звѣздъ первой величины казалось мрачнымъ и торжественнымъ.

И, чувствуя себя въ избыткѣ всѣхъ своихъ силъ и способностей, исполненнымъ надеждъ и твердой вѣры въ себя, въ свой умъ, въ свое сердце, въ свое міропониманіе, Штейнъ медленно ходилъ по палубѣ, строго глядя въ черное звѣздное небо своими надменными германскими глазами.

1916.

ЛЕГКОЕ ДЫХАНІЕ

На кладбищѣ, надъ свѣжей глиняной насыпью, стоитъ новый крестъ изъ дуба, крѣпкій, тяжелый, гладкій, такой, что на него пріятно смотрѣть.

Апрѣль, но дни сѣрые; памятники кладбища, просторнаго, настоящаго уѣзнаго, еще далеко видны сквозь голыя деревья, и холодный вѣтеръ звенитъ и эвенитъ фарфоровымъ вѣнкомъ у подножія креста.

Въ самый же крестъ вдѣланъ довольно большой бронзовый медальонъ, а въ медальонѣ — фотографическій портретъ гимназистки съ радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

Дѣвочкой она ничѣмъ не выдѣлялась въ той шумной толпѣ коричневыхъ платицъ, которая такъ нестройно и молодо гудитъ въ коридорахъ и классахъ; что можно было сказать о ней, кромѣ того, что она изъ числа хорошенькихъ, богатыхъ и счастливыхъ дѣвочекъ, что она способна, но шаловлива и очень безпечна къ тѣмъ наставленіямъ, которыя ей дѣлаетъ классная дама? Затѣмъ она стала расцвѣтать, развиваться не по днямъ, а по часамъ. Въ четырнадцать лѣтъ у нея, при тонкой таліи и стройныхъ ножкахъ, уже хорошо обрисовывались груди и всѣ тѣ формы,

очарованіе которыхъ еще никогда не выразило чело-
вѣческое слово; въ пятнадцать она слыла красавицей.
Какъ тщательно причесывались нѣкоторыя ея подру-
ги, какъ чистоплотны были, какъ слѣдили за своими
сдержанными движеніями! А она ничего не боялась
— ни чернильныхъ пятенъ на пальцахъ, ни раскрас-
нѣвшагося лица, ни растрепанныхъ волосъ, ни заго-
лившагося при паденіи на бѣгу колѣна. Безъ всякихъ
ея заботъ и усилій и какъ-то незамѣтно пришло къ
ней все то, что такъ отличало ее въ послѣдніе два года
изъ всей гимназіи, — изящество, нарядность, лов-
кость, ясный блескъ глазъ... Никто не танцевалъ
такъ на балахъ, какъ Оля Мещерская, никто не бѣгалъ
такъ на конькахъ, какъ она, ни за кѣмъ на балахъ не
ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то нико-
го не любили такъ младшіе классы, какъ ее. Незамѣт-
но стала она дѣвушкой, и незамѣтно упрочилась ея
гимназическая слава, и уже пошли толки, что она вѣт-
ренна, что она не можетъ жить безъ поклонниковъ,
что въ нее «безумно» влюбленъ гимназистъ Шеншинъ,
что будто бы и она его любитъ, но такъ измѣнчива
въ обращеніи съ нимъ, что онъ покушался на само-
убійство...

Послѣднюю свою зиму Оля Мещерская совсѣмъ со-
шла съ ума отъ веселья, какъ говорили въ гимназіи.
Зима была снѣжная, солнечная, морозная, рано опу-
скалось солнце за высокій ельникъ снѣжнаго гимнази-
ческаго сада, но неизмѣнно погожее, лучистое, объ-
щающее и на завтра морозъ и солнце, гулянье на Со-
борной улицѣ, катокъ въ городскомъ саду, розовый
вечеръ, музыку и эту во всѣ стороны скользящую на
каткѣ толпу, въ которой Оля Мещерская казалась са-

мой нарядной, самой беззаботной, самой счастливой. И вотъ, однажды, на большой перемѣнѣ, когда она вихремъ носилась по сборному залу отъ гонявшихся за ней и блаженно визжавшихъ первоклассницъ, ее неожиданно позвали къ начальницѣ. Она съ разбѣгу остановилась, сдѣлала только одинъ глубокій вздохъ, быстрымъ и уже привычнымъ движеніемъ оправила волосы, дернула уголки передника къ плечамъ и, сіяя глазами, побѣжала навверхъ. Начальница, небольшая, моложавая, но сѣдая, спокойно сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ за письменнымъ столомъ, подъ царскимъ портретомъ.

— Здравствуйте, m-me Мещерская, — сказала она по французски, не поднимая глазъ отъ вязанья. — Я, къ сожалѣнію, уже не первый разъ принуждена призывать васъ сюда, чтобы говорить съ вами относительно вашего поведенія.

— Я слушаю, madame, — отвѣтила Мещерская, подходя къ столу, глядя на нее ясно и живо, но безъ всякаго выраженія на лицѣ, и присѣла такъ легко и граціозно, какъ только она одна умѣла.

— Слушать вы меня будете плохо, я, къ сожалѣнію, убѣдилась въ этомъ, — сказала начальница и, потянувъ нитку и завертѣвъ на лакированномъ полу клубокъ, на который съ любопытствомъ посмотрѣла Мещерская, подняла глаза: — Я не буду повторяться, не буду говорить пространно, — сказала она.

Мещерской очень нравился этотъ необыкновенно чистый и большой кабинетъ, такъ хорошо дышавшій въ морозные дни тепломъ блестящей голландки и свѣжестью ландышей на письменномъ столѣ. Она посмотрѣла на молодого Царя, во весь ростъ написан-

наго среди какой-то блистательной залы, на ровный проторъ въ молочныхъ, аккуратно гофрированныхъ волосахъ начальницы и выжидательно молчала.

— Вы уже не дѣвочка, — многозначительно сказала начальница, втайнѣ начиная раздражаться.

— Да, madame, — просто, почти весело отвѣтила Мещерская.

— Но и не женщина, — еще многозначительнѣе сказала начальница, и ея матовое лицо слегка заалѣло. — Прежде всего, — что это за прическа? Это женская прическа!

— Я не виновата, madame, что у меня хорошіе волосы, — отвѣтила Мещерская и чуть тронула обѣими руками свою красиво убранную голову.

— Ахъ, вотъ какъ, вы не виноваты! — сказала начальница. — Вы не виноваты въ прическѣ, не виноваты въ этихъ дорогихъ гребняхъ, не виноваты, что разоряете своихъ родителей на туфельки въ двадцать рублей! Но, повторяю вамъ, вы совершенно упускаете изъ виду, что вы пока только гимназистка. . .

И тутъ Мещерская, не теряя простоты и спокойствія, вдругъ вѣжливо перебила ее:

— Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виноватъ въ этомъ — знаете кто? Другъ и сосѣдъ папы, а вашъ братъ, Алексѣй Михайловичъ Малютинъ. Это случилось прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ. . .

А черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора казачій офицеръ, некрасивый и плебейскаго вида, не имѣвшій ровно ничего общаго съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежала Оля Мещерская, застрѣлилъ ее на платформѣ вокзала, среди большой толпы народа,

только что прибывшей съ поѣздомъ. И невѣроятное, ошеломившее начальницу признаніе Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицеръ заявилъ судебному слѣдователю, что Мещерская завлекла его, была съ нимъ въ связи, поклялась быть его женой, а на вокзалѣ, въ день убійства, провожая его въ Новочеркасскъ, вдругъ сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что всѣ эти разговоры о бракѣ — одна ея издѣвательство надъ нимъ, и дала ему прочесть ту страницу своего дневника, гдѣ говорилось о Малиутинѣ.

— Я пробѣжалъ эти строки и тутъ же, на платформѣ, гдѣ она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрѣлилъ въ нее, — сказалъ офицеръ. — Дневникъ этотъ вотъ онъ, взгляните, что было написано въ немъ десятаго іюля прошлаго года.

Въ дневникѣ стояло слѣдующее:

«Сейчасъ второй часъ ночи. Я крѣпко заснула, но тотчасъ же проснулась. . . Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, всѣ уѣхали въ городъ, я осталась одна. Я была такъ счастлива, что одна, что не умѣю сказать! Я утромъ гуляла одна въ саду, въ полѣ, была въ лѣсу, мнѣ казалось, что я одна во всемъ мірѣ, и я думала такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Я и обѣдала одна, потомъ цѣлый часъ играла, подъ музыку у меня было такое чувство, что буду жить безъ конца и буду такъ счастлива, какъ никогда! Потомъ заснула у папы въ кабинетѣ, а въ четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что пріѣхалъ Алексѣй Михайловичъ. Я ему очень обрадовалась, мнѣ было такъ пріятно принять его и занимать. Онъ пріѣхалъ на парѣ своихъ вятковъ, очень красивыхъ, и онѣ все время стояли у

крыльца, но онъ остался, потому что былъ дождь и ему хотѣлось, чтобы къ вечеру просохло. Онъ жалѣлъ, что не засталъ папу, былъ очень оживленъ и держалъ себя со мной кавалеромъ, много шутилъ, что онъ давно влюбленъ въ меня. Когда мы гуляли передъ чаемъ по саду, была опять прелестная погода, солнце блестяло черезъ весь мокрый садъ, хотя стало совсѣмъ холодно, и онъ велъ меня подъ руку и говорилъ, что онъ Фаустъ съ Маргаритой. Ему пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ еще очень красивъ и всегда хорошо одѣтъ — мнѣ не понравилось только, что онъ пріѣхалъ въ крылаткѣ, — весь пахнетъ англійскимъ одеколономъ, и глаза совсѣмъ молодые, черные, а борода изящно раздѣлена на двѣ длинныя части и совершенно серебряная. За чаемъ мы сидѣли на стеклянной верандѣ, я почувствовала себя какъ будто нездоровой и прилегла на тахту, а онъ курилъ, потомъ пересѣлъ ко мнѣ, сталъ опять говорить какія-то любезности, потомъ разсматривать и цѣловать мою руку. Я закрыла лицо шелковымъ платкомъ, и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня въ губы черезъ платокъ. . . Я не понимаю, какъ это могло случиться, я сошла съ ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мнѣ одинъ выходъ. . . Я чувствую къ нему такое отвращеніе, что не могу пережить этого! . . .»

Городъ за эти апрѣльскіе дни сталъ чистъ, сухъ, камни его побѣлѣли, и по нимъ легко, пріятно идти. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, по Соборной улицѣ, ведущей къ выѣзду изъ города, направляется маленькая женщина въ траурѣ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ изъ черного дерева. Она минуетъ пожарный дворъ, переходитъ по шоссе грязную

площадь, гдѣ много закопченныхъ кузницъ и свѣжо дуетъ полевой воздухъ; дальше, между мужскимъ монастыремъ и острогомъ, бѣлѣтъ облачный склонъ неба и сѣрѣтъ весеннее поле, а потомъ, когда проберешься среди лужъ подъ стѣной монастыря и повернешь налево, увидишь какъ бы большой низкій садъ, обнесенный бѣлой оградой, надъ воротами которой написано Успеніе Божіей Матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идетъ по главной аллѣ. Дойдя до скамьи противъ дубоваго креста, она сидитъ на вѣтру и на весеннемъ холодѣ часъ, два, пока совсѣмъ не зазябнуть ея ноги въ легкихъ ботинкахъ и рука въ узкой лайкѣ. Слушая весеннихъ птицъ, сладко поющихъ и въ холодъ, слушая звонъ вѣтра въ фарфоровомъ вѣнкѣ, она думаетъ иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было передъ ея глазами этого мертваго вѣнка. Этотъ вѣнокъ, этотъ глиняный бугоръ, дубовый крестъ! Возможно ли, что подъ нимъ та самая, чьи глаза такъ безсмертно сіяютъ изъ этого бронзоваго медальона, и какъ совмѣстить съ этимъ чистымъ взглядомъ то ужасное, что соединено теперь съ именемъ Оли Мещерской? — Но въ глубинѣ души маленькая женщина счастлива, какъ всѣ влюбленные или вообще преданные какой нибудь страстной мечтѣ люди.

Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, немолодая дѣвушка, давно живущая какой-нибудь выдумкой, замѣняющей ей дѣйствительную жизнь. Сперва такой выдумкой былъ ея братъ, бѣдный и ничѣмъ не замѣчательный прапорщикъ, — она связывала всю свою душу съ нимъ, съ его будущностью, которая по-

чему-то представлялась ей блестящей, и жила въ странномъ ожиданіи, что ея судьба какъ-то сказочно измѣнится благодаря ему. Затѣмъ, когда его убили подѣ Мукденомъ, она убѣждала себя, что она, къ великому будто бы счастью, не такова, какъ прочія, что красоту и женственность ей замѣняютъ умъ и высшіе интересы, что она — идейная труженица. Смерть Оли Мещерской плѣнила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская — предметъ ея неотступныхъ думъ, восхищенія, радости. Она ходитъ на ея могилу каждый праздникъ, — привычка ходить на кладбище и носить трауръ образовалась у нея со смерти брата, — по часамъ не спускаетъ глазъ съ дубоваго креста, вспоминаетъ блѣдное личико Оли Мещерской въ гробу, среди цвѣтовъ — и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемѣнѣ, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подругѣ, полной, высокой Субботиной:

— Я въ одной папиной книгѣ, — у него много старинныхъ, смѣшныхъ книгъ, — прочла, какая красота должна быть у женщины. . . Тамъ, понимаешь, столько написано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящіе смолой глаза, — ей-Богу, такъ и написано: кипящіе смолой! — черныя, какъ ночь, рѣсницы, нѣжно играющій румянецъ, тонкій станъ, длиннѣе обыкновеннаго рука, — понимаешь, длиннѣе обыкновеннаго! — маленькая ножка, въ мѣру большая грудь, правильно округленная икра, колѣно цвѣта раковины, покатыя, но высокія плечи, — я многое почти наизусть выучила, такъ все это вѣрно, — но главное, знаешь что? — Легкое дыханіе! А вѣдь оно у меня

есть, — ты послушай, какъ я вздыхаю, — вѣдь правда, есть?

Теперь это легкое дыханіе снова разсѣялось въ міръ, въ этомъ облачномъ небѣ, въ этомъ холодномъ весеннемъ вѣтрѣ.

III. 1916.

АГЛАЯ

Въ міру, въ той лѣсной деревнѣ, гдѣ родилась и росла Аглая, ее звали Анной.

Отца съ матерью она лишилась рано. Зашла разъ зимой въ деревню оспа, и много покойниковъ свезли тогда на погостъ въ село за Святъ-Озеромъ. Сразу два гроба стояло и въ избѣ Скуратовыхъ. Дѣвочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тотъ ни на что не похожій, для живыхъ чужой и тяжкій духъ, что исходилъ отъ нихъ, и ту зимнюю свѣжесть, холодъ великопостной оттепели, что напустили въ избу мужики, выносившіе ихъ къ дровнямъ подъ окнами.

Въ той лѣсной сторонѣ деревни рѣдки и малы, грубые бревенчатые дворы ихъ стоятъ въ беспорядкѣ: какъ суглинистые бугры дозволяютъ и поближе къ рѣчкамъ, къ озерамъ. Народъ тамъ не слишкомъ бѣденъ и блюдетъ свой достатокъ, свой старыи бытъ, даромъ что ходитъ споконъ вѣку на заработки, женщинамъ оставляя пахать неродимую землю, гдѣ она свободна отъ лѣса, косить въ лѣсу травы, а зимой гремятъ ткацкимъ станомъ. Къ тому быту и лежало

сердце Анны въ дѣтствѣ: милы были ей и черная изба, и горячая лучина въ свѣтцѣ.

Катерина, сестра ея, давно была замужемъ. Она и правила домомъ, сперва вмѣстѣ съ мужемъ, взятымъ во дворъ, а потомъ, какъ сталъ онъ уходить на круглый годъ, одна. Подъ ея призоромъ дѣвочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни на что не жаловалась, только все задумывалась. Если Катерина окликала ее, спрашивала, что съ ней, она отзывалась просто, говоря, что у ней шея скрипитъ и что она слушаетъ это. — «Вотъ! — говорила она повертывая голову, свое бѣленькое личико: — слышишь?» — «А думаешь ты о чемъ?» — «Такъ. Я не знаю.» — Со сверстницами она въ дѣтствѣ не водилась и бывать не бывала нигдѣ, — только разъ сходила съ сестрой въ то старое село за Святъ-Озеромъ, гдѣ на погостѣ подъ соснами торчатъ сосновые кресты и стоитъ бревенчатая церковка, крытая почернѣвшими деревянными чешуйками. Впервые нарядили ее тогда въ лапти и сарафанъ изъ пестряди, купили ожерелье и желтый платокъ.

Катерина о мужѣ горевала, плакала; плакала и о своей бездѣтности. А выплакавъ слезы, дала обѣтъ не знать мужа. Когда мужъ приходилъ, она встрѣчала его радостно, ладно говорила съ нимъ, заботливо пересматривала его рубахи, чинила что надо, хлопотала возлѣ печки и бывала довольна, когда ему что нравилось; но спали они розно, какъ чужіе. А уходилъ онъ, — опять становилась она скучной и тихой. Все чаще отлучалась она изъ дома, гостила въ недалежней женской обители, бывала у старца Родіона, спасавшагося

за той обителью въ лѣсной хижинѣ. Она настойчиво училась читать, приносила изъ обители священныя книги и читала ихъ вслухъ, необычнымъ голосомъ, пѣвуче повышая его. Она сидѣла за столомъ, опустивъ глаза, держа книгу въ обѣихъ рукахъ. А дѣвочка стояла возлѣ, слушала да столъ ковыряла, оглядывая избу, которая всегда была прибрана. Упиваясь звукомъ своего голоса, читала Катерина о святыхъ, о мученикахъ, наше темное, земное презрѣвшихъ ради небеснаго, восхотѣвшихъ распять плоть свою со страстьми и похотьми. Анна слушала чтеніе какъ пѣсню на чужомъ языкѣ, со вниманіемъ. Но закрывала Катерина книгу — и она никогда не просила почитать еще: всегда непонятная была она.

Годамъ къ тринадцати она стала отмѣнно тонка, высокая и сильна. Она была нѣжна, бѣла, синеглаза, а работу любила простую, грубую. Когда наступало лѣто и приходилъ мужъ Катерины, когда шла вся деревня на покосы, шла и Анна со своими и работала какъ взрослая. Да лѣтняя работа въ той сторонѣ скудная. И скоро опять оставались сестры однѣ, опять возвращались къ своей ровной жизни, и опять, убравшись со скотиной, съ печкой, сидѣла Анна за шитьемъ, за станомъ, а Катерина читала — о моряхъ, о пустыняхъ, о городѣ Римѣ, о Византіи, о чудесахъ и подвигахъ первохристіанъ. Въ черной лѣсной избѣ звучали тогда чарующія слухъ слова: «Въ странѣ Каппадокійской, въ царствованіе благочестиваго византійскаго императора Льва Великаго... Во дни патріаршества преподобнаго Іоакима Александрійскаго, въ далекой отъ насъ Эіопіи...» Такъ и узнала Анна о дѣвахъ

и юношахъ, растерзанныхъ дикими звѣрями на ристалищахъ, о небесной красотѣ Варвары, обезглавленной своимъ лютымъ родителемъ, о мощахъ, хранимыхъ ангелами на Синайской горѣ, о воинѣ Евстафійи, обращенномъ къ истинному Богу зовомъ самого Распятого, солнцемъ просіявшаго среди роговъ оленя, имъ, Евстафіемъ, на звѣриномъ ловѣ гонимаго, о трудахъ Саввы Освященнаго, обитавшаго въ Долинѣ Огненной, и о многихъ, многихъ, горькіе дни и ночи свои проводившихъ у пустынныхъ потоковъ, въ криптахъ и горныхъ киновіяхъ. . . Въ отрочествѣ она видѣла себя во снѣ въ длинной льняной рубахѣ и въ желѣзномъ вѣнцѣ на головѣ. И Катерина сказала ей: — «Это тебѣ къ смерти, сестра, къ ранней кончинѣ.»

А на пятнадцатомъ году стала она совсѣмъ какъ дѣвушка, и народъ дивился ея миловидности: золотистобѣлый цвѣтъ ея продолговатаго лица чуть игралъ тонкимъ румянцемъ; брови у нея были густыя, свѣтлорусыя, глаза синіе; легкая, ладная, — развѣ что не въ мѣру высокая, тонкая и долгорукая, — тихо и хорошо поднимала она длинныя свои рѣсницы. Зима въ тотъ годъ была суровая. Завалило снѣгомъ лѣса, озера, толсто оковало льдомъ проруби, жгло морознымъ вѣтромъ да играло по утреннимъ зарямъ двумя зеркальными, въ радужныхъ кольцахъ, солнцами. Передъ святками Катерина ѣла тюрю, толокно, Анна же питалась лишь хлѣбомъ: — «Другой вѣщій сонъ хочу себѣ выпостить», сказала она сестрѣ. И подъ новый годъ вновь приснилось ей: видѣла она рѣднее морозное утро, только что будто бы выкатилось изъ-за снѣговъ слѣпящее ледяное солнце, острымъ вѣтромъ пе-

рехватывало духъ; и на вѣтеръ, на солнце, по бѣлому полю, летѣла она на лыжахъ, гналась за какимъ-то дивнымъ горностаемъ, да сорвалась вдругъ куда-то въ пропасть — и ослѣпла, задохнулась въ тучѣ снѣжной пыли, взвившейся изъ подъ лыжъ на срывѣ. Ничего нельзя было понять въ этомъ снѣ, но Анна за весь день новаго года ни разу не взглянула въ глаза сестрѣ; ѣздили попы по деревнѣ, зашли и къ Скуратовымъ, — она спряталась за занавѣску подъ палатами. Въ ту зиму, еще не утвердившись въ своихъ помыслахъ, часто она бывала скучная, и Котерина говорила ей: — «Давно зову къ батюшкѣ Родіону, онъ бы все снялъ съ тебя!»

Она читала ей въ ту зиму объ Алексѣѣ Божьемъ челоуѣкѣ и объ Іоаннѣ Кушникѣ, въ нищетѣ умершихъ у воротъ своихъ знатныхъ родителей, прочла о Симеонѣ Столпникѣ, заживо сгнившемъ на стояніи въ каменномъ столпѣ. Анна спросила ее: — «А что жъ батюшка Родіонъ не стоитъ?» — И она ей отвѣтила, что подвиги святыхъ людей бываютъ разные, что наши страсотерпцы больше по кіевскимъ пещерамъ, а потомъ по дремучимъ лѣсамъ спасались или же достигали царствія небснаго въ образѣ нагихъ, непотребныхъ юродовъ. Въ ту зиму узнала Анна и о русскихъ угодникахъ — о своихъ духовныхъ пращурахъ: о Матееѣ Прозорливомъ, коему было даровано видѣть въ мірѣ лишь одно темное и низкое, проникать въ сокровеннѣйшія скверны людскихъ сердець, прозрѣвать лики подземныхъ діаволовъ и слышать нечестивые совѣты ихъ, о Маркѣ Гробокопателѣ, посвятившемъ себя погребенію мертвыхъ и въ не-

престанной близости со Смертью обрѣтшемъ такую власть надъ ней, что она трепетала его голоса, объ Исаакіи Затворникѣ, одѣвшемъ свое тѣло въ сырую шкуру козла, навсегда къ нему приросшую, и предававшемся безумнымъ пляскамъ съ бѣсами, по ночамъ увлекавшими его въ скаканія и вихлянія подъ громкіе свои клики, дудки, тимпаны и гусли. . . «Отъ него, Исаакія, и пошли юродивые, — сказала ей Катерина, — а сколько ихъ было потомъ, того и счесть нельзя! Батюшка Родіонъ такъ баялъ: ни въ одной странѣ ихъ не было, только насъ посѣтилъ ими Господь по великимъ грѣхамъ нашимъ и по великой своей милости.» — И прибавила, что слышала въ обители, — скробную повѣсть о томъ, какъ ушла Русь изъ Кіева въ лѣса и болота непроходимые, въ лубяные городки свои, подъ жестокую державу московскихъ князей, какъ терпѣла она отъ смуть, междуусобія, отъ свирѣпыхъ татарскихъ ордъ и отъ прочихъ Господнихъ каръ — отъ мора и голода, отъ пожарищъ и небесныхъ знаменій. Было тогда, сказала она, столь многое множество Божьихъ людей, Христа ради страдавшихъ и юродствовавшихъ, что по церквамъ отъ писку и крику ихъ не слышать было божественнаго пѣнія. И не малое число изъ нихъ, сказала она, сопричислилось къ лику небесному: есть Симонъ, изъ приволжскихъ лѣсовъ, что скитался и прятался взора человѣческаго по дикимъ урочищамъ въ одной рубахѣ изодранной, послѣ же того, обитая въ городѣ, каждый день былъ битъ гражданами за непотребство свое и скончался отъ ранъ, причиненныхъ побоями; есть Прокопій, принимавшій непрестанныя муки въ городѣ

Вяткѣ, зане въ ночи взбѣгалъ онъ на колокольницы и билъ въ колокола часто и съ тревогою, какъ бы во время огненнаго заpalенія; есть Прокопій, родившійся въ зырянскихъ краяхъ, среди дикарей звѣроловцевъ, всю жизнь ходившій съ тремя кочергами въ рукахъ и обожавшій пустыя мѣста, грустные лѣсные берега надъ Сухоною, гдѣ, сидя на камушкѣ, со слезами молился о плывущихъ по ней; есть Яковъ Блаженный, что приплылъ въ гробной дубовой колодѣ на льдинѣ по рѣчкѣ Мстѣ къ темнымъ жителямъ той бѣдной мѣстности; есть Іоаннъ Власатый, изъ-подъ Ростова Великаго, волосы имѣвшій столь буйные, что въ страхъ повергались всѣ видѣвшіе его; есть Іоаннъ Вологодскій, нарицаемый Большой Колпакъ, ростомъ малый, лицомъ морщиноватый, весь крестами увѣшанный, до кончины не снимавшій съ себя колпака, чугуну подобнаго; есть Василій Нагоходецъ, вмѣсто одежды носившій и въ зимній хладъ, и въ лѣтній варъ лишь цѣпи желѣзныя да платочекъ въ рукѣ. . . «Нынѣ, сестра, — сказала Катерина, — всѣ они предстоятъ Господу, радуются въ сонмѣ святыхъ Его, мощи же ихъ нетлѣнныя почиваютъ въ ракахъ кипарисныхъ и серебряныхъ, въ святольпныхъ соборахъ, рядомъ съ царями и святителями!» — «А что жъ батюшка Родіонъ не юродствовалъ?» — опять спросила Анна. И Катерина отвѣтила, что онъ пошелъ по стопамъ подражавшихъ не Исаакію, а Сергію Радонежскому, по стопамъ жидителей монастырей лѣсныхъ. Батюшка Родіонъ, сказала она, спасался сперва въ одной древней и славной пустыни, основанной на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ, среди дремучаго лѣса, въ дуплѣ трехвѣковаго дуба,

жилъ нѣкогда великій святой; тамъ несъ онъ строгое послушаніе и принялъ постриженіе, удостоился, за покаянныя свои слезы и безсердечіе къ плоти, лицезрѣнія самой Царицы Небесной, выдержалъ обѣтъ семилѣтняго затвора и семилѣтняго молчанія, но и этимъ не удовольствовался, оставилъ монастырь и пришелъ, — уже много, много лѣтъ тому назадъ, — въ наши лѣса, надѣлъ лапти лыковые, бѣлый балахонъ изъ вретича, эпитрахиль черную съ осьмиконечнымъ крестомъ на ней, съ изображеніемъ черепа и костей Адамовыхъ, вкушаетъ лишь воду и снытку невареную, окошечко своей хижины заградилъ иконою, спить въ гребу, подъ негасимую лампадою, и въ полночные часы непрестанно осаждаютъ его звѣри воющіе, тѣмпы мертвецовъ яростныхъ и діаволовъ. . .

Пятнадцать лѣтъ отъ роду, въ ту самую пору, когда надлежитъ дѣвушка стать невѣстою, Анна навсегда покинула міръ.

Весна въ тотъ годъ пришла ранняя и жаркая. Ягода поспѣла въ лѣсахъ несмѣтная, травы были по поясъ, и съ начала Петровокъ уже пошли косить ихъ. Анна съ охотой работала, загорѣла на солнцѣ, среди травъ и цвѣтовъ; румянецъ темнѣй пылалъ на ея лицѣ, сдвинутый на лобъ платокъ скрывалъ теплый взглядъ. Но вотъ однажды, на покосѣ, большая блестящая змѣя съ изумрудной головой обвилась кругъ ея босой ноги. Схвативъ змѣю своей длинной и узкой рукой, сорвавъ съ себя ея ледяной и скользкій жгутъ, далеко отбросила его Анна и даже лицо не подняла, а испугалась крѣпко, бѣлѣй полотна сдѣлалась. И Катерина сказала ей: — «Это тебѣ, сестра, третье ука-

заніе: бойся Змѣя-Искусителя, опасная пора идетъ къ тебѣ!» — И отъ испугу ли, отъ этихъ ли словъ, только съ недѣлю послѣ того не сходилъ съ лица Анны смертный цвѣтъ. А подѣ Петровъ день неожиданно-негаданно попросилась она пойти въ обитель ко всенощной — и пошла и ночевала тамъ, а на утро удостоилась стоять въ народной толпѣ у порога отшельника. И великую милость оказалъ онъ ей: изо всей толпы ее выгладѣлъ и поманилъ къ себѣ. И вышла она отъ него, низко склонивъ голову, полъ-лица закрывъ платкомъ, сдвинувъ его на огонь своихъ жаркихъ ланить и въ смятеніи чувствъ не видя земли подѣ собой: избраннымъ сосудомъ, жертвой Господу назвалъ онъ ее, зажегъ двѣ восковыхъ свѣчки и одну взялъ себѣ, другую далъ ей и долго стоялъ, молясь передѣ образомъ, а потомъ велѣлъ ей приложиться къ тому образу — и благословилъ быть черезъ малый срокъ въ обители на послушаніи: — «Счастье мое, жертва немудрая! — сказалъ онъ ей. — Будь невѣстой не земной, а небесною! Знаю, знаю, сестра тебѣ приуготовила. Потщусь и я, грѣшный, о томъ.»

Въ обители, въ иночествѣ, отрѣшенная отъ міра и отъ своей воли ради духовнаго своего воспріемника, Анна, нареченная при постригѣ Аглаей, пробыла тридцать три мѣсяца. На исходѣ же тридцать третьяго — преставилась.

Какъ жила она тамъ, какъ спасалась, о томъ, за давностью времени, въ полнотѣ никому невѣдомо. Но все же кое-что въ народной памяти осталось. Шли однажды бабы богомолки изъ разныхъ и дальнихъ краевъ въ тотъ лѣсной край, гдѣ родилась Анна. Встрѣ-

тился имъ у рѣчки, черезъ которую имъ нужно было переправиться, привычный скиталецъ по святымъ мѣстамъ, видомъ невзрачный, отрепанный, даже, просто сказать, чудной, по причинѣ того, что глаза у него подъ старымъ господскимъ котелкомъ были платкомъ завязаны. Онѣ стали его спрашивать о путяхъ, о дорогахъ къ обители, о самомъ Родіонѣ и объ Аннѣ. Онъ, въ отвѣтъ имъ, сперва о себѣ поговорилъ: я, моль, сестрицы, и самъ знаю не Богъ вѣсть что, однако жъ побесѣдовать съ вами отчасти могу, ибо возвращаюсь именно изъ тѣхъ мѣстностей; вамъ, сказалъ, небось жутко со мной — и я не дивлюсь этому, многимъ со мной не медь: пѣшій ли, конный ли встрѣтитъ, видитъ — идетъ по лѣсу странничекъ, ковыляетъ себѣ одинъ одинешенекъ съ бѣлымъ платкомъ на глазахъ, да еще псалмы распѣваетъ — понятно, оторопь беретъ; ужъ черезчуръ, по грѣхамъ моимъ, жадные да быстрые глаза у меня, зрѣніе столь рѣдкостное и пронзительное, что я даже ночью какъ кошка вижу, будучи и вообще не въ мѣру зрячъ, въ силу того, что не съ людьми я иду, а сторонкою; ну, вотъ и рѣшилъ я сократить немного свое тѣлесное зрѣніе. . . Потомъ онъ сталъ рассказывать, сколько, по его расчету, осталось богомолкамъ итти, на какія мѣстности надо путь держать, гдѣ имѣтъ ночевки и отдыхи и какова обитель есть:

— Сперва, — сказалъ, — придетъ село на Святъ-Озерѣ, потомъ та самая деревня, гдѣ родилась Анна, а тамъ увидите вы другое озеро, монастырское, хоть и мелкое, а порядочное, и придется вамъ по этому озеру въ лодкѣ плыть. А какъ высадитесь, тутъ ужъ и самый монастырь рукой подать. Понятно, и на томъ

берегу лѣса безъ конца, а сквозь лѣсъ глядятъ, какъ обыкновенно, стѣны монастырскія, главы церковныя, кельи, страннопріимницы. . .

Потомъ долго повѣствоваль о житіи Родіона, о дѣтствѣ и отрочествѣ Анны и, наконецъ, разсказаль о ея пребываніи въ обители:

— Пребываніе ея было, охъ, недолгое! — сказаль онъ. — Жалко, говорите, такой красоты и младости? Намъ-то, глупымъ, понятно, жалко. Да видно, о. Родіонъ хорошо зналь, что дѣлаеть. Онъ вѣдь и со всѣми таковъ бываль — и ласковъ, и кротокъ, и радостенъ, а настойчивъ до безпощадности, съ Аглаей же особенно. Быль я, бабочки, на мѣстѣ ея успокоенія. . . Длинная могилка, прекрасная, вся травой заросла, зеленая. . . И не скрою, не скрою: это тамъ, на могилѣ, выдумаль я завязать себѣ глаза, это Аглаинъ примѣръ надоумилъ меня: вѣдь она, надобно вамъ знать, за все свое пребываніе въ обители ни на единый часъ не подняла очей — какъ сдвинула покровъ на нихъ, такъ и осталась, и на рѣчь такъ скупа была, такъ уклончива, что даже самъ о. Родіонъ дивился ей. А вѣдь, небось, не легко было ей такой подвигъ поднять — съ землей-то, съ лицомъ-то человѣческимъ навсегда разстаться! И работу она несла въ обители самую что ни на есть тяжкую, а ночи на молитвѣ простаивала. Да зато, говорятъ, и возлюбилъ ее отецъ! Изъ всѣхъ отличилъ, каждодневно допускаль въ свою хижинку, вель съ ней долгія бесѣды о будущей славѣ обители, открываль ей даже свои видѣнія — понятно, съ строгимъ заповѣданіемъ молчанія. Ну, вотъ и сгорѣла она, какъ свѣча, въ самый краткій срокъ. . . Опять взды-

хаєте, жалкуете? Соглашаюсь, горестно! Но я вамъ гораздо больше скажу: за великое ея смиреніе, за неглядѣніе на міръ земной, за молчаніе и непосильное трудничество онъ совершилъ неслыханное: на исходѣ третьяго года ея подвига онъ посхимилъ ее, а потомъ, по молитвѣ и святому размышленію, призвалъ ее къ себѣ въ единый страшный часъ — и повелѣлъ кончину принять. Да, такъ прямо и молвилъ ей: — «Счастье мое, приспѣла твоя пора! Останься въ моей памяти столь же прекрасною, какъ стоишь ты въ сей часъ предо мной: отойди ко Господу!» И что жъ вы думаете? Черезъ сутки она и преставилась. Слегла, запылала огнемъ — и кончилась. Онъ, правда, утѣшилъ ее — повѣдалъ ей передъ кончиной, что, поелику лишь малое изъ тайныхъ его бесѣдъ не сумѣла она скрыть въ первые дни послушанія, истлѣютъ у ней лишь одни уста. Онъ пожаловалъ серебра на ея похороны, мѣди для раздачи при ея погребеніи, колотокъ свѣчей на сорокоустъ по ней, желтую рублевую свѣчу ко гробу ея и самый гробъ — круглый, дубовый, выдобенный. И по его благословенію, положили ее, тонкую и ростокомъ отмѣнно долгую, въ тотъ гробъ съ волосами распущенными, въ двухъ рубашкахъ-саванахъ, въ бѣломъ подрясникѣ, опоясанномъ черною покромкою, а поверхъ его — въ черной, съ бѣлыми крестами, мантии; на головку надѣли зеленую, шитую золотомъ шапочку изъ бархата, на шапочку — камилавочку, послѣ же того повязали синей шалью съ кисточками, а въ ручки вложили кожанья четочки. . . Убрали, словомъ, куда какъ хорошо А все же, бабочки, есть каверзный, бѣсій слухъ, что умирать ей не хотѣлося, охъ, какъ еще не хотѣлось-то! Отходя въ такой младости и въ

такой красотѣ, со всѣми, говорятъ, въ слезахъ она
прощалася, всѣмъ говорила громко: — «Простите ме-
ня!» — На послѣдокъ же закрыла глаза и раздѣльно
молвила: — «И Тебѣ, Мати-Земля согрѣшила есмь
душей и тѣломъ — простишь ли меня?» — А слова
тѣ страшныя: припадая челомъ къ землѣ, ихъ читали
въ покаянной молитвѣ по древней Руси за вечерней
подъ Троицу, подъ языческій русальный день.

VII. 1916

СЫНЪ

Г-жа Маро родилась и выросла въ Лозаннѣ, въ строгой честной семьѣ. Замужъ вышла она по любви. Въ мартѣ 76 года, среди пассажировъ стараго французскаго парохода «Овернь», шедшаго изъ Марселя въ Италію, оказалась чета новобрачныхъ. Дни стояли тихіе, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось въ туманныхъ весеннихъ даляхъ, новобрачные не сходили съ палубы. И всѣ любовались ими, всѣ глядѣли на ихъ счастье съ дружелюбными улыбками: у него это счастье сказывалось въ бодромъ, рѣзкомъ взглядѣ, въ потребности движенія, въ оживленной привѣтливости съ окружающими, у нея — въ томъ радостномъ интересѣ, съ которымъ она воспринимала все. . . Новобрачные эти были Маро.

Онъ былъ старше ея, ростомъ былъ невеликъ, лицомъ смуглъ, волосомъ курчавъ; рука у него была сухая, голосъ чистый и звучный. А въ ней чувствовалась примѣсь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, при темныхъ волосахъ глаза у нея были сѣросиніе. Черезъ Неаполь, Палермо и Тунисъ они проѣхали въ Константиноу, въ Алжірію, гдѣ г. Маро получилъ довольно видный постъ. И

жизнь въ Константинѣ, тѣ четырнадцать лѣтъ, что прошли съ этой счастливой весны, дали имъ достатокъ, семейный ладъ, здоровыхъ, красивыхъ дѣтей.

За четырнадцать лѣтъ Маро очень измѣнились по внѣшности: онъ сталъ черенъ лицомъ, какъ арабъ, посѣдѣлъ и подсохъ, — многіе принимали его за уроженца Алжиріи; никто не узналъ бы и въ ней ту прежнюю, что когда-то плыла на «Оверни»: тогда даже въ тужелькахъ ея было очарованіе молодости; теперь и у нея въ волосахъ серебрилось, тоньше, золотистѣе стала кожа, похудѣли руки, и въ уходѣ за ними, въ прическѣ, въ бѣльѣ, въ одеждѣ уже проявляла она какую-то излишнюю опрятность. Жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работами, — онъ оставался все тѣмъ же и страстнымъ и трезвымъ, какимъ былъ и прежде, у нея — заботами о немъ и о дѣтяхъ, о двухъ хорошенькихъ дѣвочкахъ, изъ которыхъ старшая была уже почти барышня; и въ одинъ голосъ говорили всѣ, что нѣтъ въ Константинѣ лучшей хозяйки, лучшей матери и болѣе милой собесѣдницы въ гостиной, чѣмъ г-жа Маро.

Домъ ихъ стоялъ въ тихомъ и чистомъ кварталѣ. Со второго этажа, изъ парадныхъ комнатъ, всегда полутемныхъ отъ закрытыхъ жалюзи, была видна Константина, славная на весь міръ своей живописностью: на косыхъ скалахъ лежитъ эта древняя арабская крѣпость, ставшая французскимъ городомъ. Окна семейныхъ покоевъ, тѣнистыхъ и прохладныхъ, смотрѣли въ садъ, — тамъ, въ вѣчномъ зноѣ и блескѣ, дремали вѣковые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стѣнами. А хозяйка вела то замкнутое существованіе, на которое обрѣчены въ колоніяхъ же-

ны всѣхъ европейцевъ. По воскресеньямъ она неизменно бывала въ церкви. Въ будни выѣзжала рѣдко и держалась небольшого избраннаго круга. Она читала, занималась рукодѣліемъ, училась съ дѣтьми; иногда, посадивъ себѣ на колѣни черноглазую Мари и одной рукой играя на рояли, пѣла старинныя французскія пѣсенки, межъ тѣмъ, какъ горячій вѣтеръ широко входилъ изъ сада въ открытыя окна. Константи́на, затворившая всѣ свои ставни и нещадно палимая солнцемъ, казалась въ эти часы мертвымъ городомъ: только вскрикивали сивоворонки въ садахъ да меланхолично, тоской колоніальныхъ странъ, звучали рожки горнистовъ по загороднымъ холмамъ, гдѣ порою глухимъ стукомъ сотрясали землю пушки и мелькали бѣлые солдатскіе шлемы.

Дни шли однообразно, но никто не замѣчалъ, чтобы г-жа Маро тяготилась однообразіемъ жизни. Въ характерѣ ея не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ея нельзя было назвать очень крѣпкимъ, но оно не доставляло тревогъ г-ну Маро. Поразилъ его только одинъ случай: однажды, въ Тунисѣ, арабъ-фокусникъ такъ быстро и глубоко усыпилъ ее, что она насилу пришла въ себя. Но это было еще во время переѣзда изъ Франціи; съ тѣхъ поръ такихъ рѣзкихъ паденій воли, такой болѣзненной восприимчивости она не испытывала. И г. Маро былъ спокоенъ и убѣжденъ, что душа ея безмятежна и открыта для него. Но вотъ появился въ Константи́нѣ нѣкто Эмиль Дю-Бюи.

Эмилю Дю-Бюи, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой г-жи Маро, было всего девятнадцать лѣтъ. Г-жа Боннэ, вдова, кромѣ Эмиля, рожденнаго

ею въ первомъ бракѣ, выросшаго въ Парижѣ и теперь изучавшаго право, всего же болѣе занятаго сочиненіемъ только одному ему понятныхъ стиховъ и причислявшаго себя къ несуществующей поэтической школѣ «Искателей», имѣла еще дочь Элизу. Въ маѣ 89 года Элиза готовилась къ вѣнцу, но, вдругъ заболѣвъ, умерла. Эмиль, дотошъ никогда не бывшій въ Константиѣ, пріѣхалъ на похороны. Легко понять, какъ тронула г-жу Маро эта смерть, смерть дѣвушки, уже примѣрившей вѣнчальную фату; извѣстно и то, какъ просто устанавливается при такихъ обстоятельствахъ близость между людьми, даже едва узнавшими другъ друга. Къ тому же Эмиль и въ самомъ дѣлѣ былъ для г-жи Маро только мальчикомъ. Вскорѣ послѣ похоронъ г-жа Боннэ уѣхала къ роднымъ, во Францію, Эмиль же остался въ Константиѣ, на загородной дачѣ своего покойнаго отчима, на виллѣ Хашимъ, и сталъ почти ежедневно бывать у Маро. Каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни притворялся, все же онъ былъ очень молодъ, очень чувствителенъ и нуждался въ людяхъ, къ которымъ могъ бы прибѣсть на время. — «И не странно-ли, говорили нѣкоторые, г-жа Маро стала неузнаваема. Какъ она похорошѣла!»

Однако эти иносказанія были неосновательны. Вначалѣ было только то, что немного веселѣе стала ея жизнь да игривѣй, кокетливѣе стали ея дѣвочки, ибо Эмиль, поминутно забывая о своемъ горѣ и о томъ ядѣ, которымъ, какъ онъ думалъ, отравилъ его «коонецъ вѣка», иногда по цѣлымъ часамъ возился съ Мари и Луизой совсѣмъ какъ равный. Парвда, все же онъ былъ парижанинъ и не совсѣмъ обычный: онъ участвовалъ въ той недоступной для простыхъ смерт-

ныхъ жизни, которой жили парижскіе писатели, онъ часто, съ какой-то сомнамбулической выразительностью, читаль странные, но звучные стихи; и, можетъ быть, благодаря именно ему, легче и быстрѣе стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднѣе ея туалеты, ласковѣй и насмѣшливѣй оттѣнки ея голоса; можетъ быть, и была въ ея душѣ капля чисто женской радости, что вотъ есть человѣкъ, которымъ можно слегка повелѣвать, съ которымъ можно говорить съ полшутливой наставительностью, съ той свободой, что такъ естественно допускалась разницей въ лѣтахъ, и который такъ преданъ всему ея дому, гдѣ, однако, первымъ лицомъ, — это, конечно, очень скоро обнаружилось, — была для него она. Но вѣдь какъ обычно все это! А главное, чаще всего онъ былъ только жалокъ ей.

Онъ, почитавшій себя прирожденнымъ поэтомъ, хотѣлъ и по наружности походить на поэта; онъ носилъ длинные, закинутые назадъ волосы, одѣвался съ артистической скромностью; волосы у него были красивые, коричневые и шли къ его блѣдному лицу, равно какъ и черная одежда; но блѣдность эта была слишкомъ безкровная, съ желтымъ налетомъ; глаза у него постоянно блестѣли, отъ изможденнаго лица казались лихорадочными; и такъ суха и плоска была его грудь, такъ тонки ноги, такъ худы руки, что становилось какъ-то неловко, когда онъ не въ мѣру оживлялся и бѣжалъ по улицѣ или по саду, немного подавшись впередъ, какъ бы скользя, чтобы скрыть свой недостатокъ, то, что одна нога была у него короче другой; въ обществѣ онъ старался быть загадочнымъ, небрежнымъ, порой изящно-дерзкимъ, порой презри-

тельно-разсѣяннѣмъ и во всемъ независимѣмъ; но ужь слишкомъ часто не доигрывалъ онъ ролей, срывался и начиналъ говорить съ какой-то наивной откровенностью и поспѣшностью. И, конечно, недолго сумѣлъ онъ таить свои чувства, приворяться не вѣрющимъ въ любовь и счастье на землѣ: вскорѣ о его влюбленности зналъ весь домъ. Онъ уже сталъ докучать хозяину своими посѣщеніями; сталъ каждый день привозить съ виллы букеты самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, сидѣть съ утра до вечера, читать стихи все болѣе непонятные, — дѣти не разъ слышали, какъ заклиналъ онъ кого-то умереть вмѣстѣ съ нимъ, — а по ночамъ пропадать въ туземныхъ кварталахъ, въ тѣхъ притонахъ, гдѣ арабы, закутанные въ грязно-бѣлые бурнусы, жадно глядятъ на «танцы живота» и пьютъ самые острые ликеры. . . Короче сказать, не прошло и мѣсяца, какъ влюбленность его перешла Богъ знаетъ во что.

Нервы его совсѣмъ перестали служить ему. Однажды чуть не цѣлый день сидѣлъ онъ молча, затѣмъ всталъ, поклонился, взялъ шляпу и вышелъ, — а черезъ полчаса былъ принесенъ съ улицы въ ужасномъ состояніи: онъ бился въ истерикѣ, онъ такъ страстно рыдалъ, что перепугалъ и дѣтей и прислугу. Но г-жа Маро, казалось, не придавала особаго значенія и этому изступленію. Она сама приводила его въ чувство, развязывая ему галстукъ, и только усмѣхалась, когда онъ, безъ всякаго стѣсненія передъ мужемъ, хваталъ, покрывая поцѣлуями, ея руки и клялся въ своей безкорыстной преданности. Все же надо было положить конецъ всему этому. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ припадка, Эмиль, о которомъ дѣти скоро соскучились,

явился уже успокоенный, г-жа Маро мягко сказала ему все, что говорить въ такихъ случаяхъ.

— Другъ мой, вы вѣдь какъ сынъ для меня, — сказала она ему, впервые произнося это слово, — сынъ, — и въ самомъ дѣлѣ чувствуя материнскую нѣжность къ нему. — Не ставьте же меня въ смѣшное и мучительное положеніе.

— Но клянусь вамъ, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ онъ съ искренней страстностью. — Я только преданъ вамъ, я только видѣть хочу васъ и ничего болѣе!

И вдругъ упалъ на колѣни, — они были въ саду, въ тихій и жаркій, сумрачный вечеръ, — порывисто охватилъ ея бедра, близкій отъ страсти къ обмороку. . . И, глядя на его волосы, на его бѣлую тонкую шею, она, съ болью и восторгомъ, подумала:

— Ахъ, да, да, у меня могъ быть вотъ почти такой же сынъ!

Все-таки съ этихъ поръ, до самаго отъѣзда во Францію, только разъ снова не выдержалъ онъ. Какъ-то послѣ воскреснаго обѣда, за которымъ присутствовали и посторонніе, онъ, совсѣмъ не думая о томъ, что это можетъ быть всѣми замѣчено, сказалъ ей вдругъ:

— Очень прошу васъ удѣлить мнѣ одну минуту. . .

Она встала и пошла за нимъ въ пустой полутемный залъ. Онъ подошелъ къ окну, въ которое сквозь жалюзи продольными полосками проникалъ снаружи вечерній свѣтъ, и, глядя ей прямо въ лицо сказалъ:

— Нѣтъ, я люблю васъ!

Она повернулась, чтобы уйти. Испуганный, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Простите меня, это первый и послѣдній разъ!

И точно, новыхъ признаній она отъ него не слыжала. — «Я очарованъ былъ ея смущеніемъ, — писалъ онъ въ этотъ вечеръ въ своемъ дневникѣ своимъ изысканнымъ и напыщеннымъ слогомъ. — Я поклялся не нарушать болѣе ея покоя: развѣ и безъ того не блаженъ я?» — Онъ продолжалъ ѣздить въ городъ, только ночевалъ на виллѣ Хашимъ, — и велъ себя разное, но всегда болѣе или менѣе пристойно. Иногда онъ бывалъ по прежнему какъ-то не кстати рѣзвъ, наивенъ, бѣгалъ съ дѣтьми по саду; чаще же всего сидѣлъ возлѣ нея и «упивался ея присутствіемъ», читалъ ей романы и «счастливъ былъ, что она его слушаетъ.» — «Дѣти не мѣшали намъ» — писалъ онъ объ этихъ дняхъ, — «ихъ голоса, смѣхъ, возня, самыя существа ихъ служили какъ бы тончайшими проводниками нашихъ чувствъ; благодаря имъ, эти чувства были еще очаровательнѣе. Мы вели бесѣды самыя обыденныя, но звучало въ нихъ другое, — наше счастье: да, да, и она была счастлива! Она любила, когда я декламировалъ; по вечерамъ, съ балкона, мы созерцали Константину, лежавшую у нашихъ ногъ въ голубомъ лунномъ сіяніи. . .» Наконецъ, въ августѣ, г-жа Маро настояла, чтобы онъ уѣхалъ, возвратился къ своимъ занятіямъ, и въ дорогѣ онъ писалъ: — «Я уѣзжаю! уѣзжаю, отравленный горькой сладостью разлуки! Она подарила мнѣ на память бархатку, которую носила на шеѣ въ дѣвушкахъ. Она благословила меня, и я видѣлъ влажный блескъ въ ея глазахъ, когда она сказала мнѣ: — «Прощайте, дорогой сынъ мой!»

Правъ ли онъ былъ, что и г-жа Маро была счастлива, неизвѣстно. Но что его отъѣздъ оказался для нея

весьма тяжелъ, несомнѣнно. И прежде, встрѣчая на пути въ церковь знакомыхъ, говорившихъ ей въ шутку: — «О чемъ вамъ молиться, г-жа Маро, вы и такъ безгрѣшны и счастливы!» — не разъ отвѣчала она съ грустной улыбкой: — «Я жалуясь Богу, что онъ лишилъ меня сына. . .» Теперь мысль о сынѣ, о томъ счастьѣ, которое непрестанно давалъ бы онъ ей даже однимъ существованіемъ своимъ на свѣтѣ, не оставляла ее. И однажды, сказала она мужу:

— Теперь я все поняла. Я теперь твердо знаю, что каждая мать должна имѣть сына, что каждая женщина, у которой сына нѣтъ, несчастна. О, какъ нѣжно и страстно можно любить сына!

Она была очень ласкова съ мужемъ въ эту осень. «Случалось, что, оставшись съ нимъ наединѣ, она вдругъ застѣнчиво говорила ему:

— Гекторъ, послушай. . . Мнѣ уже совѣстно спрашивать тебя объ этомъ, но все-таки. . . Ты когда-нибудь вспоминаешь мартъ 76 года? Ахъ, если бы у насъ съ тобой былъ сынъ!

«Все это очень меня смущало, — рассказывалъ впоследствии г. Маро, — смущало тѣмъ болѣе, что она стала очень худѣть. Она слабѣла, дѣлалась все молчаливѣе и мягче характеромъ. У знакомыхъ она бывала все рѣже, въ городъ выѣзжать избѣгала. . . Я не сомнѣваюсь, что какой-то странный и непонятный недугъ овладѣлъ ея душой и тѣломъ!» — А бонна прибавляла, что, выѣзжая въ эту осень, г-жа Маро непремѣнно надѣвала бѣлую густую вуаль, чегр прежде не дѣлала, что, возвратясь домой, она тотчасъ поднимала вуаль передъ зеркаломъ и пристально разглядывала свое усталое лицо. Излишне пояснять, что со-

вершалось въ душѣ ея за это время. Но хотѣла ли она видѣть Эмиля? Онъ представилъ суду двѣ депеши, отправленныя ею въ отвѣтъ на его письма. Одна была отъ 10 ноября: — «Вы сводите меня съ ума. Успокойтесь. Немедленно дайте вѣсть о себѣ.» — Другая отъ 23 декабря: — «Нѣтъ, нѣтъ, не пріѣзжайте, умоляю васъ. Думайте обо мнѣ, любите меня какъ мать.» Однако достовѣрно только то, что съ сентября по январь г-жа Маро жила тревожно, болѣзненно.

Осень этого года была въ Константиנѣ холодна и дождлива. Потомъ, какъ всегда это бываетъ въ Алжиріи, сразу наступила восхитительная весна. И къ г-жѣ Маро снова стало возвращаться оживленіе, тотъ блаженный хмель, который испытываютъ въ пору весенняго расцвѣта люди уже пережившіе молодость. Она снова стала выѣзжать, много каталась съ дѣтьми, бывала съ ними въ саду опустѣвшей виллы Хашимъ, собиралась проѣхать въ Алжиръ, показать дѣтямъ Блиду, возлѣ которой есть въ горахъ лѣсистое ущелье, излюбленное обезьянами. . . И такъ шло вплоть до семнадцатаго января девяностаго года. Семнадцатаго января она проснулась отъ какого-то необыкновеннаго и нѣжнаго чувства, волновавшаго ее, какъ казалось, всю ночь. Въ большой комнатѣ, гдѣ, за отсутствіемъ мужа, надолго уѣхавшаго по дѣламъ службы, она спала одна, было почти темно отъ жалюзи и гардинъ. Все жѣ по той голубой блѣдности, что проникала изъ-за нихъ, можно было понять, что еще рано. И точно, часики на ночномъ столикѣ показывали шесть. Съ наслажденіемъ ощущая утреннюю свѣжесть, входившую изъ сада, она закуталась въ легкое одѣяло, повернулась къ стѣнѣ. . . «Почему мнѣ такъ хоро-

шо?» — подумала она, забываясь. И смутными, прекрасными видѣніями стали представляться ей картины Италіи, Сициліи, картины той далекой весны, когда плыла она въ каютѣ съ окнами на палубу, на холодное серебристое море, съ портъерами изъ высохшаго отъ времени и поблекшаго краснаго шелка, съ высокимъ порогомъ, сіявшимъ стертымъ отъ долголѣтней чистки мѣдью. . . Потомъ увидѣла она безграничные морскіе заливы, лагуны, низменности, большой арабскій городъ, весь бѣлый, съ плоскими крышами, и волнистые туманно-голубые холмы за нимъ. Это былъ Тунисъ, въ которомъ она была только разъ, въ ту же весну, что и въ Неаполѣ, въ Палермо. . . Но тутъ точно холодъ волной прошелъ по ней — и, вздрогнувъ, она открыла глаза. Былъ уже десятый часъ, слышались голоса дѣтей, голосъ ихъ бонны. Она встала, накинула халатъ и, выйдя на балконъ, спустилась въ садъ, сѣла въ качалку, стоявшую на пескѣ возлѣ круглаго стола, подъ цвѣтущей мимозой, раскинувшей надъ нимъ свой золотой наметъ, благоухавшій на припекѣ. Горничная принесла ей кофе. Она опять стала думать о Тунисѣ — и вспомнила то странное, что было тамъ съ нею, тотъ сладкій страхъ и то блаженное безволіе какъ бы предсмертныхъ минутъ, что испытала она въ этомъ бѣдно-голубомъ городѣ въ теплыя розовыя сумерки, полулежа въ качалкѣ на крышѣ отеля, слабо видя темное лицо араба, гипнотизера и фокусника, сидѣвшаго на корточкахъ передъ нею, усыплявшаго ее своими чуть слышными, однотонными напѣвами и медленными движеніями худыхъ рукъ. И вдругъ, думая и пристально глядя широко открытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горѣла на солнцѣ ложеч-

ка въ стаканѣ съ водой, потеряла сознание. Когда же внезапно очнулась, — надъ ней стоялъ Эмиль.

Все то, что совершилось вслѣдъ за этой неожиданной встрѣчей, извѣстно со словъ самого Эмиля, по его разсказу, по его отвѣтамъ на вопросахъ. — Да, я точно съ неба упалъ въ Константиноу! — разсказывалъ онъ. — Я прѣхалъ потому, что понялъ, что сами силы небесныя не могутъ остановить меня. Утромъ семнадцатаго января я прямо съ вокзала, безъ всякаго предупрежденія, явился въ домъ г. Маро. Я былъ ошеломленъ тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ въ саду, но едва сдѣлалъ шагъ, какъ она очнулась. Она, казалось, тоже была изумлена и неожиданностью моего появленія и тѣмъ, что было съ нею, но даже не издала восклицанія. Поглядѣвъ на меня, какъ человѣкъ только что очнувшійся отъ сна, она поднялась съ мѣста, оправляя волосы.

— Вотъ такъ я и предчувствовала, — какъ-то невыразительно сказала она. — Вы не послушались меня!

И, взявъ мою голову обѣими руками, два раза поцѣловала меня въ лобъ.

Я потерялся отъ восторга, но она тихо отстранила меня:

— Идемъ, я не одѣта, я сейчасъ вернусь.

— Но, ради Бога, что такое было съ вами? — спросилъ я, всходя за нею на балконъ.

— О, пустякъ, легкое оцѣпенѣнїе, я засмотрѣлась на блестящую ложечку, — отвѣчала она, овладѣвая собой и начиная говорить оживленнѣе. — Но что вы сдѣлали, что вы сдѣлали!

Въ домѣ было пусто и тихо, я сѣлъ въ столовой, слышалъ какъ она вдругъ зашѣла въ дальней комнатѣ сильнымъ, звучнымъ голосомъ, но тогда я не понималъ всего ужаса этого звука. Я не спалъ всю ночь, я считалъ минуты, пока поѣздъ мчалъ меня къ Константину, я вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ, выбѣжавъ изъ вокзала, я не чаялъ подняться въ городъ. . . Я зналъ, я тоже предчувствовала, что мой приѣздъ будетъ роковымъ для насъ; но все же того, что я увидѣлъ въ саду, этой мистической встрѣчи и столь рѣзкаго перелома въ ея обращеніи со мной, я не могъ ожидать! Черезъ десять минутъ она вышла въ легкомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ отгѣнкомъ ириса.

— Ахъ, — сказала она, пока я цѣловалъ ея руку, — я и забыла, сегодня воскресенье, дѣти въ церкви, а я проспала. . . Дѣти послѣ церкви пойдутъ въ сосновую рошу — вы бывали тамъ?

И, не ожидая моего отвѣта, позвонила, приказала подать мнѣ кофе и сѣла, стала пристально глядѣть на меня и, не слушая, спрашивать, какъ я жилъ, что дѣлалъ, стала говорить о себѣ, о томъ, что послѣ двухъ или трехъ очень дурныхъ для нея мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она «ужасно постарѣла», — эти слова были произнесены съ какой-то непонятной улыбкой, — она чувствуетъ себя такъ хорошо, такъ молодо, какъ никогда. . . Я отвѣчалъ, слушалъ, но многого не понималъ; у меня холодѣли руки отъ близости иного, страшнаго и неотвратимаго часа. Я не отрицаю, — меня точно молнія ослѣпила, когда она сказала: «Я постарѣла. . .» Я вдругъ увидѣлъ, что она права: въ худобѣ ея рукъ и поблекшаго, хотя и впрямь помолодѣвшаго лица, въ сухости нѣкоторыхъ очертаній тѣла

я уловилъ первые знаки того, что заставляетъ такъ больно и даже какъ-то неловко, — но тѣмъ страстнѣе! — сжиматься наше сердце при видѣ старѣющей женщины. Ахъ, да, какъ быстро и рѣзко измѣнилась она! Но все же она была прекрасна, я пьянѣлъ, глядя на нее. Я привыкъ безъ конца мечтать о ней, я не забылъ того мига, когда вечеромъ одиннадцатаго іюля впервые обнялъ ее колѣни. Дрожали и ее руки, когда она поправляла прическу, улыбалась и глядѣла на меня, — и вдругъ — вы поймете всю катастрофическую силу этого мгновенія! — вдругъ эта улыбка какъ-то исказилась, и она съ трудомъ, но твердо выговорила:

— Вамъ все же надо поѣхать къ себѣ, отдохнуть съ дороги, — на васъ лица нѣтъ, у васъ такіе страдальческіе, ужасные глаза и горящія губы, что я не въ силахъ больше видѣть этого. . . Хотите, я поѣду съ вами, провожу васъ?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, встала и пошла, чтобы взять шляпу и мантилью. . .

Мы быстро пріѣхали на виллу Хашимъ. Я задержался у крыльца, чтобы нарвать цвѣтотъ. Она не стала ждать меня, сама отворила дверь. Прислуги у меня не было, былъ только сторожъ, онъ не видѣлъ насъ. Когда я вступилъ въ полутемную отъ закрытыхъ жалюзи переднюю и подалъ ей цвѣты, она поцѣловала ихъ, потомъ, обнявъ меня одной рукой, поцѣловала меня. Отъ волненія губы ее были сухи, но голосъ ясенъ.

— Но послушай. . . какъ же мы. . . есть что-нибудь съ тобой? — спросила она.

Я сперва не понялъ ее, такъ потрясъ меня этотъ первый поцѣлуй, это первое «ты», и пробормоталъ:

— Что ты хочешь сказать?

Она отступила назадъ.

— Какъ? — сказала она съ изумленіемъ, почти строго. — Неужели ты думалъ, что я... что мы можемъ жить послѣ этого? Есть ли у тебя что-нибудь, чтобъ умереть?

Я спохватился и поспѣшилъ показать ей заряженный револьверъ, съ которымъ никогда не разставался.

Она быстро пошла впередъ, изъ комнаты въ комнату. Всюду была полутьма. Я слѣдовалъ за ней съ тѣмъ помутнѣніемъ всѣхъ чувствъ, съ которымъ раздѣтый человекъ идетъ въ знойный день въ море, — слыша только шелестъ ея шелковыхъ юбокъ. Наконецъ мы пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ея дрожали, и я еще разъ замѣтилъ сквозь сумракъ что-то очень жалкое въ ея лицѣ...

Но умерла она твердо. Въ послѣднія мгновенія она преобразилась. Цѣлуя меня и отстраняясь, чтобы видѣть мое лицо, она сказала мнѣ шопотомъ нѣсколько столь нѣжныхъ и трогательныхъ словъ, что я не въ силахъ повторить ихъ.

Я хотѣлъ пойти нарвать еще цвѣтовъ, чтобы осыпать ими наше погребальное ложе. Она не пустила меня, она торопилась, она говорила: — «Нѣтъ, нѣтъ, не надо... цвѣты есть... вотъ твои цвѣты!» — и все повторяла:

— Итакъ, заклинаю тебя всѣмъ для тебя священнымъ, что ты убьешь меня!

— Да, а затѣмъ себя, — сказалъ я, ни секунды не сомнѣваясь въ своей рѣшимости.

— О, я вѣрю, вѣрю, — отвѣчала она уже какъ бы въ забытьѣ. . .

За минуту до смерти она сказала очень тихо:

— Боже мой, этому имени нѣтъ!

И еще:

— Гдѣ цвѣты, что ты далъ мнѣ? Поцѣлуй меня — въ послѣдній разъ.

Она сама приставила дуло къ виску. Я хотѣлъ выстрѣлить, она остановила меня:

— Нѣтъ, нехорошо, дай я поправлю. Вотъ такъ, дитя мое. . . А потомъ перекрести меня и положи мнѣ цвѣты на грудь. . .

Когда я выстрѣлилъ, она сдѣлала легкое движеніе губами. Я выстрѣлилъ еще разъ. . .

Она лежала спокойно. Волосы ея были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаясь, всталъ, чтобъ покончить съ собой. Но въ комнатѣ, не смотря на жалюзи, было свѣтло, я рѣзко видѣлъ въ этомъ свѣтѣ ея уже поблѣднѣвшее лицо. . . И тутъ мной вдругъ овладѣло безуміе, я бросился къ окну, раскидалъ, распахнулъ ставни, сталъ кричать и стрѣлять въ воздухъ. . . Остальное вы знаете. . .

СООТЕЧЕСТВЕННИКЪ

Этотъ брянскій мужикъ мальчишкой былъ привезенъ въ Москву изъ деревни, состоялъ на побѣгушкахъ при купеческомъ амбарѣ на Ильинкѣ, стрѣлой леталъ въ трактиры за кипяткомъ: схватить мѣдный чайникъ и мчится въ галереяхъ Старыхъ Рядовъ, темной водяной струей выписывая по сѣрому полу цифру восемь. . . бойкій зимній день, идетъ снѣжокъ, Ильинка чернѣетъ народомъ, бѣгутъ, тасуются извозчичьи лошади, а онъ, въ одной рубашкѣ, безъ шапки, — голова у него похожа на краснаго ежа, — срывается съ тротуара, выскочивъ на улицу, и жжетъ на подшвахъ по льду въ канавкѣ. . .

Представьте же, какъ странно видѣть этого мужика въ тропикахъ, подъ экваторомъ! Онъ сидитъ въ своей конторѣ, въ старинномъ домѣ голландской постройки. За окнами — жаркій бѣлый городъ, голые черные рикши, магазины драгоценныхъ камней, отели, полные туристовъ со всѣхъ концовъ земли, въ теплой зеленой водѣ гавани — американскіе и японскіе пароходы, за гаванью, на низменныхъ побережьяхъ, — кокосовые лѣса. . . Одѣтый во все бѣлое, рослый, узловатый, огненно-рыжій, съ голубой веснушчатой кожей,

блѣдный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, — отъ зноя, нервности, постоянного хмеля и дѣловитости, — съ виду онъ не то шведъ, не то англичанинъ. Письменный столъ его весь заваленъ бумагами, счетами. Кругомъ стоитъ сухой трескъ ремингтоновъ. Старикъ индусъ, босой, въ халатъ и тюрбанъ, безшумно и быстро мѣняетъ своими темными изящными руками въ серебряныхъ кольцахъ бутылочки холодной содовой воды и поминутно, съ таинственной миной, докладываетъ о посѣтителяхъ, къ каждому слову прибавляя: сэръ. А сэръ весь поглощенъ, — или притворяется, что поглощенъ, — бесѣдой съ гостемъ изъ Россіи, передъ которымъ онъ играетъ роль радушнаго хозяина этого тропическаго острова. На столѣ нѣсколько раскрытыхъ коробокъ съ дорогими сигарами, съ турецкими, египетскими, англійскими и гаванскими папиросами. Онъ знатокъ въ табакахъ, — какъ и во всемъ, впрочемъ, — онъ угощаетъ то тѣмъ, то другимъ. . . Мелькомъ взглянувъ на поданную бумагу, онъ, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидѣвъ входящаго посѣтителя, мѣняетъ выраженіе лица, двумя, тремя фразами кончаетъ дѣло и снова подхватываетъ прерванную бесѣду; принимая депешу, разрываетъ ее какъ-то особенно небрежно, на мгновеніе нахмуривается, пробѣгая: «А идиоты!» — крѣпко выговариваетъ онъ съ досадою и, отбросивъ въ сторону, тотчасъ забываетъ, или притворяется, что забываетъ о ней. . . У него всѣ идиоты. Онъ уже успѣлъ удивить гостя свой самоуверенностью, рѣшительнымъ и скептическимъ умомъ, дѣловитостью, огромнымъ житейскимъ опытомъ и несмѣтными знакомствами съ людьми самыхъ разнообраз-

разныхъ классовъ и положеній. Кого ни назови изъ московскихъ знаменитостей, — купцовъ, администраторовъ, врачей, журналистовъ, — онъ всѣхъ знаетъ, да хорошо знаетъ и цѣну каждому изъ нихъ. А какая у него освѣдомленность по части всякихъ закулисныхъ тайнъ, рѣдкихъ карьеръ и темныхъ исторій!

Гость еще въ Портъ-Саидъ много слышалъ о немъ отъ одного его пріятеля, съ циничной веселостью говорившаго, что Зотовъ прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы: «Да-а, — говорилъ этотъ пріятель, покачивая головой съ насмѣшливой и загадочной улыбкой, — хорошъ мальчикъ!» На мѣстѣ гость узналъ еще больше и главнымъ образомъ изъ отрывочныхъ фразъ самого же Зотова. Странно, неожиданно проявляются таланты на Руси и чудеса дѣлаютъ они при счастливыхъ жребіяхъ! А онъ вынулъ жребій необыкновенно счастливый, прибывъ въ Москву мальчишкой. Былъ у него тамъ дядя, сытый, умный мужикъ, уже пріобрѣтшій и достатокъ, и сознаніе собственнаго достоинства, ловко умѣвшій, не роняя себя, услужить порядочному господину. Работалъ этотъ дядя въ Сандуновскихъ баняхъ, и многіе, кого окружалъ онъ облаками горячей и душистой мыльной пѣны, звали его по имени, любили поговорить съ нимъ. Любилъ и Нечаевъ, либеральный, образованный крезъ, большой, толный купецъ въ золотыхъ очкахъ. Мудрено ли было, накинувъ на розовое распаренное тѣло скользкую, тонкую простыню, замолвить словечко о мальчишкѣ племянникѣ? И мальчишка попалъ не дратву сучить, не утюги раздувать, а въ сумрачный, чистый и тихій амбаръ на Ильинкѣ. Все остальное было дѣломъ его личной живости и талантливости. Какъ начинаютъ эти

счастливы и самородки — известно: днем мальчишка на побѣгушкахъ, вечеромъ по собственной охотѣ, безъ всякихъ руководителей, корпитъ при тускломъ огаркѣ, учится читать, писать; утромъ, до прихода приказчиковъ, ничего не понимая, но упрямо одолеваетъ газету; а только чукнуть приказчики — онъ уже тутъ какъ тутъ, какъ листъ передъ травой, ловитъ каждое слово, каждый взглядъ... Лѣтъ двѣнадцати этотъ мальчишка, обратившій на себя исключительное хозяйское вниманіе, былъ взятъ въ хозяйскій домъ, а на восемнадцатомъ году былъ уже въ Германіи, изучалъ бумажное дѣло, работая не хуже любого нѣмца: иностранцы будто бы вѣрить не хотѣли, что онъ русскій. «Часто не вѣрятъ и теперь, болваны!» — говоритъ Зотовъ, по своему обыкновенію отрывисто и грубовато, бросая одну папиросу и тотчасъ же закуривая другую... Но точно ли ужъ такъ похожъ онъ на европейца?

Ему тридцать семь лѣтъ, но кажется онъ старше. Да, съ виду онъ совсѣмъ англичанинъ, даже руки англійскія, конопатыя, въ рыжихъ волосахъ. Но, думаетъ гость, развѣ сталь бы англичанинъ говорить такъ изумительно много и такъ возбужденно? Настоящія англійскія руки не дрожали бы въ такіе годы, да еще при такой силѣ, какъ у Зотова, лицо у англичанина не было бы такъ блѣдно, такъ тревожно безъ всякой видимой причины. Второй день Зотовъ въ черныхъ очкахъ, потому что одна бровь у него разбита: поскользнулся, говоритъ, на кожицу банана въ барѣ, — значитъ, хорошъ былъ. А вѣдь онъ здѣсь, на островѣ, по своему положенію персона. Все время владѣеть онъ любопытствомъ, вниманіемъ собесѣдника. Онъ,

этотъ до наглости смѣлый человѣкъ, заражаетъ своей смѣлостью, своей энергіей, порой восхищаетъ даже. Но, слушая его, дивясь ему, глядишь на него и думаешь: да, но вѣдь онъ пьянъ, пьянъ! Онъ всегда во хмелю — отъ нервности, отъ жары, отъ табаку, отъ виски: много пьютъ англичане, но, конечно, ни одинъ изъ нихъ во всемъ этомъ бѣломъ городѣ не выпиваетъ за день столько, сколько Зотовъ, не глотаетъ такъ жадно ледяную содовую воду, не выкуриваетъ такого количества сигаръ и папиросъ, не говоритъ такъ много и путанно. . .

Послѣ заграничной выучки онъ работалъ дома и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего воспитателя. Но въ самостоятельности онъ уже не хотѣлъ знать мѣры, равно какъ и въ тратахъ. Посланный въ Среднюю Азію, онъ вдругъ, по какому то пустому поводу, поссорился, порвалъ всѣ связи съ Нечаевымъ — и сразу превратился изъ человѣка, ровно и твердо шедшаго въ гору, чуть не въ искателя приключеній. Онъ извѣздилъ всю Сибирь, побывалъ на Амурѣ, въ Китаѣ, сгорая нетерпѣніемъ начать какое-нибудь собственное дѣло, — такое, которое привело бы его къ обогащенію. Кончилъ онъ тѣмъ, что ввязался въ большое чайное дѣло, устройвъ себѣ еще кромѣ того двѣ службы, и вотъ уже шестой годъ пребываетъ здѣсь, въ тропикахъ, облеченный не малыми полномочіями. . . Рѣдкій европеецъ поставилъ бы такъ легко крестъ на своей изумительной по удачѣ судьбѣ, да даже просто на своей спеціальности, взявшей столько лѣтъ туда! Не отдался бы европеецъ на прихоть случайностей, не взвалилъ бы на себя и правительственную службу, и пароходную агентуру, и чайныя

дѣла, не затѣялъ бы на ряду со всѣмъ этимъ еще аферъ съ жемчужными раковинами, не содержалъ бы свою черную любовницу, — рѣдкую, по слухамъ, красавицу, — на диво всему городу. . . Онъ очень себѣ на умѣ, но порою очень безтактенъ, одинаково сильно проявляетъ то большую выдержку, то несдержанность, то скрытность, то болтливость, щеголяетъ своимъ простымъ происхожденіемъ и въ то же время хвастаетъ знакомствомъ съ людьми знатными, на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ русское правительство и съ видимой гордостью держитъ у себя на столѣ фотографическій портретъ красиваго военнаго, собственноручно пожаловавшаго ему этотъ портретъ съ краткимъ надписаніемъ своего имени; рассказывая что-нибудь, по его мнѣнію, забавное, не понимаетъ зачастую, что смыслъ этого забавнаго можно истолковать совсѣмъ не въ его пользу: напримѣръ, изъ его же собственныхъ рассказовъ узналъ гость, что ужъ слишкомъ всезнающимъ, чуть не проходимцемъ казался онъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ дѣльцовъ Сибири, Манджуріи, съ которыми такъ быстро сходилса онъ, которыхъ очаровывалъ на первыхъ порахъ своей любезностью и общительностью, своими замашками человека, привыкшаго жить на широкую ногу, понимающаго толкъ рѣшительно во всемъ, начиная съ сигаръ, вина, женщинъ и кончая какими-то раскопками на Филиппинскихъ островахъ, весьма будто бы губительными по причинѣ земляного микроба. . .

Вечеромъ гость ѣдетъ съ нимъ за городъ.

Тамъ, на берегу океана, есть ресторанъ, гдѣ туристы и резиденты отдыхаютъ отъ городской духоты, пьютъ чай, брэнди, шампанское и любятъ закатомъ

съ площадки передъ рестораномъ. Ъдутъ туда на рикшахъ, въ крохотныхъ колясочкахъ, другъ за другомъ, по безконечной дорогѣ среди вѣковой растительности, мимо бунгалоу и дикарскихъ хижинъ, и цѣлый часъ видитъ передъ собой гость изъ Россіи только голое тѣло коричневаго человѣка, бѣгомъ везущаго его все дальше подъ зеленый вѣтвистый сводъ раскидистыхъ деревьевъ, а за нимъ, за этимъ тѣломъ и его черноволосой головой, — большую бѣлую фигуру Зотова, высоко и прямо сидящаго въ своей колясочкѣ. На поль-пути Зотовъ вдругъ обертывается и, поднимая палку, кричитъ гостю:

— Хотите заѣдемъ?

Гость отвѣчаетъ согласіемъ, — Зотовъ указалъ на небольшой буддійскій монастырь, — и тяжело дышащія, мокрые отъ пота дикари подкатываютъ къ проходу между хижинами подъ пальмами и всякими другими деревьями.

— Ну, не наше ли, не російское-ли? — говоритъ Зотовъ, выходя изъ экипажа. — Только у насъ такъ безсовѣстно много этой листвы, этого лѣса, этихъ лачугъ, этихъ грязныхъ мальчишекъ! Вы только поглядите, — говоритъ онъ, указывая палкой на деревья, на хижины, на ихъ лиственные и камышевые крыши, на голыхъ дѣтей и на старыхъ и молодыхъ туземцевъ, любопытно обступившихъ пріѣзжихъ. — И вечеръ-то нашъ, лѣтній, душный и такой анафемски скучный! — раздраженно говоритъ онъ, направляясь къ старой кумирнѣ, стоящей на холмѣ подъ тонкими кокосовыми пальмами, гдѣ уже ждетъ жрецъ въ желтомъ плащѣ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, съ неболь-

шой, сдавленной въ вискахъ бритой головой и пристальными, безумными глазами.

Войдя въ темное маленькое святилище, соотечественники снимаютъ мокрые отъ пота, холодные внутри шлемы. Жрецъ пальцемъ указываетъ на головы и молитъ имъ: этого, мошь, не требуется.

— Много ты понимаешь, дуракъ! — говоритъ Зотовъ по-русски и долго, съ какой-то странной серьезностью, глядитъ на двухсаженную деревянную статую, красно и желто расписанную и раззолоченную, лежащую на боку за чернымъ каменнымъ жертвенникомъ, на которомъ насыпаны мелкія монеты, никелевыя кольца и курятся ароматическимъ дымкомъ тончайшія коричневыя палочки.

— А раскрашенъ-то, лакированъ-то какъ! — говоритъ онъ отрывисто. — Точь въ точь деревянныя миски и чашки на нашихъ ярмаркахъ. . .

И небрежно кидаетъ на серебряную тарелку, протянутую жрецомъ, тяжелый червонецъ. . .

Когда прїѣзжаютъ въ ресторанъ, лицо у него мѣловое, и черныя очки очень страшны на этомъ лицѣ. «Я цѣлыхъ два часа ничѣмъ не отравлялся, ничего не пилъ, не курилъ и потому смертельно умирался» — говоритъ онъ. И какъ только садится къ столику на площадкѣ передъ рестораномъ, на обрывистомъ берегу, заваленномъ внизу голубыми валунами, вѣчно купающимися въ теплой водѣ океана, тотчасъ заказываетъ шампанскаго.

Вино очень холодное, и оба жадно пьютъ его, быстро хмелѣя и глядя на темнѣющій сиреневый океанъ, на безконечно далекій закатъ, мутно и нѣжно розовый. Дуетъ теплый слабый вѣтеръ, дремотно звенятъ цика-

ды въ кустарникахъ. . . И вдругъ Зотовъ далеко бросаетъ папиросу, быстро закуриваетъ другую и снова, волнуясь, съ упорствомъ, начинаетъ говорить о сходствѣ этого острова съ Россіей.

Гость усмѣхается. Зотовъ путанно и торопливо возражаетъ ему. Дѣло, говоритъ онъ, не въ одномъ внѣшнемъ сходствѣ. . . да онъ даже и не сходство, собственно, имѣлъ въ виду, а скорѣе свои ощущенія. . . можетъ быть, эти ощущенія шатки, болѣзненны, ну, да это ужъ другой вопросъ. . . въ этомъ климатѣ самъ чортъ сойдетъ съ ума, съ этимъ климатомъ нельзя шутить. . . а вотъ, разсуждая о всяческихъ дальневосточныхъ опасностяхъ, какъ-то совсѣмъ забываютъ объ этомъ, забываютъ, что господамъ арійцамъ и особенно намъ, русскимъ, слѣдуетъ совершать свои побѣдоносныя шествія въ тропики съ крайней осторожностью, почаще вспоминая своихъ пращуровъ и завоеваніе ими Индостана, такъ знаменательно кончившееся буддизмомъ: вѣдь это же мы, арійцы, залѣзшіе послѣ Тибета въ тропики, породили это ужасающее въ своей непреложной мудрости ученіе. . . И затѣмъ горячо начинаютъ увѣрять, что «вся сила въ томъ», что онъ уже видѣлъ, чувствовалъ индійскіе тропики еще до прибытія въ нихъ, когда-то очень давно, можетъ быть, тысячилѣтъ тому назадъ, — глазами и душой своего отдаленнаго предка. . .

Онъ говоритъ, — съ тонкостью, страстностью и краснорѣчіемъ, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него, — что онъ испыталъ чувства необыкновенныя на пути сюда, въ тѣ жаркія звѣздныя ночи, когда впервые глядѣлъ на Южный Крестъ, на Канопусъ и на тѣ первозданныя звѣздныя туманности, что называются

Магелановыми Облаками, видѣлъ Угольные Мѣшки, эти траурные пролеты въ безконечность міровыхъ пространствъ, и страшное великолѣпіе Альфы Центавра, игравшей на совершенно пустомъ небосклонѣ, гдѣ точно начиналось какое-то безмѣрное, недоступное нашему разуму Ничто. . . Да, да, восклицаетъ онъ настойчиво, уставясь на гостя своими черными очками, — совершенно пусть былъ небосклонъ вокругъ нея! Зрѣлище новаго міра, новыхъ небесъ раскрывалось передо мною, но мнѣ казалось, — и это ощущеніе было до ужаса живо во мнѣ, увѣряю васъ! — мнѣ казалось, что я уже видѣлъ ихъ когда-то. Всѣ дни и ночи широко размахивала насъ въ океанѣ плавная мертвая волна. Мы шли навстрѣчу восточному муссону, онъ дулъ рѣзко и сильно, отъ его непрестаннаго воздушнаго тока гудѣло въ реяхъ и рябило въ глазахъ, ходъ казался быстрымъ. . . Просыпаясь по ночамъ въ горячей темнотѣ своей каюты, я шель отдыхать отъ своего изнурительнаго сна на верхнія палубы, на вѣтеръ, подъ эти звѣзды — совсѣмъ не тѣ, что я видѣлъ всю жизнь, съ самага рожденія и съ которыми уже сроднился, совсѣмъ, совсѣмъ другія, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и не совсѣмъ новыя, а *смутно воспоминаемыя*. Въ ихъ тускломъ свѣтѣ стоялъ непрестанный шумъ океана, пародъ медленно клало съ одного бока на другой, и, точно удавленники въ сѣрыхъ саванахъ, съ распростертыми руками, качались и дрожали возлѣ трубы длинные парусиновые вентиляторы, жадно ловившіе своими отверстіями свѣжесть муссона, съ которымъ уже доносилось до насъ горячее дыханіе нашей страшной Прародины. И тутъ порою охватывала меня такая тоска, — тоска какого-то безконечно далекаго воспо-

минанія, — что человѣческимъ словомъ не выразишь даже и сотой доли ея. . .

Дуетъ слабый, сладкій вѣтеръ, дремотно звенять кустарники. Сумерки начинаютъ наливаться тѣмъ сказочнымъ оранжево-золотистымъ свѣтомъ, который всегда возникаетъ въ тропикахъ спустя нѣкоторое время послѣ заката. Оранжево-золотистой пѣной кипитъ прибой, въ оранжево-золотистомъ озареніи лица и бѣлыя одежды. . . «Какъ связать то, чѣмъ онъ дивилъ меня днемъ, и то, чѣмъ дивитъ теперь?» — думаетъ гость изъ Россіи про своего удивительнаго соотечественника. А тотъ смотритъ на него своими черными очками и упрямо повторяетъ:

— Да, да, я уже былъ здѣсь. . . И вообще, я чело-вѣкъ обрѣченный. . . Если бы вы знали, какъ страшно запутаны мои дѣла! Еще больше, кажется, чѣмъ душа и мысли! Ну, да изъ всего есть выходъ. Дернулъ собачку револьвера, поглубже всунувъ его въ ротъ, — и всѣ эти дѣла, мысли и чувства разлетятся къ чортовой матери!

1916.

КАЗИМИРЪ СТАНИСЛАВОВИЧЪ

На пожелѣвшей визитной карточкѣ съ дворянской короной молодой швейцаръ гостиницы «Версаль» кое-какъ прочелъ только имя-отчество: Казимиръ Станиславовичъ; дальше слѣдовало нѣчто еще болѣе многосложное и еще болѣе трудное для произношенія. Повертѣвъ карточку въ рукахъ, онъ заглянулъ въ паспортъ, поданный пріѣзжимъ вмѣстѣ съ нею, пожалъ плечомъ, — никто изъ пріѣзжающихъ въ «Версаль» не предъявлялъ визитныхъ карточекъ, — бросилъ то и другое въ столикъ и опять сталъ глядѣться въ серебристо-молочное зеркальце надъ этимъ столикомъ, взбивая гребешкомъ свои густые волосы. Былъ онъ въ поддевкѣ и расчищенныхъ сапогахъ, золотой позументъ на его картузѣ былъ засаленъ, — гостиница была скверная.

Казимиръ Станиславовичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Москву восьмого апрѣля, въ пятницу на Пасхѣ, по чьей-то телеграммѣ, заключавшей въ себѣ только одно слово: «десятаго». Деньги у него откуда-то взялись, сѣлъ онъ въ купѣ второго класса, сѣрое, тусклое, но, вѣрно, дававшее ему ощущеніе роскоши, комфорта. Въ дорогѣ топили, и это вагонное тепло, запахъ калори-

фера и тугое постукиваніе молоточковъ въ немъ могли напомнить Казимиру Станиславовичу другія времена. Порой казалось, что вернулась зима, бѣлая, очень бѣлая метель заносила въ поляхъ щетину рыжихъ жнивій и большія свинцовыя лужи, гдѣ плавали дикія утки: но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много свѣта, а на станціяхъ чернѣли мокрыя платформы и кричали въ голыхъ тополяхъ грачи. Казимиръ Станиславовичъ на каждой большой станціи выходилъ къ буфету, возвращался въ вагонъ съ газетами въ рукахъ, но не читалъ ихъ, а сидѣлъ и тонулъ въ дыму своихъ толстыхъ папиросъ, горѣвшихъ жарко, съ искрами, и ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, — одесскихъ евреевъ, всю дорогу игравшихъ въ карты, — не говорилъ ни слова. На немъ было осеннее пальто съ обитыми карманами, очень старый креповый цилиндръ и новая, но грубая, базарная обувь. Руки его, характерныя руки привычнаго пьяницы и давняго жильца подваловъ, зажигая спички, тряслись. О бѣдности и пьянствѣ свидѣтельствовало и все прочее: отсутствіе манжетъ, заношенный бумажный воротничокъ, ветхій галстукъ, воспаленное и до нельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящіеся глаза. Баки его были крашены плохой коричневой краской, видъ имѣли неестественный. Глядѣлъ онъ устало и презрительно.

Въ Москву поѣздъ пришелъ на другой день совсѣмъ не во время, опоздалъ на цѣлыхъ семь часовъ. Погода была неопредѣленная, но лучше и суше кievской, съ чѣмъ-то волнующимъ въ воздухѣ. Казимиръ Станиславовичъ взялъ извозчика безъ торга и велѣлъ везти себя прямо въ «Версаль». «Я, братъ, — сказалъ

онъ, неожиданно нарушая свое молчаніе, — эту гостиницу еще со студенческихъ временъ знаю». — Изъ «Версаля», какъ только внесли въ номеръ его корзину, перевязанную толстой веревкой, онъ тотчасъ же вышелъ.

Вечерѣло, воздухъ былъ тепель, зеленѣли черныя деревья на бульварахъ, всюду было много народа. . . Одинокѣ челѣвкѣ, прожившему и погубившему свою жизнь, въ весенній вечеръ въ чужомъ людномъ городѣ! — Казимиръ Станиславовичъ пѣшкомъ прошелъ весь Тверской бульваръ, снова увидѣлъ вдали чугунную фигуру задумавшагося Пушкина, золотыя и сиреневыя главы Страстного монастыря. . . Въ кофейнѣ Филиппова онъ пилъ шоколадъ, разсматривалъ истрепанные юмористическіе журналы. Выйдя, постоялъ въ нерѣшительности, глядя на огненную сквозную вывѣску кинематографа, сѣвшую вдали по Тверской въ синѣющихъ сумеркахъ. Потомъ поѣхалъ въ ресторанъ на бульварѣ, тоже знакомый со студенческихъ временъ. Везъ его старикъ, согнутый въ дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный въ себя, въ свою старость, въ свои мутныя думы, мучительно и нудно помогавшій всю дорогу своей лѣвивой лошади всѣмъ существомъ своимъ, все время что-то бормотавшій съ ней, порой ядовито укорявшій ее, и наконецъ довезъ, — свалилъ на время съ плечъ тяжесть и глубоко вздохнулъ, принимая деньги.

— А я не разобралъ, думалъ, тебѣ въ «Брагу», — медленно поворачивая лошадь, проговорилъ онъ даже какъ будто недовольно, хотя «Прага» была дальше.

— Помню, старикъ, и «Прагу», — отвѣтилъ Казимиръ.

миръ Станиславовичъ. — А давно ты, вѣрно, ѣздишь по Москвѣ!

— Ъзжу-то? — спросилъ старикъ. — Пятьдесятъ второй годъ ѣзжу. . .

— Значить, можетъ быть, и меня возилъ, — сказалъ Казимиръ Станиславовичъ.

— Можетъ, и возилъ, — отвѣтилъ старикъ сухо. — На свѣтъ народу много, всѣхъ васъ не упомнишь. . .

Отъ прежняго ресторана, извѣстнаго Казимиру Станиславовичу, осталось только одно званіе. Теперь это былъ большой, перворазрядный, хотя и низкопробный ресторанъ. Надъ подъѣздомъ горѣлъ электрическій шаръ, какимъ-то гелиотроповымъ, неприятнымъ свѣтомъ озарявшій лихачей второго сорта, наглыхъ и безпощадныхъ къ своимъ запаленнымъ, костлявымъ рысакамъ, тяжело ревушимъ на бѣгу. Въ сырыхъ сѣняхъ стояли горшки съ лаврами, съ тропическими растеніями, изъ тѣхъ, что переѣзжаютъ на платформахъ съ похоронъ на свадьбы и обратно. Въ лакейской къ Казимиру Станиславовичу кинулось сразу нѣсколько человѣкъ и все съ такими же густыми клубами волосъ, какъ у швейцара «Версаля». Въ большомъ зеленоватомъ залѣ со множествомъ широкихъ зеркалъ и съ малиновой лампадкой, теплившейся въ углу, было еще пусто и зажжено всего нѣсколько рожковъ. Казимиръ Станиславовичъ долго сидѣлъ одинъ и безъ дѣла. Чувствовалось, что еще не совсѣмъ стемнѣлъ за окнами въ бѣлыхъ шторахъ долгій весенній вечеръ, слышалось съ улицы цоканье копытъ по мостовой; однообразно плескался среди зала фонтанчикъ въ аквариумѣ, гдѣ ходили облѣзлая золотыя рыбки, откуда то снизу, сквозь воду, освѣщенные. Бѣлый половой по-

далъ приборъ, хлѣбъ, графинчикъ холодной водки. Казимиръ Станиславовичъ сталъ пить водку безъ закуски, давилъ ее во рту, прежде чѣмъ проглотить, а проглотивъ, стискивалъ зубы и какъ будто съ отвращеніемъ нюхалъ черный хлѣбъ. Вдругъ, даже испугавъ его, загрохотала на весь залъ и запѣла машина — смѣсь изъ русскихъ пѣсень, то преувеличенно бурныхъ, безшабашныхъ, то не въ мѣру нѣжныхъ, протяжныхъ, задушевно-грустныхъ. . . И у Казимира Станиславовича покраснѣли глаза подъ этотъ сладкій и гнусавый стонъ.

Потомъ сѣдой, кудрявый грузинъ принесъ ему на цѣлой желѣзной пикѣ полусырой пахучій шашлыкъ, съ какимъ-то развратнымъ щегольствомъ срѣзавъ мясо на тарелку и, для пушей азіатской простоты, собственноручно посыпавъ лукомъ, солью и ржавымъ порошкомъ барбариса, межъ тѣмъ какъ машина гремѣла въ пустомъ залѣ подмывающимъ къ ѣдимъ изгибамъ и подскакиваніямъ кѣкъ-уокомъ. . . Потомъ подавали Казимиру Станиславовичу рокфоръ, красное вино, кофе, нарзанъ, ликеры. . . Машина давно смолкла. вмѣсто нея давно игралъ на эстрадѣ оркестръ нѣмокъ въ бѣлыхъ платьяхъ, освѣщенный и все наполнявшійся народомъ залъ нагрѣлся, потускнѣлъ отъ табачнаго дыма, густо насытился запахомъ кушаній; половые носились вихремъ, пьяные требовали сигаръ, отъ которыхъ ихъ вскорѣ тошнило; метрдотели расточали крайнюю заботливость, соединенную съ напряженнымъ соблюденіемъ собственного достоинства; въ зеркалахъ, въ ихъ мутно-водянистыхъ безднахъ все безпорядочнѣе отражалось что-то огромное, шумное, сложное; Казимиръ Станиславовичъ нѣсколько

разъ выходилъ изъ жаркаго зала въ прохладные коридоры, въ холодную уборную, гдѣ странно пахло моремъ, шелъ точно по воздуху и, возвратясь, снова требовалъ вина. Во второмъ часу, закрывая глаза и сквозь ноздри втягивая въ свою одурманенную голову ночную свѣжесть, онъ летѣлъ на лихачѣ, на высокой пролеткѣ съ дутыми шинами, за городъ, въ публичный домъ, видѣлъ вдали безконечныя цѣпи позднихъ огней, убѣгавшихъ куда-то подъ гору и снова поднимавшихся въ гору, но видѣлъ такъ, точно это былъ не онъ, а кто-то другой; въ публичномъ домѣ онъ чуть не подрался съ какимъ-то полнымъ господиномъ, который, наступая на него, кричалъ, что его знаетъ вся мыслящая Россія; потомъ одѣтый лежалъ на широкой постели, покрытой стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, въ небольшой комнатѣ, полуосвѣщенной съ потолка голубымъ фонаремъ, приторно пахнущей душистымъ мыломъ, съ платьями, навѣшенными на крюкъ на двери; возлѣ постели стояла ваза съ фруктами; дѣвушка, обязанная занимать Казимира Станиславовича, молча, жадно, со вкусомъ ѣла грушу, обрѣзая ее ножичкомъ, а ея подруга, съ голыми толстыми руками, въ одной рубашкѣ, дѣлавшей ее похожей на дѣвочку, быстро писала письмо на туалетномъ столикѣ, не обращая на нихъ никакого вниманія; она писала и плакала — о чемъ? На свѣтѣ народу много, всего не узнаешь. . .

Десятаго апрѣля Казимиръ Станиславовичъ проснулся поздно. Судя по тому, какъ испуганно открылъ онъ глаза, можно было понять, что его на мгновение ошеломила мысль о томъ, что онъ въ Москвѣ, и что было вчера. Онъ вернулся не ранѣе пятаго часа. Онъ

шатался, поднимаясь по лѣстницѣ «Версаля», однако безъ ошибки пошелъ къ своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, гдѣ только въ самомъ началѣ сонно коптила лампочка. Возлѣ всѣхъ номеровъ стояли сапоги и башмаки, — все людей чужихъ, неизвѣстныхъ другъ другу и другъ другу враждебныхъ. Внезапно одна дверь, пахнувъ на Казимира Станиславовича почти ужасомъ, растворилась, на порогѣ ея появился старикъ въ халатѣ, похожій на плохого актера, играющаго «Записки сумасшедшаго», и Казимиръ Станиславовичъ увидалъ лампу подъ зеленымъ колпакомъ и тѣсно заставленную комнату, берлогу одинокаго, стараго жильца, съ образами въ углу и несмѣтными коробками изъ-подъ папиросныхъ гильзъ, чуть не до потолка наложенными одна на другую возлѣ образовъ. . . Неужели это былъ тотъ самый полоумный составитель жизнеописаній угодниковъ, что жилъ въ «Версалѣ» двадцать три года тому назадъ? — Въ темномъ номерѣ Казимира Станиславовича было страшно душно отъ какой-то ѣдкой и пахучей суши. Свѣтъ слабо проникалъ въ темноту изъ окна надъ дверью. Казимиръ Станиславовичъ зашелъ за перегородку, снялъ цилиндръ со своихъ очень рѣдкихъ, нафиксатуренныхъ волосъ, кинулъ пальто въ изголовье голой кровати. . . Все закружилось подъ нимъ, какъ только онъ легъ, понеслось въ пропасть, и онъ мгновенно заснулъ. Во снѣ все время чувствовалъ онъ смрадъ желѣзнаго умывальника, стоявшаго возлѣ самаго его лица, а видѣлъ весенній день, деревья въ цвѣту, залъ большого барскаго дома и множество народа, со страхомъ ожидавшаго, что вотъ-вотъ пріѣдетъ митрополитъ, и это ожиданіе мучило, томило его всю

ночь... Теперь по коридорамъ «Версаля» звонили, бѣжали, перекрикивались. За перегородкой, сквозь двойныя пыльные стекла, свѣтило солнце, было жарко... Казимиръ Станиславовичъ снялъ пиджакъ, позвонилъ и сталъ умываться. Прибѣжалъ коридорный, востроглазый мальчишка съ лисьимъ пухомъ на головѣ, въ сюртукъ и розовой косовороткѣ.

— Калачъ, самоваръ и лимонъ, — сказалъ Казимиръ Станиславовичъ, не глядя на него.

— Чай, сахаръ нашъ прикажете? — съ московской бойкостью спросилъ коридорный.

И черезъ минуту влетѣлъ съ кипящимъ самоваромъ на ладони возлѣ плеча, мгновенно раскинулъ по круглому столу передъ диваномъ скатерть, подносъ со стаканомъ и помятой мѣдной полоскательницей, стукнулъ по подносу ножками самовара... Казимиръ Станиславовичъ, пока настаивался чай, машинально развернулъ «Московскій Листокъ», подсунутый коридорнымъ вмѣстѣ съ самоваромъ; взглядъ его упалъ на замѣтку о томъ, что вчера гдѣ-то поднятъ въ безсознательномъ состояніи неизвѣстный человѣкъ... «Пострадавшій отправленъ въ больницу», прочелъ онъ и бросилъ газету. Онъ почувствовалъ себя очень зыбко, плохо. Поднявшись, онъ открылъ окно, — оно выходило во дворъ, — и на него запахло свѣжестью и городомъ, понеслись изысканно-пѣвучіе крики разносчиковъ, звонки гудящихъ за противоположнымъ домомъ конокъ, слитный трескъ экипажей, музыкальный гулъ колоколовъ... Городъ давно уже жилъ своей шумной, огромной жизнью въ этотъ яркій весенній день. Выдавивъ въ стаканъ съ чаемъ цѣлый лимонъ, съ жадностью выпивъ эту мутную кислую жидкость, Казимиръ Стани-

славовичъ опять ушелъ за перегородку. «Версаль» за-
тихъ. Было хорошо, покойно; взглядъ лѣниво сколь-
зилъ по конторскому объявленію на стѣнѣ: «Пробыв-
ши три часа, считается за сутки»; мышъ гремѣла въ ко-
модѣ, катая кусокъ сахару, оставленный какимъ-ни-
будь проѣзжимъ. . . Такъ, въ полудремотѣ, Казимиръ
Станиславовичъ пролежалъ за перегородкой до тѣхъ
поръ, пока солнце не скрылось изъ комнаты и не по-
тянуло въ окно другой свѣжестью, уже предвечерней.

Тогда онъ тщательно привелъ себя въ порядокъ:
развязалъ корзинку, премѣнилъ бѣлье, досталъ деше-
венькій, но чистый носовой платокъ, обмахнулъ щет-
кой лоснящійся сюртукъ, цилиндръ и пальто, вынулъ
изъ его продраннаго кармана и кинулъ въ уголь за-
тертую кievскую газету отъ пятнадцатаго января. . .
Одѣвшись и расчесавъ красящимъ гребнемъ баки, онъ
подсчиталъ свои средства, — въ кошелекѣ его оста-
лось всего четыре рубля семь гривенъ, — и вышелъ.
Ровно въ шесть онъ былъ возлѣ низенькой старин-
ной церковки на Молчановкѣ. За церковной оградой
мелкой зеленью зеленѣло развѣсистое дерево, играли
дѣти, — у одной худенькой дѣвочки, прыгавшей че-
резъ веревочку, все спадалъ черный чулочекъ, — и
сидѣли на скамьѣ, передъ колясочками со спящими
младенцами, кормилицы въ русскихъ нарядахъ. Все
дерево трещало воробьями, воздухъ былъ мягокъ, —
совсѣмъ, совсѣмъ лѣтній, даже пылью пахло по лѣт-
нему, — и нѣжно золотилось вдали за домами небо
надъ закатомъ, и чувствовалось, что въ мірѣ снова
есть гдѣ-то радость, молодость, счастье. Въ церкви
уже горѣла люстра и стоялъ напой, передъ налоемъ
лежалъ коврикъ. Казимиръ Станиславовичъ осторож-

но, стараясь не испортить прически, снялъ цилиндръ, вступилъ въ церковь несмѣло, — онъ не бывалъ въ церквахъ уже лѣтъ тридцать, — и помѣстился въ уголѣ, но такъ, чтобы ему было видно вѣнчающихся. Онъ оглядывалъ расписные своды, поднималъ глаза въ куполь, и каждое его движеніе, каждый вздохъ звучно отдавался въ тишинѣ. Церковь, блестя своимъ золотомъ, выжидательно потрескивала свѣчами. И вотъ, крестясь, но свободно, привычно стали входить священнослужители, пѣвчіе, потомъ старухи, дѣти, свадебные нарядные гости и озабоченные распорядители. Когда же послышался шумъ возлѣ паперти, захрустѣла колесами подъѣхавшая карета и всѣ обратились ко входу и грянула встрѣча: — «Гряди, голубица моя!» — Казимиръ Станиславовичъ покрылся отъ сердцебіенія смертельной блѣдностью и невольно двинулся впередъ. И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и ландышемъ овѣяла та, которая даже не знала о его существованіи на свѣтѣ, прошла, склонивъ свою прелестную голову, вся въ цвѣтахъ и сквозномъ газѣ, вся бѣлоснѣжная и непорочная, счастливая и робкая, какъ принцесса, идущая къ первому причастію. . . Жениха, встрѣтившаго ее, низенькаго, широкоплечаго, съ желтымъ плоскимъ бобрикомъ на темени, Казимиръ Станиславовичъ едва видѣлъ. И за все время вѣнчанія только одно было передъ его глазами: склоненная, въ цвѣтахъ и фатѣ, голова и маленькая рука, съ дрожью державшая горящую свѣчу, перевитую бѣлой лентой съ бантомъ. . .

Въ десятомъ часу вечера онъ былъ опять дома. Все пальто его пропахло весеннимъ воздухомъ: послѣ того какъ, выйдя изъ церкви, увидалъ онъ у паперти зер-

кальное, отражавшее закатъ стекло кареты, бѣлоатласной внутри, и въ послѣдній разъ мелькнуло за этимъ стекломъ лицо той, которую навсегда увозили отъ него куда-то, онъ долго скитался по какимъ-то переулкамъ, выходилъ на Новинскій бульваръ. . . Теперь онъ медленно снялъ съ себя пальто трясущимися руками, положилъ на столъ бумажный мѣшочекъ съ двумя зелеными огурцами, зачѣмъ-то купленными имъ съ лотка разносчика. . . Отъ нихъ пахло весной даже сквозь бумагу, и по-весеннему, жидко серебрился въ верхнее стекло окна апрѣльскій мѣсяць, высоко стоявшій на еще нестемнѣвшемъ небѣ. Казимиръ Станиславовичъ зажегъ свѣчу, печально освѣтилъ свой пустой, случайный пріютъ, сѣлъ на диванъ, ощущая на лицѣ своемъ вечернюю свѣжесть. . . Такъ просидѣлъ онъ очень долго. Онъ не звонилъ, ничего не требовалъ, заперся на ключъ, — все это показалось подозрительнымъ коридорному, видѣвшему, какъ онъ, шаркая ногами, входилъ въ номеръ, какъ вынималъ ключъ изъ двери, чтобы запереться изнутри. Коридорный нѣсколько разъ пробирался на цыпочкахъ къ его двери и смотрѣлъ въ замочную скважину: Казимиръ Станиславовичъ сидѣлъ на диванѣ и, трясясь и вытирая платкомъ лицо, плакалъ такъ горько, такъ обильно, что съ бакенбардъ его сходила и размазывалась по щекамъ коричневая краска.

Ночью онъ сорвалъ шнуръ съ оконной шторы и, ничего не видя отъ слезъ, сталъ привязывать его къ крюку вѣшалки. Но догорѣвшая свѣча жутко полыхала, по запертому на ключъ номеру плыли и дрожали страшныя темныя волны. . . Нѣтъ, умереть отъ своей руки онъ былъ не въ силахъ!

Утромъ онъ уѣхалъ на вокзалъ часа за три до поѣзда. На вокзалѣ онъ тихо ходилъ среди пассажировъ съ опущенными глазами, неожиданно пріостанавливался то передъ тѣмъ, то передъ другимъ и вполголоса, ровно, безъ выраженія, но довольно быстро говорилъ:

— Ради Бога... Нахожусь въ безвыходномъ положеніи... На билетъ до Брянска... Хотя нѣсколько копеекъ...

И нѣкоторые, стараясь не глядѣть на его цилиндръ, на вытертый бархатный воротникъ пальто и на ужасное лицо съ облившимися фіолетовыми баками, торопясь и конфузясь, давали ему.

А потомъ онъ смѣшался съ толпой, кинувшейся къ выходу на дебаркадеръ, и исчезъ въ ней, межъ тѣмъ какъ въ «Версалѣ», въ номерѣ, двое сутокъ какъ бы принадлежавшемъ ему, выносили ведро изъ умывальника, распахивали на апрѣльское солнце окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали соръ, а вмѣстѣ съ соромъ — его разорванную записку, забытую имъ вмѣстѣ съ огурцами, упавшую подъ столъ, подъ спустившуюся скатерть:

«Въ смерти моей прошу никого не винить. Былъ на свадьбѣ единственной своей дочери, которая...»

ПЕТЛИСТЫЯ УШИ

Необыкновенно высокій человекъ, который называлъ себя бывшимъ морякомъ, Адамомъ Соколовичемъ, многимъ встрѣчался въ этотъ темный и холодный день то возлѣ Николаевского вокзала, то въ разныхъ мѣстахъ Невского проспекта. Съ панели Лиговки онъ, съ непонятной серьезностью, смотрѣлъ на памятникъ Александру III, на вереницу трамвайныхъ вагоновъ, описывающихъ кругъ по площади, на черныя людскія фигуры, на извозчиковъ и ломовыхъ, двигающихся къ вокзалу, на огромный почтовый автомобиль, выѣзжающій изъ-подъ вокзальной арки, на дроги, увозившія куда-то среди этого движенія нищенскій, никѣмъ не провожаемый ярко-желтый гробъ; стоя на Анничковомъ мосту, онъ сумрачно заглядывался на темную воду, на посѣрѣвшія отъ нечистаго снѣга баржи; бродя по Невскому, внимательно изучалъ товары въ окнахъ магазиновъ. Не замѣтить и не запомнить его было нельзя, и всякій, кому онъ попадался на глаза, испытывалъ чувство смутной непріятности, какого-то беспокойства и, отворачиваясь, думалъ:

— Ахъ, какой ужасный господинъ!

Его обувь, узкія брюки, драповое пальто, забрызганное сзади грязью, и кожаный англійскій картузь говорили о томъ, что они носятся давно, безсмѣнно и во всякую погоду. Необыкновенно высокій, худой и несладный, долгоногій и съ большими ступнями, съ свѣже выбритымъ ртомъ и желтоватой, довольно рѣдкой американской опушкой подъ сильно развитой нижней челюстью, съ лицомъ мрачнымъ, недоброжелательнымъ и сосредоточеннымъ, не выпуская длинныхъ рукъ изъ кармановъ и методически жуя мундштукъ папиросы, онъ подолгу стоялъ передъ витринами. Точно ли ужъ такъ интересовали его всѣ эти галстуки, часы, чемоданы, писчебумажныя принадлежности? Сразу было видно, что нѣтъ, что онъ изъ числа тѣхъ странныхъ людей, которые скитаются по городу съ утра до вечера единственно потому, что могутъ думать только на ходу, на улицѣ, или же вслѣдствіе бездомности, въ ожиданіи чего-нибудь.

Вечеръ онъ провелъ въ дешевомъ ресторанѣ недалеко отъ Развѣзжей, съ какими-то двумя матросами въ партикулярномъ платьѣ.

Не раздѣваясь, всѣ трое сидѣли въ тусклой и холодной комнатѣ за неудобнымъ столикомъ у стѣны, причемъ Соколовичъ помѣстился особенно неудобно: въ спину ему глядѣлъ маленькій круглоголовый татаринъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты за стойкой съ закусками, передъ глазами у него торчала на стѣнѣ реклама пивного завода, изображающая трехъ счастливыхъ хлыщей въ цилиндрахъ на затылокъ и съ пѣнящимися бокалами въ рукахъ, справа поминутно дуло ледяной сыростью, приносимой входящими прямо съ улицы посѣтителями, а слѣва вѣяло вѣтромъ отъ про-

бѣгавшихъ къ стойкѣ и обратно официантовъ: тутъ былъ порогъ въ три ступеньки, — ходъ въ коридорчикъ, откуда пахло кухней и кислотой газа, — и видна была открытая дверь въ бильярдную, сверху темную, а внизу свѣтлую, гдѣ крѣпко щелкали шары и ходили съ кіями на плечахъ и въ однихъ жилетахъ мужчины, головы которыхъ терялись въ сумракѣ. Садясь на свое безпокойное мѣсто, Соколовичъ вынулъ изъ кармана пальто трубку и, перекосивъ брови, пристально посмотрѣлъ на пивную рекламу. Матросы разговаривали съ подошедшимъ официантомъ, а онъ сталъ набивать трубку табакомъ и, ни къ кому не обращаясь, медлительно сказалъ своимъ густымъ голосомъ:

— Почему собираютъ всякій вздоръ, а не собираютъ рекламы, то-есть историческіе документы, наиболее правдиво рисующіе человѣческіе идеалы? Развѣ, на примѣръ, вотъ эти франты не выражаютъ мечту девяти десятыхъ всего человѣчества?

— Вы жъ сами панскій сынъ, — неприязненно замѣтилъ на это одинъ изъ матросовъ, Левченко.

— Я сынъ человѣческій, — сказалъ Соколовичъ съ какой-то странной торжественностью, которая могла сойти и за иронію. — Мое панство не помѣшало мнѣ видѣть міръ и всѣхъ боговъ его. Не помѣшало даже быть шоферомъ. . . Это, знаете, очень острое удовольствіе — видѣть, какъ несется на тебя улица и какъ мечется впереди, не зная, въ какую сторону кинутся, какая-нибудь прекрасная дама.

И, сказавъ, закурилъ, поставилъ локоть на столъ, придерживая трубку крупной лѣвой рукой, на которой подъ обшлагомъ не видно было рубашки и на удли-

ненной плоской кисти синѣла татуировка, — изогнутый японскій драконъ.

Весь вечеръ пили изъ чашекъ, подъ видомъ чая, кавказскій коньякъ, закусывая розовыми мятными пуговками, и немилосердно дымили. Матросы, какъ всѣ рабочіе люди, постоянно оскорбляемые жизнью, много говорили, каждый стараясь говорить только о себѣ, выискивали въ памяти наиболѣе низкіе поступки своихъ враговъ и притѣснителей, хвастались, — одинъ будто бы далъ однажды въ фізіономію придиричивому помощнику капитана, другой вышвырнулъ за бортъ боцмана, — и безъ всякой причины спорили, поминутно крича:

— Ну, хотите пари?

Соколовичъ сосалъ трубку, двигалъ челюстью и угрюмо молчалъ. Завсегдатай всяческихъ притоновъ отъ Кронштадта до Монтевидео, онъ однако никогда не пьянствовалъ, любилъ только джинджеръ, абсентъ. Въ этотъ вечеръ онъ не отставалъ въ питіѣ отъ своихъ компаньоновъ, но наружно хмель не оказывалъ на него вліянія. И это тоже задѣвало матросовъ, тѣмъ болѣе, что ихъ, какъ они признавались впослѣдствіи, всегда раздражало сильное и отталкивающее лицо Соколовича, его склонность къ загадочной задумчивости и то, что они хорошенько не знали и не могли понять ни его характера, ни его прошлаго, ни его теперешней бездомной и бездѣльной жизни. Левченко, пьянѣвшій довольно быстро, разъ крикнулъ ему:

— Отъ тоже типъ! Мы жъ васъ угощаемъ, что жъ вы не раздѣляете компаніи, а только смокчете свою копченую люльку?

И Соколовичъ грубо и спокойно осадилъ его:

— Не орите, сдѣлайте милость. Это меня сердить. Я ужъ не разъ говорилъ вамъ, что вино на меня мало дѣйствуетъ и не доставляетъ мнѣ особаго удовольствія. Вкусъ у меня притупленный. Я такъ называемый выродокъ. Поняли?

Левченко смутился и отвѣтилъ съ напускной развязностью:

— Ну, да и вы тоже не задавайтесь, пожалуйста! Что такое я понялъ? Когда бъ вы были выродокъ, вы бы были больной и на вино слабый, а вы мнѣ рассказываете обратно. Вы человекъ можете убить одной рукой, а говорите. . .

— А говорю правильно, — перебилъ Соколовичъ, возвышая голосъ. — У всякаго выродка одни воспріятія и способности обострены, повышены, а другія, напротивъ, понижены. Поняли? И сила тутъ совсѣмъ не при чемъ.

— А какъ же я того выродка узнать могу, если онъ здоровый, какъ той кабанъ? — насмѣшливо спросилъ Левченко.

— А по ушамъ, на примѣръ, — отвѣтилъ Соколовичъ не то въ серьёзъ, не то тоже насмѣшливо. — У выродковъ, у геніевъ, у бродягъ и убійцъ уши петлестыя, то есть похожія на петлю, — вотъ на ту самую, которой и давятъ ихъ.

— Ну, знаете, убить всякій можетъ, если разгорячится, — небрежно вставилъ другой матросъ, Пильнякъ. — Я разъ въ Николаевѣ. . .

Соколовичъ выждалъ, пока онъ кончитъ, и сказалъ:

— Я, Пильнякъ, тоже подозреваю, что эти уши присуци не однимъ только такъ называемымъ вырод-

камъ. Страсть къ убійству и вообще ко всякой жестокости сидитъ, какъ вамъ извѣстно, въ каждомъ. А есть и такіе, что испытываютъ совершенно непобѣдимую жажду убійства, — по причинамъ весьма разнообразнымъ, напримѣръ, въ силу атавизма или тайно накопившейся ненависти къ человѣку, — убиваютъ, ничуть не горячась, а убивъ, не только не мучаются, какъ принято это говорить, а напротивъ, приходятъ въ норму, чувствуютъ облегченіе, — пусть даже ихъ гнѣвъ, ненависть, тайная жажда крови вылились въ форму мерзкую и жалкую. И вообще пора бросить эту сказку о мукахъ совѣсти, объ ужасахъ, будто бы преслѣдующихъ убійцъ. Довольно людямъ лгать, будто они такъ ужъ содрагаются отъ крови. Довольно сочинять романы о преступленіяхъ съ наказаніями, пора написать о преступленіи безъ всякаго наказанія. Состояніе убійцы зависитъ отъ его точки зрѣнія на убійство и отъ того, ждетъ онъ за убійство висѣлицы или же награды, похвалы. Развѣ, напримѣръ, признающіе родовую месть, дуэли, войну, революціи, казни, мучаются, ужасаются?

— Я читалъ «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго, — замѣтилъ Левченко не безъ важности.

— Да? — сказала Соколовичъ, поднимая на него тяжелый взглядъ. — А про палача Дейблера вы читали? Вотъ онъ недавно умеръ на своей виллѣ подъ Парижемъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, отрубивъ на своемъ вѣку ровно пятьсотъ головъ по приказу своего высочоцивилизованнаго государства... Уголовныя хроники тоже сплошь состоятъ изъ записей о самомъ жестокомъ спокойствіи, цинизмѣ и резонерствѣ со стороны самыхъ кровавыхъ преступниковъ. Но дѣло одна-

ко не въ выродкахъ, не въ палацахъ и не въ каторжни-
кахъ. Всѣ человѣческія книги, — всѣ эти миѳы, эпосы,
былины, исторіи, драмы, романы, — всѣ полны таки-
ми же записями и кто же это содрогается отъ нихъ?
Каждый мальчишка зачитывается Куперомъ, гдѣ толь-
ко и дѣлаютъ, что скальпы дерутъ, каждый гимна-
зистъ учитъ, что ассирійскіе цари обивали стѣны сво-
ихъ городовъ кожей плѣнныхъ, каждый пасторъ зна-
етъ, что въ библіи слово «убилъ» употреблено болѣе
тысячи разъ и по большей части съ величайшей пох-
вальбой и благодарностью Творцу за содѣянное.

— Зато это и называется ветхій завѣтъ, древняя
исторія, — возразилъ Левченко.

— А новая такова, — сказалъ Соколовичъ, — что
отъ нея встала бы шерсть у гориллы, умѣй она читать. . .
Ну, нѣтъ, — сказалъ онъ, кося брови и отводя глаза
въ сторону: — съ Каиномъ горилламъ двурукимъ не-
чего равняться! Далеко ушли онѣ отъ него, давно по-
теряли его наивность — вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ,
вѣроятно, какъ построили Вавилонъ на мѣстѣ своего
такъ называемаго рая. У гориллъ настоящихъ еще не
было ни этихъ ассирійскихъ царей, ни Александровъ
Македонскихъ, ни Цезарей, ни инквизицій, ни откры-
тія Америки, ни королей, подписывающихъ смертные
приговоры съ сигарой во рту, ни изобрѣтателей под-
водныхъ лодокъ, пускающихъ ко дну сразу по нѣсколь-
ко тысячъ человѣкъ, ни Робеспьеровъ, ни Джековъ-
Потрошителей. . . Какъ вы думаете, Левченко, — спро-
силъ онъ, снова поднимая строгіе глаза на матросовъ:
— мучались всѣ эти господа муками Каина или Рас-
кольникова? Мучались всякіе убійцы тирановъ, при-
тѣснителей, золотыми буквами записанные на такъ на-

зывается скрижали исторіи? Мучаетесь вы, когда читаете, что турки зарѣзали еще сто тысячъ армянъ, что нѣмцы отравляютъ колодцы чумными бактеріями, что окопы завалены гниющими трупами, что военные авіаторы сбрасываютъ бомбы въ Назаретъ? Мучается какой-нибудь Парижъ или Лондонъ, построенный на человѣческихъ костяхъ и процвѣтающій на самой свирѣпой и самой обыденной жестокости къ такъ называемому ближнему? Мучился-то, оказывается, только одинъ Раскольниковъ, да и то только по собственному малокровію и по волѣ своего злобнаго автора, совавшаго Христа во всѣ свои бульварные романы.

— Майна! Поѣхало! — крикнулъ Левченко, желая перевести въ шутку уже тяготившій его разговоръ.

Соколовичъ помолчалъ и, сплюнувъ между колѣнъ, спокойно добавилъ:

— Въ войнахъ участвуютъ теперь уже десятки милліоновъ. Скоро Европа станетъ сплошнымъ царствомъ убійцъ. Но вѣдь всякій отлично знаетъ, что міръ ни на югу не сойдетъ съ ума отъ этого. Говорили когда-то, что на Сахалинъ поѣхать очень страшно. Но желалъ бы я знать, кому придетъ въ голову побояться поѣхать черезъ годъ, черезъ два, когда кончится война, по Европѣ?

Пильнякъ сталъ рассказывать о своемъ дядѣ, который зарѣзалъ изъ ревности свою жену. Соколовичъ, послушавъ, замѣтилъ въ сумрачномъ раздумьи:

— Людей вообще тянетъ къ убійству женщины гораздо болѣе, чѣмъ къ убійству мужчины. Наши чувственные воспріятія никогда не бываютъ такъ внимательны къ тѣлу мужчины, какъ къ тѣлу женщины,

низкому существу того пола, который родить всѣхъ насъ, отдаваясь съ истиннымъ сладострастіемъ только грубымъ и сильнымъ самцамъ. . .

И, поставивъ локти на колѣни, снова замолкъ и какъ бы совсѣмъ забылъ о своихъ собесѣдникахъ.

Въ одиннадцатомъ часу, небрежно, свысока простясь съ матросами, оставшимися сидѣть въ ресторанѣ, онъ опять направился къ Невскому.

Яркое освѣщеніе Невскаго подавлялъ густой туманъ, такой холодный и пронзительный, что у полицейскаго офицера, управлявшаго на углу Владимірской водоворотомъ надвигавшихся другъ на друга каретъ, пролетокъ и глазастыхъ автомобилей, усы казались сѣдыми. Возлѣ Палкина отчаянно билъ и ерзалъ по скользкой мостовой копытами, силясь справиться и вскочить, упавшій на бокъ, на оглоблю вороной жеребецъ, которому торопливо и растерянно помогаль бѣгавшій вокругъ него лихачъ, очень странный въ своей чудовищной юбкѣ, и кричалъ, махая рукой въ нитяной перчаткѣ, разгоняя народъ, краснолицый великанъ городской, плохо двигавшій одервянѣвшими отъ стужи губами: до слуха Соколовича донеслось, что задавленъ какой-то переходившій улицу старикъ съ бѣлой бородой и въ длинной енотовой шубѣ, будто бы знаменитый писатель, но Соколовичъ даже не пріостановился. Онъ повернулъ на Невскій.

Нѣкоторые обгоняли его, съ удивленіемъ заглядывали ему снизу въ лицо, нѣкоторыхъ обгонялъ онъ самъ. Запустивъ руки въ карманы и приподнявъ плечи, пряча влажную отъ тумана бороду въ воротъ и косясь на мелкую черную толпу, бѣгущую передъ нимъ,

почти противоестественно выдѣляясь надъ этой толпой своимъ ростомъ, онъ мѣрно клалъ по панели свои длинныя ступни, все время начиная съ лѣвой ноги и дѣлая лѣвый шагъ шире праваго. Отъ электрическихъ столбъ въ падали въ дымъ тумана угольные тѣни. Густо, съ однообразнымъ топотомъ катились въ этомъ дыму заиндевѣвшія извозчичьи лошади; рысаки неслись среди нихъ, выдѣляясь силой и нахальствомъ, кидая изъ ноздрей паръ, мѣшавшійся съ летѣвшими по вѣтру дымными волнами; вихремъ промелькнула бѣшено мчавшаяся пара — молоденькій офицеръ, необыкновенно легко и нарядно одѣтый, крѣпко охватившій талию дамы, прижавшейся къ нему и спрятавшей лицо въ каракулевую муфту. . . Соколовичъ замедлилъ шаги и долго глядѣлъ вслѣдъ этой парѣ, туда, гдѣ въ ледяной мути огромнаго потока, которымъ казался Невскій, терялась безконечная цѣпь винно-красныхъ трамвайныхъ огней и вспыхивали зеленоватыя зарницы. Большое лицо его было почти свирѣпо въ своей сосредоточенности.

Онъ наискось пересѣкъ Аничковъ мостъ и пошелъ по другой сторонѣ проспекта. Вѣтромъ и туманомъ понесло сильнѣе, вдали, въ темной и мгlistой высотѣ, означился красноватый глазъ часовъ на башнѣ городской Думы. Соколовичъ остановился и довольно долго стоялъ, закуривая папиросу и исподлобья оглядывая безопасно и медленно проходившихъ мимо, уже появившихся на панели проститутокъ; за нимъ было громадное зеркальное окно запертаго, печально, по ночному освѣщеннаго магазина, откуда недвижно смотрѣли восковые красавцы блондины съ большими рѣдкими рѣсницами, въ дорогихъ пальто и шубахъ, съ дере-

вянными ножками, мертво торчавшими изъ-подъ модныхъ, великолѣпно заглаженныхъ панталонъ... Потомъ онъ зашагалъ дальше, дошелъ до обезглавленнаго туманной темнотой Казанскаго собора и поднялся на крыльцо Доминика.

Тамъ, въ тѣсной толпѣ, ѣвшей и пившей стоя и не раздѣваясь, точно на улицѣ, онъ сѣлъ въ темномъ углу, — свѣтло было только надъ стойкой, осаждаемой толпой, — и спросилъ себѣ чернаго кофе. Совершенно неожиданно появился у его столика какой-то щуплый господинъ, въ котелкѣ, съ озябшимъ личикомъ, быстро попросилъ позволенія взять сѣрникъ изъ спичечницы и, быстро освѣтивъ его, скороговоркой спросилъ:

— Простите, пожалуйста, вы мнѣ ужасно напоминаете одного моего виленскаго знакомаго, — вы не господинъ Яновскій?

Соколовичъ твердо посмотрѣлъ ему въ глаза и съ тяжеловѣсной серьезностью отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь.

У Доминика онъ просидѣлъ до часа ночи. Наконецъ опустѣвшій залъ ресторана наполнился стукомъ стульевъ, которые, перевертывая, швыряли на столики ставшіе вдругъ вольными и грубыми лакеи. Онъ взглянулъ на свои большіе серебряные часы и поднялся съ мѣста.

Ночью, въ туманъ, Невскій страшень. Онъ безлюдень, мертвъ, мгла, туманящая его, кажется частью той самой арктической мглы, что идетъ оттуда, гдѣ конецъ міра, гдѣ скрывается нѣчто непостижимое че-

ловѣческимъ разумомъ и называемое Полюсомъ. Середина этого дымнаго потока еще озарена сверху блѣсымъ свѣтомъ электрическихъ шаровъ. На панеляхъ, возлѣ черныхъ витринъ и запертыхъ воротъ, темнѣе. По нимъ, напѣвая, гуляющимъ шагомъ, бродятъ безличныя на видъ, но до нутра продрогшія отъ ледяной сырости, дешево и несоответственно обстановкѣ наряженныя женщины, и лица нѣкоторыхъ изъ нихъ поражаютъ при встрѣчѣ такимъ ничтожествомъ чертъ, что становится жутко, точно натыкаешься на существо какой-то иной, чѣмъ люди, невѣдомой, низшей породы.

Соколовичъ, выйдя отъ Доминика и пройдя шаговъ двѣсти, взялъ изъ этихъ женщинъ нѣкую, какъ оказалось потомъ, Королькову, называвшую себя просто Королькомъ, небольшую, мелкую, но отъ дурной модной одежды на видъ широкую, въ шляпкѣ, какъ-то очень сложно и тоже широко сдѣланной изъ чернаго бархата и украшенной пучкомъ вишенъ. Широкоскулае личико ея съ черными, глубоко запавшими глазками имѣло въ себѣ нѣчто напоминавшее летучую мышъ. Покачивая головой съ притворной развязностью, даже какъ бы съ нѣкоторымъ сознаниемъ неотразимости своего пола, держа одной рукой юбку, а другой, вдѣтой въ большую плоскую муфту изъ блестящаго чернаго мѣха, закрывая ротъ, она вдругъ загородила дорогу сутуло шагавшему Соколовичу. Онъ, зорко окинувъ ее взглядомъ, тотчасъ же густо крикнулъ стоявшему на углу ночному извозчику. И вотъ, усѣвшись въ низкую пролетку, покатила эта пара сперва по Невскому, потомъ по площади, мимо свѣтящихся часовъ Николаевского вокзала, уже темнаго, отпустившаго всѣ свои поѣзда въ глубь снѣжной и лѣсистой Россіи, ми-

мо той ужасной толстой лошади, что вѣчно гнетъ, въ дождѣ или туманѣ, свою большую голову, прося повода у своего дородного сѣдока, потомъ по Гончарной — и далѣе, по туманнымъ улицамъ и переулкамъ, въ таинственную глушь ночныхъ столичныхъ окраинъ.

Дорогой Соколовичъ молча курилъ. Королькова, видимо тяготясь этимъ молчаніемъ, замѣтила, что, по ея мнѣнію, папиросы «Голенищевъ-Кутузовъ» лучше, чѣмъ «Сирень». Эта попытка завести разговоръ простой, какъ бы даже нѣсколько дружескій, еще не связанный съ цѣлью путешествія, была жалка и трогательна; но Соколовичъ промолчалъ. Тогда она стала просить, чтобы онъ заплатилъ ей впередъ, и съ напускной смѣлостью прибавила, что на всю ночь она согласна только за хорошую цѣну. Онъ молча вынулъ и подалъ ей два серебряныхъ рубля. Она взяла, попробовала одинъ изъ нихъ зубомъ, нашла, что онъ фальшивый, спрятала его въ муфту, говоря, что это не идетъ въ счетъ, что она оставляетъ его только такъ, на память, потому, что теперь война и серебро рѣдко, запрещено, и стала просить еще. Долго помедливъ, Соколовичъ далъ ей еще рубль. Тогда она сдѣлала новую попытку — быть женщиной: внезапно вздрогнула и сдѣлала движеніе прижаться къ нему. Вздрогнула она притворно, но, должно быть, непритворно было чувство, вдругъ охватившее ее: она остро ощутила влеченіе къ нему, большому, сильному, цѣльному въ своемъ безобразіи и безпощадной мрачности. Но онъ не отвѣтилъ на ея движеніе.

Заѣхали они далеко. Королькова приказала извозчику остановиться возлѣ двухъэтажнаго кирпичнаго

дома съ вывѣской: «Номера для прїѣзжающихъ Бѣлградъ». Было уже безъ четверти два, мѣсто было глухое.

Во второмъ этажѣ «Бѣлграда», куда Соколовичъ поднялся съ Корольковой по затоптанному половику, въ полутемномъ коридорѣ, гостей встрѣтилъ номерной Няньчукъ, спавшій на узкомъ деревянномъ диванчикѣ подъ дряннымъ зимнимъ пальто съ вытертымъ барашковымъ воротникомъ. Ростъ, мрачно-сосредоточенный видъ и жидкая, мокрая отъ тумана американская борода Соколовича поразили его спросонья. Онъ поднялся и непривѣтливо спросилъ:

— Что нужно?

— Точно ты не знаешь, болванъ, — сквозь зубы сказала Соколовичъ, самоувѣренно проходя мимо него и кладя ему въ руку серебряный полтинникъ.

Няньчукъ хотѣлъ было обидѣться, сказать: «отъ такого же слышу», но ощутилъ въ рукѣ деньги, узналъ Королькову, которая, проходя, проговорила: «не узналъ меня, богатой быть!» — и только нахмурился. Недовольно бормоча, что имъ и такъ каждый день неприятности отъ полиціи, онъ опередилъ Соколовича и, чиркнувъ спичкой, распахнулъ дверь въ сложно и сладко чѣмъ-то пахнуцій, душный и очень теплый номеръ, половину окна въ которомъ наискось загорала крыша какой-то дворовой постройки. За окномъ, за черными стеклами, глухо раздавались голоса, слышался шумъ какой-то машины и, какъ въ аду, пылалъ багровый огонь огромнаго факела.

— Что это такое? — строго и даже тревожно спросилъ Соколовичъ, останавливаясь.

— Ночныя работы, ассенизація, — подъ носъ себѣ отвѣтилъ Няньчукъ, все еще чувствуя обиду, и, засвѣтивъ на подзеркальникѣ двѣ свѣчи въ красныхъ розеткахъ и пузырями опуская бѣлую коленкоровую штору, освѣдомился, чего гости будутъ требовать.

Соколовичъ потребовалъ себѣ квасу и, странно усмѣхнувшись, прибавилъ:

— А для барышни фруктовъ.

— Фруктовъ нѣту, — отвѣтилъ Няньчукъ. — Виноградъ есть. Полтора рубля порція.

— Прекрасно, — сказалъ Соколовичъ: — подай винограду.

Королевой такое обращеніе, видимо, польстило. Стараясь быть и въ самомъ дѣлѣ барышней, которую угощаютъ фруктами, оглядывая номеръ, потопывая озябшими ногами и дуя въ муфту, она капризно замѣтила:

— Ой, ой, онъ, вѣрно, холодный!

Черезъ минуту Няньчукъ принесъ на большомъ желѣзномъ подносѣ виноградъ и двѣ откупоренныя бутылки, изъ которыхъ лѣзла пѣна, и Соколовичъ тотчасъ же заперъ дверь на ключъ. Королева, когда выходилъ Няньчукъ, щипала, стоя у стола и все еще дыша въ муфту, пересыпанныя опилками, твердыя зеленныя виноградины, а ея страшный спутникъ съ своимъ желтымъ ожерелкомъ и свѣже выбритымъ ртомъ снималъ въ углу пальто, разматывалъ длинный шарфъ изъ грубой лиловой шерсти. И затѣмъ номеръ, за окномъ котораго пылало зловѣщее пламя и глухо шумѣла сокровенная, ночная работа, облекся въ тайну.

Въ четыре часа задремалъ въ коридорѣ звонокъ. Няньчукъ очнулся, скинулъ съ диванчика ноги въ штрипкахъ подштанниковъ и войлочныхъ туфляхъ и пошелъ къ ящику звонка. Тамъ выскочила цифра три. Изъ-за двери третьяго номера женскій голосъ потребовалъ десятокъ папиросъ «Зефиръ». Возвращаясь изъ буфета съ папиросами, заспанный Няньчукъ спуталъ, въ какой именно номеръ нужно подать ихъ, и постучалъ въ восьмой, отданный Соколовичу. Грубый, низкій басъ медленно спросилъ изъ-за двери:

— Въ чемъ дѣло?

— Ваша баришня папиросъ просила, — сказалъ Няньчукъ.

— Моя барышня не просила да ни въ какомъ случаѣ и не могла просить папиросъ, — отвѣтилъ басъ наставительно.

И Няньчукъ, тотчасъ вспомнивъ, кому нужно подать коробочку, и подавъ ее въ полную женскую руку, высунувшюся въ пріотворенную дверь третьяго номера, снова легъ на свое мѣсто и крѣпко заснулъ подъ мѣрное постукиванье часовъ въ концѣ коридора полутемной и тихой гостиницы.

Снова очнулся онъ только въ седьмомъ часу: надъ нимъ, во весь свой ростъ, въ пальто и въ картузѣ, стоялъ и толкалъ его въ плечо постоялецъ изъ восьмого номера.

— Вотъ тебѣ за номеръ и за труды, — сказалъ онъ. — Выпусти меня. Мнѣ пора на заводъ, а барышня велѣла разбудить себя въ девять.

— А за виноградъ же? — быстро и съ тревогой спросилъ Няньчукъ.

— Я все счелъ, — сказала Соколовичъ. — Помому, четыре семь гривенъ. А я тебѣ пять съ полтиной даю. Понялъ?

И спокойно пошелъ къ лѣстницѣ.

Съ полузакрытыми отъ жажды сна глазами, поправляя плечомъ накинутое на плечи пальто, Няньчукъ опять опередилъ его и затопалъ внизъ по ступенькамъ лѣстницы. Соколовичъ терпѣливо ждалъ, пока онъ одолѣетъ туго повертывавшійся въ дверной скважинѣ ключъ. Наконецъ дверь распахнулась. Онъ прошелъ мимо Няньчука, приподнялъ воротъ и, какъ оперный пѣвецъ, боящійся простуды, закрывая рукой горло, густо сказалъ себѣ въ бороду: «до свиданья» — и вышелъ на улицу, на сырой и свѣжій воздухъ. Было еще совсѣмъ темно и тихо, но въ этой темнотѣ и тишинѣ уже чувствовалось близкое утро. Надо всей окрестной далью, надо всѣмъ гигантскимъ гнѣздилищемъ еще безмолвной столицы стоялъ невнятный, отдаленный стонъ фабрикъ и заводовъ, зовущій изъ всѣхъ своихъ нищенскихъ пріютовъ, изъ всѣхъ своихъ низовъ и притоновъ несмѣтный трудовой людъ. Фонарь, стоявшій со своею черной тѣнью противъ гостиницы, освѣщала часть мостовой и улицы. Туманъ разсѣялся, ночью шелъ снѣжокъ, — громада теса, возвышавшаяся изъ-за забора за фонаремъ, траурно бѣлѣла на чернотѣ ночи. Соколовичъ повернулъ направо и скрылся вдали. Продрогшій Няньчукъ хлопнулъ дверью и побѣжалъ по лѣстницѣ назадъ, на верхъ.

Ложится снова было уже не къ чему. Онъ сталъ искать подъ диваномъ ботинки — и вдругъ, съ ужасомъ, увидѣлъ, что дверь восьмого номера пріоткрыта и что

за нею есть свѣтъ. Онъ вскочилъ и кинулся къ номеру: въ номерѣ было такъ страшно тихо, какъ не бываетъ, когда есть въ немъ хотя бы и спящій человекъ, трещали догорѣвшія въ лопнувшихъ розеткахъ свѣчи, въ сумракѣ бѣжали тѣни, а на кровати торчали изъ-подъ одѣяла короткія голыя ноги лежавшей навзничъ женщины. Голова ея была придавлена двумя подушками.

1916.

СНЫ ЧАНГА

Не все-ли равно, про кого говорить? Заслуживаетъ того каждый изъ жившихъ на землѣ.

Нѣкогда Чангъ узналъ мѣръ и капитана, своего хозяина, съ которымъ соединилось его земное существованіе. И прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ шесть лѣтъ, протекло, какъ песокъ въ корабельныхъ песочныхъ часахъ.

Вотъ опять была ночь — сонъ или дѣйствительность? — и опять наступаетъ утро — дѣйствительность или сонъ? Чангъ старъ, Чангъ пьяница — онъ все дремлетъ.

На дворѣ, въ городѣ Одессѣ, зима. Погода злая, мрачная, много хуже той, китайской, когда Чангъ съ капитаномъ встрѣтили другъ друга. Несетъ острымъ мелкимъ снѣгомъ, снѣгъ косо летитъ по ледяному, скользкому асфальту пустого приморскаго бульвара и больно свѣчетъ въ лицо каждому еврею, что, засунувши руки въ карманы и сгорбившись, неумѣло бѣжитъ направо или налево. За гаванью, тоже опустѣвшей, за туманнымъ отъ снѣга заливомъ, слабо видны голые степные берега. Молъ весь дымится густымъ сѣрымъ дымомъ: море съ утра до вечера переваливается черезъ

моль пѣнистыми чревами. Вѣтеръ звонко свищетъ въ телефонныхъ проволокахъ. . .

Въ такіе дни жизнь въ городѣ начинается не рано. Не рано просыпаются и Чангъ съ капитаномъ. Шесть лѣтъ — много это или мало? За шесть лѣтъ Чангъ съ капитаномъ стали стариками, хотя капитану еще и со-рока нѣтъ, и судьба ихъ грубо перемѣнилась. По морямъ они уже не плаваютъ — живутъ «на берегу», какъ говорятъ моряки, и не тамъ, гдѣ жили когда-то, а въ узкой и довольно мрачной улицѣ, на чердакѣ пятиэтажнаго дома, пахнущаго каменнымъ углемъ, населеннаго евреями, изъ тѣхъ, что въ семью приходятъ только къ вечеру и ужинаютъ въ шляпахъ на затылокъ. Потолокъ у Чанга съ капитаномъ низкій, комната большая и холодная. Въ ней всегда кромѣ того сумрачно: два окна, пробитыя въ наклонной стѣнѣ-крышѣ, невелики и круглы, напоминаютъ корабельныя. Между окнами стоитъ что-то вроде комода, а у стѣны налѣво старая желѣзная кровать: вотъ и все убранство этого скучнаго жилища, если не считать камина, изъ котораго всегда дуетъ свѣжимъ вѣтромъ.

Чангъ спитъ въ уголкѣ за каминомъ. Капитанъ на кровати. Какова эта чуть не до полу продавленная кровать и каковъ матрацъ на ней, легко представить себѣ всякій, живавшій на чердакахъ, а нечистая подушка такъ жидка, что капитану приходится подкладывать подъ нее свою тужурку. Однако, и на этой кровати спитъ капитанъ очень спокойно, лежитъ, — на спиѣ, съ закрытыми глазами и сѣрымъ лицомъ, — неподвижно, какъ мертвый. Что за чудесная кровать была у него прежде! Ладная, высокая, съ ящиками, съ постелью глубокой и уютной, съ тонкими и скользкими

простынями и холодящими бѣлоснѣжными подушками! Но и тогда, даже въ качку, не спалъ капитанъ такъ крѣпко, какъ теперь: за день онъ сильно устаетъ, да и о чемъ ему теперь тревожиться, что онъ можетъ проспать и чѣмъ можетъ обрадовать его новый день? Было когда-то двѣ правды на свѣтѣ, постоянно смѣнявшихъ другъ друга: первая та, что жизнь несказанно прекрасна, а другая — что жизнь мыслима лишь для сумасшедшихъ. Теперь капитанъ утверждаетъ, что есть, была и во вѣки вѣковъ будетъ только одна правда, послѣдняя, правда еврея Іова, правда мудреца изъ невѣдомаго племени, Экклесіаста. Часо говоритъ теперь капитанъ, сидя въ пивной: «Помни, человекъ, сѣюности твоей тѣ тяжелые дни и годы, о коихъ ты будешь говорить: нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!» — Все-же дни и ночи попережнему существуютъ, и вотъ опять была ночь и опять наступаетъ утро. И капитанъ съ Чангомъ просыпаются.

Но, проснувшись, капитанъ не измѣняетъ позы и не открываетъ глазъ. Что онъ въ эту минуту думаетъ, не знаетъ даже Чангъ, лежащій на полу возлѣ нетопленнаго камина, изъ котораго всю ночь пахло морской свѣжестью. Чангу извѣстно только одно: то, что капитанъ пролежитъ такъ не менѣе часа. Чангъ, поглядѣвъ на капитана уголкою глаза, снова смыкаетъ вѣки и снова задремываетъ. Чангъ тоже пьяница, онъ тоже по утрамъ мутенъ, слабъ и чувствуетъ міръ съ тѣмъ томнымъ отвращеніемъ, которое такъ знакомо всѣмъ плавающимъ на корабляхъ и страдающимъ морской болѣзнию. И потому, задремывая въ этотъ утренній часъ, Чангъ видитъ сонъ томительный, скучный. . .

Видитъ онъ:

Поднялся на палубу парохода старый, кислоглазый китаецъ, опустился на корячки, сталъ скулить, упрашивать всѣхъ проходящихъ мимо, чтобы купили у него плетушку тухлыхъ рыбокъ, которую онъ принесъ съ собою. Былъ пыльный и холодный день на широкой китайской рѣкѣ. Въ лодкѣ подъ камышевымъ парусомъ, качавшейся на рѣчной мути, сидѣлъ щенокъ, — рыжий кобелекъ, имѣвшій въ себѣ нѣчто лисье и волчье, съ густымъ жесткимъ мѣхомъ вокругъ шеи, — строго и умно водилъ черными глазами по высокой желѣзной стѣнѣ парходнаго бока и торчкомъ держалъ уши.

— Продай лучше собаку! — весело и громко, какъ глухому, крикнулъ китайцу молодой капитанъ парохода, безъ дѣла стоявшій на своей вышкѣ.

Китаецъ, первый хозяинъ Чанга, вскинулъ глаза вверху, оторопѣлъ и отъ крика и отъ радости, сталъ кланяться и цокать: «Ve'у good dog, ve'у good!» — И щенка купили, — всего за цѣлковый, — назвали Чангомъ, и поплылъ онъ въ тотъ же день со своимъ новымъ хозяиномъ въ Россію и вначалѣ, цѣлыхъ три недѣли, такъ мучился морской болѣзнью, былъ въ такомъ дурманѣ, что даже ничего не видѣлъ: ни океана, ни Сингапура, ни Коломбо. . .

Въ Китаѣ начиналась осень, погода была трудная. И стало мутить Чанга, едва вышли въ устье. Навстрѣчу несло дождемъ, мглою, сверкали по водной равнинѣ барашки, качалась, бѣжала, всплескивалась сѣро-зеленая зыбь, острая и безтолковая, а плоскія побережья расходились, терялись въ туманѣ — и все больше, больше становилось воды вокругъ. Чангъ, въ своей серебрившейся отъ дождя шубкѣ, и капитанъ, въ непромокаемомъ пальто съ поднятымъ капюшономъ, были на

мостикѣ, высота котораго чувствовалась теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Капитанъ командовалъ, а Чангъ дрожалъ и воротилъ отъ вѣтра морду. Вода ширилась, охватывала ненастные горизонты, мѣшалась съ мгlistымъ небомъ. Вѣтеръ рвалъ съ крупной шумной зыби брызги, налеталъ откуда попало, свисталъ въ реяхъ и гулко хлопалъ внизу парусиновыми тентами, межъ тѣмъ какъ матросы, въ кованыхъ сапогахъ и мокрыхъ накидкахъ, отвязывали, ловили и скатывали ихъ. Вѣтеръ искалъ, откуда бы покрѣпче ударить, и какъ только пароходъ, медленно ему кланявшійся, взялъ покруче вправо, поднялъ его такимъ большимъ, кипучимъ валомъ, что онъ не удержался, рухнулъ съ переката вала, зарываясь въ пѣну, а въ штурманской рубкѣ съ дребезгомъ и звономъ полетѣла на полъ кофейная чашка, забытая на столикѣ лакеемъ. . . И съ этой минуты пошла музыка!

Дни потомъ были всякіе: то огнемъ жгло съ сіяющей лазури солнце, то горами громоздились и раскатывались ужасающимъ громомъ тучи, то потопами обрушивались на пароходъ и на море буйные ливни; но качало, качало непрерывно, даже и во время стоянокъ. Въ конецъ замученный, ни разу за цѣлыхъ три недѣли не покинулъ Чангъ своего угла въ жаркомъ полутемномъ коридорѣ среди пустыхъ каютъ второго класса, на ютѣ, возлѣ высокаго порога двери на палубу, отворявшейся только разъ въ сутки, когда вѣстовой капитана приносилъ Чангу пищу. И отъ всего пути до Краснаго моря остались въ памяти Чанга только тяжкіе скрипы переборокъ, дурнота и замираніе сердца, то летѣвшаго вмѣстѣ съ дрожащей кормой куда-то въ пропасть, то возносившагося въ небо, да колючій, смертный ужасъ.

когда объ эту высоко поднятую и вдруг снова завалившуюся на-сторону корму, грохочущую винтомъ въ воздухъ, съ пушечнымъ выстрѣломъ расшибалась цѣлая водяная гора, гасившая дневной свѣтъ въ иллюминаторахъ и потомъ стекавшая по ихъ толстымъ стекламъ мутными потоками. Слышалъ больной Чангъ далекіе командные крики, гремучіе свистки боцмана, топоть матросскихъ ногъ гдѣ-то надъ головой, слышалъ плескъ и шумъ воды, различалъ полузакрытыми глазами полутемный коридоръ, загроможденный рогожными тюками чая, — и шалѣлъ, пьянѣлъ отъ тошноты, жары и крѣпкаго чайнаго запаха. . .

Но тутъ сонъ Чанга обрывается.

Чангъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза: это уже не волна съ пушечнымъ выстрѣломъ ударила въ корму — это грохнула гдѣ-то внизу дверь, съ размаху кѣмъ-то брошенная. И вслѣдъ за этимъ громко откашливается и медленно встаетъ со своего вдавленнаго одра капитанъ. Онъ натягиваетъ на ноги и зашнуровываетъ разбитые башмаки, надѣваетъ вынутую изъ-подъ подушки черную тужурку съ золотыми пуговицами и идетъ къ комоду, межъ тѣмъ какъ Чангъ, въ своей рыжей поношенной шубкѣ, недовольно, съ визгомъ зѣваетъ, поднявшись съ пола. На комодѣ стоитъ начатая бутылка водки. Капитанъ пьетъ прямо изъ горлышка и, слегка задохнувшись и отдуваясь въ усы, направляется къ камину, наливаетъ въ плошку, стоящую возлѣ него, водки и для Чанга. Чангъ жадно начинаетъ локать. А капитанъ закуриваетъ и снова ложится — ждать того часа, когда совсѣмъ ободняется. Уже слышенъ отдаленный гулъ трамвая, уже льется далеко внизу, на улицѣ, непрерывное цоканье копытъ по мостовой, но выходить

еще рано. И капитанъ лежитъ и курить. Кончивъ локать, ложится и Чангъ. Онъ вскакиваетъ на кровать, свертывается клубкомъ у ногъ капитана и медленно вплываетъ въ то блаженное состояніе, которое всегда даетъ водка. Полузакрытые глаза его туманятся, онъ слабо глядитъ на хозяина и, чувствуя все возрастающую нѣжность къ нему, думаетъ то, что можно выразить по-человѣчески такъ: «Ахъ, глупый, глупый! Есть только одна правда на свѣтѣ, и если бы ты зналъ, какая эта чудесная правда!» И опять не то снится, не то думается Чангу то далекое утро, когда, послѣ мучительнаго, безпокойнаго океана, вошелъ пароходъ, плывшій изъ Китая съ капитаномъ и Чангомъ, въ Красное море. . .

Снится ему:

Проходя Перимъ, все медленнѣе, точно баюкая, размахивался пароходъ, и впалъ Чангъ въ сладкій и глубокій сонъ. И вдругъ очнулся. И очнувшись, изумился выше всякой мѣры: вездѣ было тихо, мѣрно дрожала и никуда не падала корма, ровно шумѣла вода, бѣжавшая гдѣ-то за стѣнами, теплый кухонный запахъ, тянувшій изъ-подъ двери на палубу, былъ очарователенъ. . . Чангъ привсталъ и поглядѣлъ въ пустую каютъ-компанію: тамъ, въ сумракѣ, мягко свѣтилось что-то золотисто-лиловое, что-то едва уловимое глазомъ, но необыкновенно радостное — тамъ, въ солнечно-голубую пустоту, на просторъ, на воздухъ, были открыты задніе иллюминаторы, а по низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручьи. . . И случилось съ Чангомъ то же, что не разъ случалось въ тѣ времена и съ его хозяиномъ, капитаномъ: онъ вдругъ понялъ, что существуетъ въ мірѣ не одна, а двѣ прав-

ды — одна та, что жить на свѣтѣ и плавать ужасно, а другая. . . Но о другой Чангъ не успѣлъ додумать: въ неожиданно распахнувшуюся дверь онъ увидѣлъ трапъ на спардѣкъ, черную, блестящую громаду пароходной трубы, ясное небо лѣтняго утра и быстро идущаго изъ-подъ трапа, изъ машиннаго отдѣленія, капитана, размытаго и выбритаго, благоухающаго свѣжестью одеколона, съ поднятыми по-нѣмецки русыми усами, съ сіяющимъ взглядомъ зоркихъ свѣтлыхъ глазъ, во всемъ тугомъ и бѣлоснѣжномъ. И увидѣвъ все это, Чангъ такъ радостно рванулся впередъ, что капитанъ на-лету подхватилъ его, чмокнулъ въ голову и, повернувъ назадъ, въ три прыжка выскочилъ, на рукахъ съ нимъ, на спардѣкъ, на верхнюю полубу, а оттуда еще выше, на тотъ самый мостикъ, гдѣ такъ страшно было въ устьѣ великой китайской рѣки.

На мостикѣ капитанъ вошелъ въ штурманскую рубку, а Чангъ, брошенный на полъ, немного посидѣлъ, трубой распушивъ по гладкимъ доскамъ свой лисій хвостъ. Сзади Чанга было очень горячо и свѣтло отъ невысокаго солнца. Горячо, должно быть, было и въ Аравіи, близко проходившей справа своимъ золотымъ побережьемъ и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухимъ золотомъ, — всей своей песчано-гористой пустыней, видной необыкновенно четко, такъ, что, казалось, туда можно перепрыгнуть. А наверху, на мостикѣ, еще чувствовалось утро, еще тянуло легкой свѣжестью, и бодро гулялъ взадъ и впередъ помощникъ капитана, — тотъ самый, что потомъ такъ часто до бѣшенства доводилъ Чанга, дуя ему въ носъ, — человекъ въ бѣлой одеждѣ, въ бѣломъ шлемѣ

и въ страшныхъ черныхъ очахъ, все поглядывавшій на поднебесное остріе передней мачты, надъ которой бѣлымъ страусовымъ перомъ курчавилось тончайшее облачко... Потомъ капитанъ крикнулъ изъ рубки: «Чангъ! Кофе пить!» И Чангъ тотчасъ вскочилъ, обѣжалъ рубку и ловко сигнулъ черезъ ея мѣдный порогъ. И за порогомъ оказалось еще лучше, чѣмъ на мостикѣ: тамъ былъ широкой кожаный диванъ, придѣланный къ стѣнѣ, надъ нимъ висѣли какія-то блестящія стекломъ и стрѣлками штуки вродѣ круглыхъ стѣнныхъ часовъ, а на полу стояла полоскательница съ бурдой изъ сладкаго молока и хлѣба. Чангъ сталъ жадно локать, а капитанъ занялся дѣломъ: онъ развернулъ на стойкѣ, помещавшейся подъ окномъ противъ дивана, большую морскую карту и, положивъ на нее линейку, твердо прорѣзалъ алыми чернилами длинную полосу. Чангъ, кончивъ локать, съ молокомъ на усахъ, подпрыгнулъ и сѣлъ на стойкѣ возлѣ самага окна, за которымъ синѣла отложнымъ воротомъ просторная рубаха матроса, стоявшаго спиной къ окну передъ колесомъ съ рогами. И тутъ капитанъ, который, какъ оказалось впоследствіи, очень любилъ поговорить, будучи наединѣ съ Чангомъ, сказалъ Чангу:

— Видишь, братецъ, вотъ это и есть Красное море. Надо намъ съ тобой пройти его поумнѣе, — ишь, какое оно пестрое, — надо мнѣ тебя доставить въ Одессу въ полной сохранности, потому что тамъ уже знаютъ о твоёмъ существованіи. Я уже проболтался про тебя одной прекапризной дѣвчонкѣ, похвастался передъ ней твоей милостью по такому, понимаешь-ли, длинному канату, что проложенъ умными людьми на днѣ всѣхъ морей-океановъ... Я, Чангъ, все-таки ужасно счастли-

вый человекъ, такой счастливый, что ты даже и представить себѣ не можешь, и потому мнѣ ужасно не хочется напороться на какой-нибудь изъ этихъ рифовъ, осрамиться до девятой пуговицы на своемъ первомъ дальнемъ рейсѣ. . .

И говоря такъ, капитанъ вдругъ строго глянулъ на Чанга и далъ ему пощечину:

— Лапы прочь! — крикнулъ онъ начальственно. — Не смѣй лѣзть на казенное добро!

И Чангъ, мотнувъ головой, зарычалъ и зажмурился. Это была первая пощечина, полученная имъ, и онъ обидѣлся, ему опять показалось, что жить на свѣтѣ и плавать — скверно. Онъ отвернулся, гася и сокращая свои прозрачно-яркіе глаза, и съ тихимъ рычаніемъ оскалилъ свои волчьи зубы. Но капитанъ не придалъ значенія его обидѣ. Онъ закурилъ папиросу и вернулся на диванъ, вынулъ изъ бокового кармана пикейной куртки золотые часы, отколупнулъ крѣпкимъ ногтемъ ихъ крышки и, глядя на что-то сіяющее, необыкновенно живое, торопливое, что бѣжало и звонко шептало внутри часовъ, опять заговорилъ дружески. Онъ опять сталъ рассказывать Чангу о томъ, что онъ везетъ его въ Одессу, на Елисаветинскую улицу, что на Елисаветинской улицѣ есть у него, у капитана, во-первыхъ, квартира, во-вторыхъ, красавица-жена и, въ третьихъ, чудесная дочка, и что онъ, капитанъ, все-таки очень счастливый человекъ.

— Все-таки, Чангъ, счастливый! — сказалъ капитанъ, а потомъ добавилъ:

— Дочка эта самая, Чангъ, дѣвочка рѣзвая, любопытная, настойчивая, — плохо тебѣ будетъ временами, особливо твоему хвосту! Но если бы ты зналъ, Чангъ,

что это за прелестное существо! Я, братецъ, такъ люблю ее, что даже боюсь своей любви: для меня весь міръ только въ ней, — ну, скажемъ, почти въ ней, — а развѣ такъ полагается? Да и вообще, слѣдуетъ-ли кого-нибудь любить такъ сильно? — спросилъ онъ. — Развѣ глупѣе насъ съ тобой были всѣ эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорятъ объ этой любви къ міру и вообще ко всему тѣлесному — отъ солнечнаго свѣта, отъ волны, отъ воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха бѣлой акации! Или: знаешь-ли ты, что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Я, братъ, самъ плохо знаю, да и всѣ плохо знаютъ это, но, насколько можно понять, вѣдь это что такое? Бездна-Праматерь, она же родитъ и поглощаетъ и, поглощая, снова родитъ все сущее въ мірѣ, а иначе сказать — тотъ Путь всего сущаго, коему не должно противиться ничто сущее. А вѣдь мы поминутно противимся ему, поминутно хотимъ повернуть не только, скажемъ, душу любимой женщины, но и весь міръ по-своему! Жутко жить на свѣтѣ. Чангъ, — сказалъ капитанъ, — очень хорошо, а жутко, и особенно такимъ, какъ я! Ужъ очень я жаденъ до счастья и ужъ очень часто сбиваюсь: темень и золь этотъ Путь, или же совсѣмъ, совсѣмъ на-противъ?

И, помолчавъ, еще прибавилъ:

— Главная штука вѣдь въ чемъ? Когда кого любишь, никакими силами никто не заставитъ тебя вѣрить, что можетъ не любить тебя тотъ, кого ты любишь. И вотъ тутъ-то, Чангъ, и зарыта собака. А какъ великолѣпна жизнь, Боже мой, какъ великолѣпна!

Накаляемый уже высоко поднявшимся солнцемъ и чуть дрожащій на бѣгу пароходъ неустанно разрѣзалъ

заштильвшее въ безднѣ знойнаго воздушнаго пространства Красное море. Свѣтлая пустота тропическаго неба глядѣла въ дверь рубки. Близился полдень, мѣдный порогъ такъ и горѣлъ на солнцѣ. Стекловидные валы все медлительнѣе перекачивались за бортомъ, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ и озаряя рубку. Чангъ сидѣлъ на диванѣ, слушая капитана. Капитанъ, гладившій голову Чанга, спихнулъ его на полъ — «нѣтъ, братъ, жарко!» — сказалъ онъ, — но на этотъ разъ Чангъ не обидѣлся: слишкомъ хорошо было жить на свѣтѣ въ этотъ радостный полдень. А потомъ. . .

Но тутъ опять прерывается сонъ Чанга.

— Чангъ, идемъ! — говоритъ капитанъ, сбрасывая ноги съ кровати. И опять съ удивленіемъ видитъ Чангъ, что онъ не на пароходѣ въ Красномъ морѣ, а на чердакѣ въ Одессѣ, и что на дворѣ и впрямь полдень, только не радостный, а темный, скучный, непріязненный. И тихо рычитъ на капитана, потревожившаго его. Но капитанъ, не обращая на него вниманія, надѣваетъ старый форменный картузь и такое же пальто и, запустивъ руки въ карманы и сгорбившись, идетъ къ двери. Поневолѣ приходится и Чангу спрыгивать съ кровати. По лѣстницѣ капитанъ спускается тяжело и неохотно, точно въ силу нудной необходимости. Чангъ катится довольно быстро: его бодритъ еще неулегшееся раздраженіе, которымъ всегда кончается блаженное состояніе послѣ водки. . .

Да, вотъ уже два года, изо дня въ день, занимаются Чангъ съ капитаномъ тѣмъ, что ходятъ по ресторанамъ. Тамъ они пьютъ, закусываютъ, глядятъ на другихъ пьяницъ, пьющихъ и закусывающихъ рядомъ съ ними,

среди шума, табачнаго дыма и всякаго зловонія. Чангъ лежитъ у ногъ капитана, на полу. А капитанъ сидитъ и куритъ, крѣпко положивъ, по своей морской привычкѣ, локти на столъ, ждетъ того часа, когда надо будетъ, по какому-то имъ самимъ выдуманному закону, перекочевать въ другой ресторанъ или кофейню: завтракаютъ Чангъ съ капитаномъ въ одномъ мѣстѣ, кофе пьютъ въ другомъ, обѣдаютъ въ третьемъ, ужинаютъ въ четвертомъ. Обычно капитанъ молчитъ. Но бываетъ, что встрѣчается капитанъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ друзей и тогда весь день говоритъ безъ умолку о ничтожествѣ жизни и поминутно угощаетъ виномъ то себя, то собесѣдника, то Чанга, передъ которымъ всегда стоитъ на полу какая-нибудь посудинка. Именно такъ проведутъ они и нынѣшній день: нынче они условились позавтракать съ однимъ старымъ пріятелемъ капитана, съ художникомъ въ цилиндрѣ. А это значитъ, что будутъ они сидѣть сперва въ вонючей пивной, среди краснолицыхъ нѣмцевъ, — людей тупыхъ, дѣльныхъ, работающихъ съ утра до вечера съ тою цѣлью, конечно, чтобы пить, ѣсть, снова работать и плодить себѣ подобныхъ, — потомъ пойдутъ въ кофейню, биткомъ набитую греками и евреями, вся жизнь которыхъ, тоже безсмысленная, но очень тревожная, поглощена непрестаннымъ ожиданіемъ биржевыхъ слуховъ, а изъ кофейни отправятся въ ресторанъ, куда стекается всякое человѣческое отребье, — и просидятъ тамъ до поздней ночи. . .

Зимній день коротокъ, а за бутылкой вина, за бесѣдой съ пріятелемъ онъ еще короче. И вотъ уже побывали Чангъ, капитанъ и художникъ и въ пивной, и въ кофейнѣ и шестой часъ сидятъ, пьютъ въ ресторанѣ.

И опять капитанъ, положивъ локти на столъ, горячо увѣряетъ художника, что есть только одна правда на свѣтѣ, — злая и низкая. — Ты посмотри кругомъ, говоритъ онъ, ты только вспомни всѣхъ тѣхъ, что ежедневно видимъ мы съ тобой въ пивной, въ кофейнѣ, на улицѣ! Другъ мой, я видѣлъ весь земной шаръ — жизнь вездѣ такова! Все это ложь и вздоръ, чѣмъ будто бы живутъ люди: нѣтъ у нихъ ни Бога, ни совѣсти, ни разумной цѣли существованія, ни любви, ни дружбы, ни честности, — нѣтъ даже простой жалости. Жизнь скучный, зимній день въ грязномъ кабакѣ, не болѣе. . .

И Чангъ, лежа подъ столомъ, слушаетъ все это въ туманѣ хмеля, въ которомъ уже нѣтъ болѣе возбужденія. Соглашается онъ или не соглашается съ капитаномъ? На это нельзя отвѣтить опредѣленно, но разъ ужъ нельзя, значить, дѣло плохо. Чангъ не знаетъ, не понимаетъ, правъ-ли капитанъ; да вѣдь всѣ мы говоримъ «не знаю, не понимаю» только въ печали: въ радости всякое живое существо увѣрено, что оно все знаетъ, все понимаетъ. . . Но вдругъ точно солнечный свѣтъ прорѣзываетъ этотъ туманъ: вдругъ раздается стукъ палочки по пюпитру на эстрадѣ ресторана — и запѣваетъ скрипка, за ней другая, третья. . . Онѣ поютъ все страстиѣй, все звончѣе — и черезъ минуту переполняется душа Чанга совсѣмъ иной тоской, совсѣмъ иной печалью. Она дрожитъ отъ непонятнаго восторга, отъ какой-то сладкой муки, отъ жажды чего-то — и уже не разбираетъ Чангъ, во снѣ онъ или наяву. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается музыкѣ, покорно слѣдуетъ за ней въ какой-то иной мѣръ — и снова видитъ себя на порогѣ этого прекраснаго мѣра, неразум-

нымъ, довѣрчивымъ къ міру шенкомъ на пароходѣ въ Красномъ морѣ.. .

— Да, такъ какъ это было? — не то снится, не то думается ему. — Да, помню: хорошо было жить въ жаркій полдень въ Красномъ морѣ! Чангъ съ капитаномъ сидѣли въ рубкѣ, потомъ стояли на мостикѣ. . . О, сколько было свѣта, блеска, синевы, лазури! Какъ удивительно цвѣтисты были на фонѣ неба всѣ эти бѣлыя, красныя и желтыя рубахи матросовъ, съ растопыренными руками развѣшенныя на носу! А потомъ Чангъ съ капитаномъ и прочими моряками, у которыхъ лица были кирпичныя, глаза маслянистыя, а лбы бѣлые и потные, завтракалъ въ жаркой каютѣ-компаніи перваго класса, подѣ жужжащимъ и дующимъ изъ угла электрическимъ вентиляторомъ, послѣ завтрака вздремнулъ немного, послѣ чая обѣдалъ, а послѣ обѣда опять сидѣлъ наверху, передѣ штурманской рубкой, — гдѣ лакей поставилъ для капитана полотняное кресло, — и смотрѣлъ далеко за море, на закатъ, нѣжно зеленѣвшій въ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ тучкахъ, на виннокрасное, лишенное лучей солнце, которое, коснувшись мутнаго горизонта, вдругъ вытянулось и стало похоже на темно-огненную митру. . . Быстро бѣжалъ пароходъ вдогонку за нимъ, такъ и мелькали за бортомъ гладкіе водяные горбы, отливающіе сине-лиловой шагренью, но солнце спѣшило, спѣшило, — море точно втягивало его, — и все уменьшалось да уменьшалось, стало длиннымъ раскаленнымъ углемъ, задрожало и потухло, а какъ только потухло, сразу пала на весь міръ тѣнь какой-то печали, и сильнѣй заволновался все хрѣпчавшій къ ночи вѣтеръ. Капитанъ, глядя на темное пламя заката, сидѣлъ съ раскрытой головою, съ

колеблющимися отъ вѣтра волосами, и лицо его было задумчиво, гордо и грустно, и чувствовалось, что в с е т а к и онъ счастливъ, и что не только весь этотъ бѣгущій по его волѣ паруходъ, но и цѣлый міръ въ его власти, потому что весь міръ былъ въ его душѣ въ эту минуту — и потому еще, что и тогда уже пахло виномъ отъ него. . .

Ночь же настала страшная и великолѣпная. Она была черная, тревожная, съ безпорядочнымъ вѣтромъ и съ такимъ полнымъ свѣтомъ шумно взметывавшихся вокругъ парухода волнъ, что порою Чангъ, бѣгавшій за быстро и безостановочно гулявшимъ по палубѣ капитаномъ, съ визгомъ отскакивалъ отъ борта. И капитанъ опять взялъ Чанга на руки и, приложивъ щеку къ его бьющемуся сердцу, — вѣдь оно билось совершенно такъ же, какъ и у капитана! — пришелъ съ нимъ въ самый конецъ палубы, на ютъ, и долго стоялъ тамъ въ темнотѣ, очаровывая Чанга дивнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ: изъ-подъ высокой, громадной кормы, изъ-подъ глухо бушующаго винта, съ сухимъ шорохомъ сыпались мириады бѣло-огненныхъ иглъ, вырывались и тотчасъ-же уносились въ снѣжную искристую дорогу, прокладываемую паруходомъ, то огромныя голубыя звѣзды, то какіе-то тугіе синіе клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящихъ водяныхъ бугровъ блѣдно-зеленымъ фосфоромъ. Вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, сильно и мягко билъ изъ темноты въ морду Чанга, раздувалъ и холодилъ густой мѣхъ на его груди, и, крѣпко, родственно прижимаясь къ капитану, обонялъ Чангъ запахъ какъ-бы холодной сѣры, дышалъ взрытой утробой морскихъ глубинъ, а корма дрожала, ее опускало и поднимало ка-

кой-то великой и несказанно свободной силой, и онъ качался, качался, возбужденно созерцая эту слѣпую и темную, но стократъ живую, глухо бунтующую Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, съ шумомъ пролетавшая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана. . .

Въ эту ночь капитанъ въ первый разъ привелъ Чанга въ свою каюту, большую и уютную, мягко освѣщенную лампой подъ краснымъ шелковымъ абажуромъ. На письменномъ столѣ, плотно умѣстившемся возлѣ капитанской кровати, стояли тамъ, въ тѣни и свѣтѣ лампы, два фотографическихъ портрета: хорошенькая сердитая дѣвочка въ локонахъ, капризно и вольно сидѣвшая въ глубокомъ креслѣ, и молодая дама, изображенная почти во весь ростъ, съ кружевнымъ бѣлымъ зонтикомъ на плечѣ, въ кружевной большой шляпкѣ и въ нарядномъ весеннемъ платьѣ, — стройная, тонкая, прелестная и печальная, какъ грузинская царица. И капитанъ сказалъ, раздѣваясь подъ шумъ черныхъ волнъ за открытымъ окномъ:

— Не будетъ, Чангъ, любить насъ съ тобой эта женщина! Есть, братъ, женскія души, которыя вѣчно томятся какой-то печальной жаждой любви и которыя отъ этого отъ самаго никогда и никого не любятъ. Есть такія — и какъ судить ихъ за всю ихъ безсердечность, лживость, мечты о сценѣ, о собственномъ автомобилѣ, о пикникахъ на яхтахъ, о какомъ-нибудь спортсменѣ, притворяющемся англичаниномъ, раздирающемъ свои сальные отъ фиксажура волосы на прямой рядъ? Кто ихъ разгадаетъ? Всякому свое, Чангъ, и не слѣдуютъ-ли онѣ сокровеннѣйшимъ велѣніямъ самой Тао, какъ слѣдуетъ имъ какая-нибудь морская

тварь, вольно ходящая вотъ въ этихъ черныхъ, огненно-панцырныхъ волнахъ?

— У-у! сказалъ капитанъ, садясь на стулъ, мотая головой и развязывая шнурки бѣлаго башмака: — Что только было со мной, Чангъ, когда я въ первый разъ почувствовалъ, что она уже не совсѣмъ моя, — въ ту ночь, когда она въ первый разъ одна была на яхтѣ-клубскомъ балу и вернулась подъ утро, точно поблекшая роза, блѣдная отъ усталости и еще неулегшагося возбужденія, съ глазами сплошь темными, расширенными и далекими отъ меня! Если-бы ты зналъ, какъ неподражаемо хотѣла она одурочить меня, съ какимъ простымъ удивленіемъ спросила: «А ты еще не спишь, бѣдный?» Тутъ я даже слова не могъ выговорить, и она сразу поняла меня и смолкла, — только быстро взглянула на меня, — и молча стала раздѣваться. Я хотѣлъ убить ее, но она сухо и спокойно сказала: «помоги мнѣ разстегнуть сзади платье» — и я покорно подошелъ и сталъ дрожащими руками отстегивать эти крючки и кнопки — и какъ только увидѣлъ въ раскрывшееся платье ея тѣло, ея междуплечье и сорочку, спущенную съ плечъ и засунутую за корсетъ, какъ только услыхалъ запахъ ея черныхъ волосъ и взглянулъ въ освѣщенное трюмо, отражавшее ея груди, поднятыя корсетомъ. . .

И, не договоривъ, капитанъ махнулъ рукой.

Онъ раздѣлся, легъ и погасилъ огонь, и Чангъ, перевертываясь и укладываясь въ сафьянномъ креслѣ возлѣ письменнаго стола, видѣлъ, какъ бороздили черную плащаницу моря вспыхивающія и гаснущія полосы бѣлаго пламени, какъ по черному горизонту зловъще мелькали какіе-то огни, какъ оттуда прибѣ-

гала порою и съ грознымъ шумомъ выростала выше борта и заглядывала въ каюту страшная живая волна, — точно какой-то сказочный змѣй, весь насквозь свѣтившійся самоцвѣтными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, — и какъ пароходъ отталкивалъ ее прочь и ровно бѣжалъ дальше, среди тяжелыхъ и зыбкихъ массъ этого довременнаго, для насъ уже чуждаго и враждебнаго естества, называемаго океаномъ. . .

Ночью капитанъ вдругъ что-то крикнулъ и, самъ испугавшись своего крика, прозвучавшаго какой-то унизительно-жалобной страстью, тотчасъ-же проснулся. Полежавъ минуту молча, онъ вздохнулъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Да-да, исторія! «Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи — женщина прекрасная!» Трижды правъ ты, Соломонъ Премудрый!

Онъ нашель въ темнотѣ папиросницу, закурилъ, но, затянувшись два раза, уронилъ руку — и такъ и заснулъ съ краснымъ огонькомъ папиросы въ рукѣ. И опять стало тихо — только сверкали, качались и съ шумомъ неслись волны мимо борта. Южный Крестъ изъ-за черныхъ тучъ. . .

Но тутъ внезапно оглушаетъ Чанга громовый грохотъ. Чангъ въ ужасѣ вскакиваетъ. Что случилось? Опять ударился, по винѣ пьянаго капитана, пароходъ о подводные камни, какъ это было три года тому назадъ? Опять выстрѣлилъ капитанъ изъ пистолета въ свою прелестную и печальную жену? Нѣтъ, кругомъ не ночь, не море и не зимній полдень на Елисаветинской, а очень свѣтлый, полный шума и дыма ресто-

ранъ: это пьяный капитанъ ударилъ кулакомъ по столу и кричить художнику:

— Вздоръ, вздоръ! Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи, вотъ кто твоя женщина! «Коврами я убрала постель мою, разноцвѣтными тканями египетскими: зайдемъ, будемъ упиваться нѣжностью, потому что мужа нѣтъ дома. . .» А-а, женщина! «Домъ ея ведетъ къ смерти и стези ея — къ мертвецамъ. . .» Но довольно, довольно, другъ мой. Пора, запираютъ, — идемъ!

И черезъ минуту капитанъ, Чангъ и художникъ уже на темной улицѣ, гдѣ вѣтеръ съ снѣгомъ задуваетъ фонари. Капитанъ цѣлуетъ художника, и они расходятся въ разныя стороны. Чангъ, полусонный, угрюмый, бочкомъ бѣжитъ по тротуару за быстро идущимъ и шатающимся капитаномъ. . . Опять прошелъ день, — сонъ или дѣйствительность? — и опять въ мѣрѣ тьма, холодъ, утомленіе. . . Нѣтъ, правъ, правъ капитанъ: жизнь — ядовитый алкоголь, не болѣе. . .

Такъ, однообразно, проходятъ дни и ночи Чанга. Какъ вдругъ, однажды утромъ, мѣръ, точно пароходъ, съ разбѣгу налетаетъ на скрытый отъ невнимательныхъ глазъ подводный рифъ. Проснувшись въ одно зимнее утро, Чангъ поражается великой тишиной, царящей въ комнатѣ. Онъ быстро вскакиваетъ съ мѣста, кидается къ постели капитана — и видитъ, что капитанъ лежитъ съ судорожно закинутой назадъ головой; съ лицомъ блѣднымъ и застывшимъ, съ рѣсницами полуоткрытыми и недвижными. И, увидѣвъ эти рѣсницы, Чангъ издаетъ такой отчаянный вопль, точно его сшибъ съ ногъ и пополамъ перехватилъ мчащійся по бульвару автомобиль. . .

Потомъ, когда не стоитъ на пятахъ дверь комнаты, когда входятъ, уходятъ и снова приходятъ, громко разговаривая, самые разные люди, — дворники, полицейскіе, художникъ въ цилиндрѣ и всякіе другіе господа, съ которыми сживалъ капитанъ въ ресторанахъ, — Чангъ какъ бы каменѣеть. . . О, какъ страшно говорилъ когда-то капитанъ: «Въ тотъ день задрожать стерегущіе домъ и помрачатся смотрящіе въ окно; и высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы: ибо отходитъ человекъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его плакальщицы; ибо разбился кувшинъ у источника и обрушилось колесо надъ колодеземъ. . .» Но теперь Чангъ не чувствуетъ даже ужаса. Онъ лежитъ на полу, мордой въ уголь, крѣпко закрывши глаза, чтобы не видѣть міра, чтобы забыть о немъ. И міръ шумитъ надъ нимъ глухо и отдаленно, какъ море надъ тѣмъ, кто все глубже и глубже опускается въ его бездну.

А снова приходитъ онъ въ себя уже на паперти, у дверей костела. Онъ сидитъ возлѣ нихъ съ поникшей головой, тупой, полумертвый — только весь дрожитъ мелкой дрожью. И вдругъ распаивается дверь костела — и ударяетъ въ глаза и въ сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: передъ Чангомъ полутемный готическій чертогъ, красныя звѣзды огней, цѣлый лѣсъ тропическихъ растений, высоко вознесенный на черный помостъ гробъ изъ дуба, черная толпа народа, двѣ дивныя въ своей мраморной красотѣ и глубокомъ траурѣ женщины, — точно двѣ сестры разныхъ возрастовъ, — а надо всѣмъ этимъ — гулъ, громы, клиръ звонко вопіящихъ о какой-то скорбной радости ангеловъ, торжество, смятеніе, величіе — и все

собой покрывающія неземныя пѣснопѣнія. И дыбомъ становится вся шерсть на Чангѣ отъ боли и восторга передъ этимъ звучащимъ видѣніемъ. И художникъ, съ красными глазами вышедшій въ эту минуту изъ костела, въ изумленіи останавливается:

— Чангъ! — тревожно говоритъ онъ, наклоняясь къ Чангу: — Чангъ, что съ тобою?

И, коснувшись задрожавшей рукой головы Чанга, наклоняется еще ниже — и глаза ихъ, полные слезъ, встрѣчаются въ такой любви другъ къ другу, что все существо Чанга беззвучно кричитъ всему міру: ахъ, нѣтъ, нѣтъ — есть на землѣ еще какая-то, мнѣ невѣдомая, третья правда!

Въ этотъ день, возвратясь съ кладбища, Чангъ переселяется въ домъ своего третьяго хозяина — снова на вышку, на чердакъ, но теплый, благоухающій сигарой, устланный коврами, уставленный старинной мебелью, увѣшанный огромными картинами и парчевыми тканями. . . Темнѣетъ, каминъ полонъ раскаленными, сумрачно-алыми грудями жара, новый хозяинъ Чанга сидитъ въ креслѣ. Онъ, возвратясь домой, даже не снялъ пальто и цилиндра, сѣлъ съ сигарой въ глубокое кресло и курить, смотритъ въ сумракъ своей мастерской. А усталый, измученный Чангъ лежитъ на коврѣ возлѣ камина, закрывъ глаза, положивъ морду на лапы.

Кто-то лежитъ теперь тамъ, за темнѣющимъ городомъ, за оградой кладбища, въ томъ, что называется склепомъ, могилой. Но этотъ кто-то не капитанъ, нѣтъ. Если Чангъ любитъ и чувствуетъ капитана, видитъ его взоромъ памяти, — того божественнаго, что онъ самъ не понимаетъ въ себѣ, — значить, еще съ

нимъ капитанъ: въ томъ безначальномъ и безконечномъ мѣрѣ, что не доступенъ Смерти. Въ мѣрѣ этомъ должна быть только одна правда, — третья, — а какая она — про то знаетъ тотъ послѣдній Хозяинъ, къ которому уже скоро долженъ возвратиться Чангъ.

Васильевское. 1916.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Синіе обои полиняли,
Образа, дагерротипы сняли —
Только тамъ остался синій цвѣтъ,
Гдѣ они висѣли много лѣтъ.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что нѣкогда любило!
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.

31. I. 16.

На поморіи далекомъ,
Въ полѣ, ровномъ и широкомъ,
 Бѣлый макъ цвѣтетъ,
И надъ пряхою дѣвицей
Въ небѣ мѣсяць блѣднолицый
 Свѣтитъ въ свой чредъ.

А дѣвица нитку сучить,
Сердце сонной грезой мучить
 Да глядитъ впередъ,
Гдѣ до моря-океана,
До полночнаго тумана
 Бѣлый макъ цвѣтетъ.

1. II. 16.

Тамъ не свѣтитъ солнце, не бываетъ ночи,
Не восходятъ зори,
За гранитнымъ полемъ грозно блещетъ въ очи
Смоляное море.

Надъ его ли зыбью, подъ великой тучей,
Мечется зарница,
А на бѣломъ камнѣ, на скалѣ горячей —
Дивная орлица:

Плещется крылами, красными, какъ пламень,
Въ этомъ морѣ дикомъ,
Все кого-то кличетъ и о бѣлый камень
Бьется съ лютымъ крикомъ.

1. П. 16.

Лиманъ пескомъ отъ моря отдѣлень.
Когда садится солнце за Лиманомъ,
Песокъ бываетъ ярко позлащень.

Онъ весь въ рыбалкахъ. Бѣлымъ караваномъ
Стоять онъ на грани водъ, на той,
Откуда вѣтъ вѣтромъ, океаномъ.

Въ лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернѣтъ синью вороненой
Изъ-за косы песчано-золотой.

И вотъ я слышу ропотъ отдаленный:
Навстрѣчу крѣпкой свѣжести воды,
Вдыхая вѣтеръ, вольный и соленый,

Вдругъ зашумѣли бѣлые ряды
И стоя машутъ длинными крылами. . .
Земля, земля! Несчетные слѣды

Я на тебѣ оставилъ. Я годами
Блуждалъ въ твоихъ пустыняхъ и моряхъ.
Я мѣрилъ неустанными стопами

Твой всюду дорогой для сердца прахъ:
Но нѣтъ, во вѣкъ не утолю я муки —
Любви къ тебѣ! Какъ чайки на пескахъ.

Опять впередъ я стираю руки.

ЗЕРКАЛО

Темнѣтъ зимній день, спокойствіе и мракъ
Нисходятъ на́ душу — и все, что отражалось,
Что было въ зеркалѣ, померкло, потерялось. . .
Вотъ такъ и смерть, да, можетъ быть, вотъ такъ.

Въ могильной темнотѣ одна моя сигара
Краснѣтъ огонькомъ, какъ дивный самоцвѣтъ:
Погаснетъ и она, развѣтятся и слѣды
Ея душистаго и тонкаго угара. . .

Кто это заигралъ? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркія вдоль клавишъ побѣжали?
Душа моя полна восторга и печали —
Я не боюсь могильной темноты.

МУЛЫ

Подъ сводомъ хмурыхъ тучъ, спокойствіемъ объ-
тыхъ, —

Ненастный день темнѣль и ночь была близка, —
Грядой далекихъ горъ, молочно-синеватыхъ,
На грани мертвыхъ водъ лежали облака.

Я съ острова глядѣль на море и на тучи,
Остановясь въ пути, — и горный путь, вѣсь
Въ обрывѣ сизыхъ скалъ, бѣлѣль по дикой кручѣ,
Гдѣ шли и шли они, подѣ ношею клонясь.

И звукъ изъ бубенцовъ, размѣренный, печальный,
Мнѣ говорилъ о томъ, что я въ странѣ чужой,
И душу той страны, глухой, патріархальной,
Далекой для меня, я постигалъ душой.

Вотъ такъ же шли они при Цезаряхъ, при Ремѣ,
И такъ же день темнѣль, и вдоль скалистыхъ кручъ
Лѣпился городокъ, сырой, забытый всѣми,
И человекъ скорбѣль подѣ сводомъ хмурыхъ тучъ.

10. II. 16

СИРОККО

Гуль бури за горой и грохоть отдаленныхъ
Полуночныхъ зыбей, бушующихъ въ бреду.
Звонъ, непрерывный звонъ кузнечиковъ безсонныхъ.
И мутный лунный свѣтъ въ оливковомъ саду.

Какъ фосфоръ, свѣтляки мерцають подъ ногами;
На тускломъ блескѣ волнь, облитыхъ серебромъ,
Ныряеть гробомъ челнь. . . Господь смѣшался съ нами
И мчитъ куда-то въ міръ въ восторгѣ бредовомъ.

10. II. 16

ПСАЛТИРЬ

Блѣдносиній загадочный ликъ
На увядшія розы поникъ,

И свѣтильники гробъ золотятъ
И прозрачно струится ихъ чадъ.

— Дни мои отошли, отцвѣли,
Я бездомный и чуждый земли:

Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть!
Да возрадуется духъ мой Господь,

Если крылья, какъ птица, возьму,
И низринусь въ подземную тьму,

Если горнихъ достигну глубинъ, —
Всюду Ты, и всегда, и Единъ:

Укажи мнѣ прямые пути
И въ какую мнѣ тварь низойти.

10. П. 16

МИНЬОНА

Въ горахъ, отъ снѣга побѣлѣвшихъ,
Туманно къ вечеру синѣвшихъ,
Тащилась на спинѣ осла
Вязанка сучьевъ почернѣвшихъ,
А я, въ лохмотьяхъ, слѣдомъ шла.

Вдругъ сзади крикъ — и вижу: сзади
Несется съ гуломъ, полный клади,
На дышлѣ съ фонаремъ, дормезъ:
Едва метнулась я къ оградѣ,
Какъ онъ, мелькнувъ, уже исчезъ.

Въ сѣдыхъ мѣхахъ, высокъ и строень,
Прекрасень, царственно спокоень
Былъ путешественникъ... Меня-ль,
Босой и нищей, онъ достоинъ
И какъ ему меня не жаль!

Вотъ сплю въ лачугѣ закопченной,
А онъ сравнитъ меня с Мадоной,
Съ лучомъ небеснаго огня,
Онъ назоветъ меня Миньоной
И влюбитъ цѣлый міръ въ меня.

12. II. 16

ВЪ ГОРАХЪ

Поэзія темна, въ словахъ не вырази́ма:
Какъ взволноваль меня вотъ э́тотъ дикій скать,
Пустой кремнистый до́ль, загонъ овечьихъ ста́дъ,
Пастушескій костеръ и горькій запахъ ды́ма!

Тревогой странною и радостью то́мимо,
Мнѣ сердце говоритъ: «Вернись, вернись назадъ!»
Дымъ на меня пахнулъ, какъ сладкій аромать,
И съ завистью, съ тоской я проѣзжаю мимо.

Поэзія не въ томъ, совсѣмъ не въ томъ, что свѣтъ
Поэзіей зоветъ. Она въ моемъ наслѣдствѣ.
Чѣмъ я богаче имъ, тѣмъ больше я поэтъ.

Я говорю себѣ, почуявъ темный слѣдъ
Того, что пращуръ мой воспринялъ въ древнемъ
дѣтствѣ:
— Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ
нѣтъ!

ЛЮДМИЛА

На западъ весною подъ вечеръ тучи сини,
Сырой землею пахнетъ, бальзамомъ тополей.
Я бросилъ фортепяны, пошелъ гулять въ долину,
Среди своихъ спокойныхъ селеній и полей.

Сосѣдскій садъ сквозится по скатамъ за рѣкою,
Еще пустой, весенній, онъ грустенъ, какъ всегда.
Вонъ голая аллея съ завѣтною скамьею,
Стволы березъ поникшихъ бѣлѣютъ въ два ряда.

И видѣлъ я, какъ тихо ты по саду бродила,
Въ весеннемъ легкомъ платьѣ. . . Простудишься,
дружокъ!
Отъ тучи садъ печаленъ, а ты, моя Людмила?
Отъ нѣжныхъ думъ и счастья? Отъ чьихъ-то милыхъ
строкъ?

Ночной весенній ливень, съ какимъ онъ шумомъ
хлынулъ!
Какъ сладко въ черномъ мракѣ его земля пила!
Зажгли мнѣ восемь свѣчекъ, и я пасьянсъ раскинулъ,
И свѣчки длились блескомъ въ зеркальности стола.

Стѣна горы — до небосвода.
Внизу голышъ, шумить ручей.
Я напою коня у брода,
Подъ дымной саклею твоей.

На ледяномъ Казбекѣ блещетъ
Востока розовый огонь.
Бьетъ по водѣ, игриво плещетъ
Копытомъ легкимъ потный конь.

13. II. 16

ИНДІЙСКІЙ ОКЕАНЪ

Надъ чернотой твоихъ пучинъ
Горѣли дивныя свѣтила,
И тяжко зыбь твоя ходила
Взрывая огнь беззвучныхъ минъ.

Она глаза слѣпила намъ
И мы блѣднѣли въ быстромъ свѣтѣ,
И сине-огненные свѣти
Текли по медленнымъ волнамъ.

И снова, шумень и глубокъ,
Ты возставалъ и загорался —
И отъ звѣзды къ звѣздѣ шатался
Великой тростью зыбкій фокъ.

За валомъ встрѣчный валъ бѣжалъ
Съ дыханьемъ пламеннымъ муссона,
И хвостъ алмазный Скорпіона
Надъ чернотой твоей дрожалъ.

13. II. 16

КОЛИЗЕЙ

Дуль теплый вѣтеръ. Точно сѣя
Вечерній сумракъ, жукъ жужжалъ.
Щербатый остовъ Колизея
Какъ чаша подо мной лежалъ.
Чернѣли и зіяли стѣны
Вокругъ меня. Въ глазницы ихъ
Синѣла ночь. Пустырь арены
Быль въ травахъ, жесткихъ и сухихъ...
Свѣтъ лунный, вѣчный, неизмѣнный,
Какъ тонкій дымъ бѣлѣлъ на нихъ.

13. II. 16

Солнце полночное, тѣни лиловыя
Въ желтыхъ ухабахъ тяжелыхъ зыбей.
Солнце не грѣетъ — на лица суровыя
Падаетъ свѣтомъ холодныхъ лучей.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. Въ блескѣ морскомъ
Легкою мглой убѣгають святители —
Три мужичка-старичка босикомъ.

7. IV. 16

МОЛОДОСТЬ

Въ сухомъ лѣсу стрѣляетъ длинный кнутъ,
Въ кустарникѣ трещать коровы,
И синіе подснежники цвѣтутъ,
И подъ ногами листь шуршитъ дубовый.

И ходять дождевыя облака,
И свѣжимъ вѣтромъ въ свромъ полѣ дуетъ,
И сердце въ тайной радости тоскуетъ,
Что жизнь, какъ степь, пуста и велика.

7. IV. 16

АЛЕНУШКА

Аленушка въ лѣсу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячіе,
Блескучіе, стоячіе,
Мала, мала Аленушка,
А пѣть съ отцемъ — до донушка.
Пошла она въ лѣса гулять,
Желалося любовь понять,
Да кто въ лѣсу встрѣчается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Лѣсной жарой измучилась,
Зажгла она большой костерь,
А въ сушь огонь куда востерь!
Сожгла лѣса Аленушка
На тыщу версть, до пенушка,
И гдѣ сама дѣвалася —
Донинѣ не узналося!

УЪЗДНОЕ

Свѣтитъ, свѣти ткеть паукъ...
Сумракъ, жаркія подушки,
Костяной бѣгущей стукъ
Залихватской колотушки.
Свѣтитъ, меркнетъ поплавокъ —
Въ золотистой паутинѣ
Весь лампадный уголокъ...
Горячо мнѣ на перинѣ,
Высока моя постель...
Убаюкиваетъ, тая,
Убѣгающая трель,
Костяная и пустая.

20. VI. 16

За степью, въ приволжскихъ пескахъ,
Широкое алое солнце тонуло.
Ребенокъ уснулъ у тебя на рукахъ,
Ты вышла изъ душной кибитки, взглянула
На кровь, что въ зеркальныя соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюдѣ, —
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло въ лицо твое, въ потныя смуглыя груди.
Великій былъ станъ за тобой:
Скрипѣли колеса, верблюды ревѣли,
Костры, разгораясь, въ дыму пламенѣли
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты, дѣвочка, тихая сердцемъ и взоромъ,
Ты знала ль въ тотъ вечеръ, садясь на песокъ
Что сонный ребенокъ, державшій твой темный сосокъ,
Тотъ самый Моголь, о которомъ
Во вѣки вѣковъ не забудетъ земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Возславлю его, — что не надо мнѣ рая,
Христа, Галилеи и лилій ея полевыхъ,
Что я не смиреннѣе ихъ, —
Атилле, Тимура, Мамаю,

Что я ихъ достоинъ, когда,
Наскучивъ таиться за ложью,
Рву древнюю хартию Божью,
Насилую, рѣжу, и граблю, и жгу города?
— Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце въ пескахъ потонуло.
Ты скучно въ померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несмѣтною ратью чернѣли воза,
Въ синѣющей ночи прохладой и горечью дуло.

27. VI. 16

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

То не красный голубь метнулся
Темной ночью надъ черной горою —
Въ черной тучѣ метнулась зарница,
Освѣтила плетни и хаты,
Громомъ гремитъ далекимъ.

— Ваша королевская милость,
Говоритъ королю Елена.
А король на коня садится,
Пробуетъ, крѣпки-ль подпруги,
И лица Елены не видитъ, —
Ваша королевская милость,
Пожалуйте ваше королевство,
Не ѣздите ночью въ горы:
Вражій станъ, ваша милость, близко.

Король молчитъ, ни слова,
Пробуетъ, крѣпко ли стремя.

— Ваша королевская милость,
Говоритъ королю Елена,
Пожалуйте дѣтей своихъ малыхъ,
Молодую жену пожалуйте,
Жениха моего пошлите!

Король въ отвѣтъ ей ни слова,
Разбираетъ въ темнотѣ поводья,
Смотритъ, какъ свѣтитъ на горѣ зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у насъ ночевали въ хатѣ,
Ваша королевская милость,
На бѣду мою ночевали,
На мое великое счастье.
Побудьте еще хоть до свѣта,
Отца моего пошлите!

Не пушки въ горахъ грохочутъ —
Громъ по горамъ ходитъ,
Проливной ливень въ лужахъ плещетъ,
Синяя зарница освѣщаетъ
Дождевыя длинныя иглы,
Вороненую черноту ночи,
Мокрыя соломенные крыши,
Пѣтухи поютъ по деревнѣ, —
То ли спросонья, съ испугу,
То ли къ веселой ночи. . .
Король сидитъ на крыльцѣ хаты.

Ахъ, хороша, высока Елена!
Смѣло шагаетъ она по навозу.
Ловко засыпаетъ коню корма.

ЦЕЙЛОНЪ

Окраина земли,
Безлюдныя пустынныя побережья,
До полюса открытый океанъ. . .

Матара — фортъ голландцевъ. Рвы и стѣны,
Ворота въ нихъ. . . Тѣнистая дорога
Въ кокосовомъ лѣсу, среди кокосовъ —
Лачуги сингалесовъ. . . Справа блескъ,
Горячій зной сухихъ песковъ и моря. . .

Мысъ Дондра въ старыхъ пальмахъ. Тутъ свѣжѣй,
Муссономъ сладко тянетъ, подъ верандой
Гостиницы на сваяхъ — шумъ воды:
Она, крутясь, перемываетъ камни,
Кипитъ атласной пѣной. . .

Дальше — край,
Забывтый Богомъ. Джунгли низкорослы,
Холмисты, безграничны. Бѣлой пылью
Слѣпятъ глаза. . . Мѣняютъ лошадей,
Толпятся дѣти, нищіе. . . И снова
Глядишь на раскаленное шоссе
На бухты океана. Пчелоѣды,
Въ зелено-синихъ перьяхъ, отдыхаютъ
На золотистыхъ нитяхъ телеграфа. . .

Лагуна возлѣ Ранны — какъ сапфиръ.
Вокругъ алѣютъ розами фламинги,
По лужам дремлютъ буйволы. На нихъ
Стоять, бѣлѣютъ цапли, и съ жужжаньемъ
Сверкаютъ мухи. . . Сверху, изъ листвы,
Круглятъ глаза большія обезьяны. . .

Затѣмъ опять убогое селенье,
Десятокъ нищихъ хижинъ. Въ океанѣ,
Въ закатномъ блескѣ, — розовыя пятна
Недвижныхъ парусовъ, а сзади, въ джунгляхъ, —
Сиреневыя горы. . . Ночью въ окна
Глядитъ луна. . . А утромъ, въ голубомъ
И чистомъ небѣ — Коршуны Браминовъ.
Кофейные, съ фарфоровой головкой:
Слѣдятъ въ прибоѣ рыбу. . .

Вновь дорога:
Лазоревое озеро, въ кольцѣ
Изъ бѣлой соли, заросли и дебри.
Все дико и прекрасно, какъ въ Эдемѣ:
Торчатъ шипы акацій, защищая
Узорную нѣжнѣйшую листву,
Цвѣтами рдѣютъ кактусы, сѣрѣютъ
Стволы въ густыхъ ліанахъ. . . Какъ огонь
Пылаютъ чаши лиліи ползучей,
Тьмы мотыльковъ трепещутъ. . . На полянѣ
Лежитъ громада бурая: удавъ. . .
Вотъ медленно клубится, уползаетъ. . .

Встрѣчаются двуколки. Крыши ихъ,
Соломенные, длинно выступаютъ

И спереди и сзади. Въ крупъ бычковь,
Запряженныхъ въ двуколки, тычуть палкой:
«Мекъ, мекъ!» — кричитъ погонщикъ, весь нагой,
Съ прекраснымъ чернымъ тѣломъ. . . Вотъ пески,
Пошли пальмиры, — ходятъ въ синемъ небѣ
Ихъ вѣрные листья — распѣваютъ
По джунглямъ пѣтухи, но тонко, странно,
Какъ наши молодые. . . Въ высотѣ
Кружатъ орлы, трепещетъ зоркій соколъ. . .
Въ травѣ перебѣгаютъ граціозно
Песочники, бекасы. . . На деревьяхъ
Сидятъ въ вѣнцахъ павлины. . . Вдругъ бревномъ.
Промчался крокодилъ — шлепъ въ воду —
И точно порохомъ взорвало рыбокъ!

Тутъ часто слонъ встрѣчается: стоитъ
И дремлетъ на полянѣ, на припекѣ;
Есть леопардъ, — онъ лакомка, онъ жретъ,
Когда убьетъ собаку, только сердце;
Есть кабаны и губачи-медвѣди;
Есть дикобразъ, — бѣжитъ на водопой,
Поднявъ щетину, страшно дѣловито,
Угрюмо, озабочено. . .

Отсюда,
Отъ этихъ джунглей, этихъ береговъ
До полюса открыто море. . .

27. VI. 16

ОТЛИВЪ

Въ кипящей пѣнѣ валуны,
Волна, блистая, заходила —
Ее ужъ тянеть, тянеть Сила
Всходящей за моремъ луны.

Во тѣмѣ кокосовыхъ лѣсовъ
Горятъ стволы, дробятся тѣни —
Луна глядитъ — и, въ блескѣ, въ пѣнѣ,
Спѣшитъ волна на тайный зовъ.

И будетъ часъ: луна въ зенитѣ
Войдетъ и станетъ надо мною,
Лѣса затопитъ бѣлизною,
И мертвый обнажитъ гранитъ,

И мѣръ застынетъ — на вѣсу,
И выйду я одинъ — и буду
Глядѣть на каменнаго Будду,
Сидящаго въ пустомъ лѣсу.

28. VI. 16

БОГИНЯ

Навѣсь кумирни, жертвенникъ въ жасминѣ —
И дѣвственницъ склоненныхъ бѣлый рядъ.
Тростинки благовонныя чадятъ
Передъ хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкій, козій взглядъ.

Лѣсъ, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты свѣтятъ въ хрусталѣ.
На кованомъ изъ золота столѣ
Сидитъ она спокойная, какъ Будда,
Пречистая въ раю и на землѣ.

И взглядъ ея, загадочный и зыбкій,
Мерцаетъ все безстрастнѣй и мертвѣй
Изъ-подъ косыхъ приподнятыхъ бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озаренъ блестящій ликъ у ней.

28. VI. 16

СВЯТИЛИЩЕ

Сверкала Ступа снѣжной бѣлизною
Межъ тонкихъ и нагихъ кокосовыхъ стволовъ
И Храмовое Дерево отъ зною
Молочный цвѣтъ роняло надо мною
На черный камень жертвенныхъ столовъ.

Подъ черепицей низкая вихара
Таила Господа въ святилищѣ своемъ,
И я вошелъ въ часть солнечнаго жара
Въ его приютъ, принесъ ему два дара —
Цвѣты и рисъ — и посвѣтилъ огнемъ:
Покоился онъ въ сумракѣ пахучемъ,
Расписанъ золотомъ и лаками, плѣненъ
Полдневнымъ сномъ, блаженнымъ и тягучимъ;
Къ его плечамъ, округлымъ и могучимъ,
Вдоль по груди всползалъ хамелеонъ:

Горѣлъ какъ ярь, сощуривъ глазъ кошачій,
Дуль горло желтое и плетью опустилъ
Эмаль хвоста, а лапы раскарячилъ;
Зубчатый гребень, огненно-горячій,
Быль ярче и острѣ адскихъ пилъ.

И адскими картинами блистала
Вся задняя стѣна, — на страхъ душѣ земной,
И сушью раскаленного металла
Вихара полутемная дышала —
И вышла я на вольный свѣтъ и зной.

И снова сѣлъ въ двуколку съ сингалесомъ,
И голый сингалесъ, коричневый Адамъ,
Погналъ бычка подъ вѣрнымъ навѣсомъ
Высокихъ пальмъ, сквознымъ и жаркимъ лѣсомъ,
Къ священнымъ водоемамъ и прудамъ.

29. VI. 16

ФЕСКА

Мятуя красную феску мастеръ водой окропиль,
Кинуль на мѣдный горячій болванъ и, покрывши
Мѣдною феской, формою съ ручками, давить,
Крутить за ручки, а красная феска шипить
На раскаленномъ болванѣ. . .

Твердая, теплая выйдетъ изъ формы она,
Гордо надѣнешь ее и въ кофейнѣ
Сядешь мечтать и курить, не стыдась за лохмотья
И за курдюкъ на ворблюжьихъ штанахъ, весь въ
заплатахъ.

Холодно, сыро, въ туманѣ морской горизонтъ,
Въ бухтѣ зеленой качаются голыя мачты,
Липкая грязь на базарѣ,
Горы въ свинцовомъ дыму. . . Но цвѣтутъ, розовѣютъ
сады,

Мглистыя, синія, сладостно дремлютъ долины. . .
Женщина, глянь, проходя, сквозь сіяющій шелковый
газъ

На золотые усы и на твердую красную феску!

ВЕЧЕРНИЙ ЖУКЪ

На лиловомъ небѣ
Желтая луна.
Путается въ хлѣбѣ
Мрачная струна.

Шорохъ жесткокрылый —
И дремотный жукъ
Потянулъ унылый,
Но спокойный звукъ.

Я на мигъ забылся,
Оглянулся — свѣтъ
Лунный воцарился,
Вечера ужъ нѣтъ:

Лишь луна да небо
Да блѣднѣ льна
Зрѣющаго хлѣба
Мертвая страна.

30. VI. 16

ПЪСЕНЬКА

Рыжими иголками
Усланъ косогоръ,
Сладко пахнетъ елками
Жаркій лѣтній боръ.

Сядь на эту скользкую
Золотую сушь
Съ пѣсенкою польскою
Про лѣсную глушь.

Темнота вѣтвистая
Надъ тобой висить,
Красное, лучистое,
Солнце чуть сквозить.

Дай твои лѣнивыя
Дѣвичьи уста,
Грусть твоя счастливая,
Пѣсенка проста!

Сладко пахнетъ елками
Потаенный боръ,
Скользкими иголками
Усланъ косогоръ.

КОНЧИНА

И скрылось солнце жаркое въ лѣсахъ,
И звѣздная пороша заблѣла.
И понялъ онъ: достигнувшій предѣла,
Исчисленный, онъ взвѣшенъ на вѣсахъ.

Вотъ точно дуновенье въ волосахъ,
Вотъ снова сердце пало и сомлѣло:
Какъ стынеть лѣсъ, что мигъ хладѣетъ тѣло,
И блещетъ снѣгомъ пропасть въ небесахъ.

Въ епитрахили, въ поручахъ, съ Распятьемъ,
Отъ скуднаго, послѣдняго тепла,
Навстрѣчу чѣмъ-то ледянымъ объятьямъ,
Выходитъ онъ изъ темнаго дупла.

Трава въ росѣ. Болото дымомъ млечнымъ
Лежитъ въ лѣсу. Онъ на колѣняхъ. Съ Вѣчнымъ.

3. VII. 16

РУСЛАНЪ

Гранитный крестъ межъ сосенъ, на песчаномъ
Крутомъ курганѣ. Дальше — золотой
Горячій блескъ: тамъ море, тамъ, въ стеклянномъ
Просторѣ водъ — міръ дивный и пустой. . .
А крестъ надъ кѣмъ? Да, бають, надъ Русланомъ.

И сходятъ на-земь съ сѣдель псковичи,
Сымають съ плечъ тяжелые мечи
И преклоняють шлемы предъ курганомъ,
И зоркая сорока подъ крестомъ
Качаетъ длиннымъ траурнымъ хвостомъ,
Вдоль по песку на блескъ моря скачетъ —
И что-то прячетъ, прячетъ. . .

Морской просторъ — въ доспѣхѣ золотомъ.

16. VII. 16

Край безъ исторіи. . . Все лѣсъ да лѣсъ, болота,
Трясины, заводи въ ольхѣ и тростникахъ,
Въ столѣтнихъ яворахъ. . . На дальнихъ облакахъ —
Заката лѣтняго краса и позолота,
Вокругъ тепло и блескъ. А на низахъ ужъ тѣнь,
Холодный сивый дымъ. . . Стою, рублю кремень,
Курю, стираю потъ. . . Жаръ стынетъ — остро, сыро
И пряно пахнетъ глушь. Невидимаго клира
Тончайшіе поютъ и ноютъ голоса.
Столбомъ толчется гнусь, таинственно и слабо
Свистятъ въ кугѣ ужи. . . Вотъ гаснетъ полоса
Чуть грѣющихъ лучей, вотъ заквохтала жаба
Въ дымящейся водѣ. . . Колтунный край древянъ,
Русь кіевскихъ князей, медвѣдей, лосей, туровъ,
Польсье бортниковъ и черныхъ смолокуровъ —
И теплыхъ сумерекъ краснѣющей шафранъ.

ПЛОТЫ

Съ востока дуетъ холодомъ, чернѣеть зыбь рѣки
Напротивъ солнца низкаго и плещеть на пески.

Проходитъ зелень блѣдная, на отмеляхъ кусты,
А ей навстрѣчу — желтые сосновые плоты.

А на плотахъ, что движутся съ громадою рѣки
Напротивъ зыби плещущей, орутъ плотовщики,

Мужицкимъ пахнетъ варевомъ, костры въ дыму
И рдѣеть краснымъ заревомъ на холодѣ закатъ —
трещать —

16. VII. 16

Онъ видѣлъ смоль ея волосъ.
За ней желтѣлъ крутой откосъ,
Отвѣсный берегъ, а у ногъ
Волна катилась на песокъ,
И это зыбкое стекло
Глаза слѣпило — и текло
Опять назадъ... Былъ тусклый день,
Отъ пролетавшихъ чайекъ тѣнь
Чуть означалась на пескѣ,
И серебристой пеленой
Терялось море вдалекѣ,
Гдѣ небеса туманилъ зной;
Былъ южный вѣтеръ, — горячо
Ей дуло въ голое плечо,
Скользило жаромъ по литымъ
Ногамъ, кирпично-золотымъ,
Съ приставшей кое-гдѣ на нихъ
Перловой мелкой шелухой
Отъ стертыхъ раковинъ морскихъ,
Блестящей, твердой и сухой...
Онъ видѣлъ очеркъ головы
На фонѣ блѣдной синевы,
Онъ видѣлъ грудь ея... Но вотъ
Накинуть пламенный капоть

И легкій газовый платокъ,
Босую ногу сжалъ чувякъ, —
Она идетъ наверхъ, гдѣ дрокъ
Виситъ въ пыли и рдѣетъ макъ,
Она идетъ, поднявши взглядъ
Туда, гдѣ въ небѣ голубомъ
Встаютъ сиреневымъ горбомъ
Обрывы каменныхъ громадъ,
Гдѣ подъ скалистой крутизной
Сверкаетъ дача бѣлизной
И смольно-синій кипарисъ
Верхушку мягко клонитъ внизъ.

22. VII. 16

Полночный звонъ степной пустыни,
Покой небесъ, тепло земли
И горькій медъ сухой полыни
И блѣдность звѣздная вдали.

Что слушаетъ моя собака?
Внѣ жизни мы и внѣ времянь.
Звонящій сонъ степного мрака
Самимъ собой замороженъ.

22. VII. 16

ДѢДУШКА ВЪ МОЛОДОСТИ

Вотъ этотъ домъ, сто лѣтъ тому назадъ,
Былъ полонъ предками моими,
И было утро, солнце, зелень, садъ,
Роса, цвѣты, а онъ глядѣлъ живыми
Сплошь темными глазами въ зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзолъ, на красоту чела,
Изыскано, съ заботливостью женской
Напудренъ рисомъ, надушенъ,
Межъ тѣмъ, какъ пахло жаркою крапивой
Изъ-подъ окна открытаго, и звонъ,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминалъ, что въ должный срокъ
Пойдетъ онъ по аллеямъ, гдѣ струится
Съ полей нагрѣтый солнцемъ вѣтерокъ
И золотистый свѣтъ дробится
Въ тѣни раскидистыхъ березъ,
Гдѣ на куртинахъ дикихъ розъ,
Въ блаженствѣ ослѣпительнаго блеска,
Впиваютъ пчелы теплый медъ,
Гдѣ иволга то вскрикиваетъ рѣзко,
То окариною поетъ,
А вдалекѣ, за валомъ сада,
Спѣшитъ народъ, и краше всѣхъ — она,
Стройна, нарядна и скромна,
Съ огнемъ потупленнаго взгляда.

ИГРОКИ

Овальный столъ, огромный. Вдоль по залу
Проходятъ дамы, слуги — на столъ
Огни свѣчей, горящихъ въ хрусталѣ,
Колеблются. Но скупю внемлетъ балу,
Гремящему въ банкетной, и рѣчамъ
Мелькающихъ по залу милыхъ дамъ
Кругъ игроковъ. Всѣ курятъ. Бѣглымъ свѣтомъ.
Блестятъ огни по жирнымъ эполетамъ.

Заль, бѣлый весь, прохладенъ и великъ.
Подъ люстрой тѣнь. Межъ золотисто-смуговыхъ
Большихъ колоннъ, межъ оконъ полукруглыхъ —
Портретный рядъ: вонъ Павла плоскій ликъ,
Вонъ шелкъ и груди важной Катерины,
Вонъ Александра узкіе лошины. . .
За окнами — старинная Москва
И звѣздной зимней ночи синева.

Задумчивая женщина прижала
Платокъ къ губамъ; у мерзлаго окна
Сидитъ она, спокойна и блѣдна,
Взоръ устремивъ на тусклый сумракъ зала, —
На одного изъ штатскихъ игроковъ,
И чувствуетъ онъ тѣму ея зрачковъ,
Ея очей недвижныхъ и печальныхъ
Подъ топотъ паръ и громъ мазурокъ бальныхъ.

Немолодъ онъ и на рукѣ кольцо.
Весь выбритый, худой, костлявый, стройный,
Онъ мечетъ зло, со страстью безспокойной.

Вотъ поднимаетъ желчное лицо, —
Скользитъ подъ красновато-чернымъ кокомъ
Лоскъ костяной на лбу его высококомъ, —
И говорить: «Ну что же, генераль,
Я, кажется довольно проигралъ?» —

Не будетъ ли? И въ картахъ и въ любви
Мнѣ не везетъ, а вы счастливый мужъ,
Васъ ждетъ жена. . .» — «Нѣтъ, Стоцкій, почему-жъ?
Порой и я люблю волнение крови»,
Съ усмѣшкой отвѣчаетъ генераль.
И длится штось и длится свѣтлый балъ. . .
Предъ ужиномъ, въ часъ ночи, генерала
Жена домой увозить: «Я устала».

Въ пустомъ прохладномъ залѣ только дымъ,
Въ столовыхъ шумно, говоръ и распросы,
Обносятъ слуги тяжкіе подносы,
Князь говоритъ: «А Стоцкій гдѣ? Что съ нимъ?»
Мужъ и жена — тѣ въ темной колымагѣ,
Спѣшатъ домой. Промезлыя сермяги,
Въ заиндивѣвшихъ шапкахъ и лаптяхъ,
Трясутся на переднихъ лошадахъ.

Москва темна, глуха, пустынна, — поздно.
Визжать, стучать въ ухабахъ подрѣза,
Возокъ скрѣпитъ. Она во всѣ глаза
Глядитъ въ стекло — тамъ, въ синей тѣмѣ морозной,
Кудрявится деревьевъ сѣрыхъ мгла
И мелкіе блистаютъ купола. . .
Онъ хмурится съ усмѣшкой: «Да, вотъ чудо!
Нѣтъ Стоцкому удачи ни откуда!»

22. VII. 16

КОНЬ АФИНЫ-ПАЛЛАДЫ

Запѣли жрецы, распахнулись врата — восхищенный
Паль на колѣни народъ:
Чудовищный конь, съ расписной головой, золоченый,
Въ солнечномъ блескѣ грядетъ.
Горе тебѣ, Иліонъ! Многолюдный, могучій, великій,
Горе тебѣ, Иліонъ!
Ревомъ жрецовъ и народными кликами дикій
Голось Кассандры — пророческій вопль —
заглушень!

22. VII. 16

Архистратигъ средневѣковый,
Написанный вѣка тому назадъ
На церковкѣ одноголовой,
Быль тонконогъ, весь въ стали и крылатъ.
Кругомъ чернѣлъ холмистый боръ сосновый,
На озерѣ, внизу, стоялъ посадъ.
Текли года. Посадскіе мѣщане
Къ нему ходили на поклонъ.
Питались тѣмъ, чѣмъ при царѣ Иванѣ, —
Поставкой въ городъ дровка для иконъ,
Корытъ, латковъ, — и правилъ Рыцарь строгій
Работой ихъ, заботой ихъ убогой,
Да хмурилъ брови тонкія свои
На пѣсни и кулачные бои.
Онъ говорилъ всей этой жизни брэнной,
Глухой, однообразной, неизмѣнной,
Про дивный міръ Небеснаго Царя, —
И освѣщала съ грустью сокровенной
Его съ заката блѣдная заря.

23. VII. 16

Хозяинъ умеръ, домъ забить,
Цвѣтеть на стеклахъ купоросъ,
Сарай крапивою заросъ,
Варокъ, давно пустой, раскрыть
И по хлѣвамъ чадить навозъ. . .
Жара, страда. . . Куда летить
Черезъ усадьбу шалый песь?

На голомъ остовѣ варка
Ночуютъ старые сычи,
Днемъ въ тополяхъ орутъ грачи,
Но тишина такъ глубока,
Какъ будто въ мѣрѣ нѣтъ людей. . .
Мелѣтъ теплая рѣка,
Въ степи желтѣетъ море ржей. . .
А онъ летить — хрипять бока
И пѣна льется съ языка.

Летитъ стрѣлою черезъ дворъ
И черезъ садъ и дальше, въ степь,
Кровавъ и мутенъ ярый взоръ,
Оскаленъ клыкъ, на шеѣ цѣпь. . .
Помилуй Богъ, спаси Христоръ,
Сорвался песь, взбѣсился песь!

Вотъ рожь горитъ, зерно течетъ,
Да кто-же будетъ жать, вязать?

Вотъ дымъ валить, набать гудеть,
Да кто-жь рѣшится заливать?
Вотъ встанетъ бѣсноватыхъ рать
И какъ Мамай всю Русь пройдетъ. . .
Но пусто въ мѣрѣ — кто спасетъ?
Но Бога нѣтъ — кому карать?

23. VII. 16

ПОСЛѢДНІЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящій пѣвучей струной,
Ты зачѣмъ залетаешь въ жильє человѣчье
И какъ будто тоскуешь со мной?

За окномъ свѣтъ и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки послѣдніє дни,
Полетай, погуди — и въ засохшей татаркѣ,
На подушечкѣ красной, усни.

Не дано тебѣ знать человѣческой думы,
Что давно опустѣли поля,
Что ужъ скоро въ бурьянъ сдуетъ вѣтеръ угрюмый
Золотого сухого шмеля!

26. VII. 16

БЛАГОВѢСТІЕ О РОЖДЕНІИ ИСААКА

Они пришли тропинкою лѣсною,
Когда текла полдневная жара
И въ яркомъ небосклонѣ предо мною
Кудрявилась зеленая гора.

Я былъ какъ дубъ у черного шатра,
Я былъ богатъ стадами и казною,
Я сладко жилъ утѣхою земною,
Но вотъ пришли: «Встань, Авраамъ, пора!»

Я отдѣлилъ для Вѣстниковъ телицу.
Ловя ее, увидѣлъ я гробницу,
Пещеру, гдѣ оливковая жердь,

Пылая, озаряла двухъ Почившихъ,
Гробъ праотцевъ, Эдема насъ лишившихъ,
И такъ сказалъ: «Рожденье чадъ есть смерть».

10. VIII. 16

Настанетъ день — исчезну я,
А въ этой комнатѣ пустой
Все то же будетъ: столъ, скамья
Да образъ, древній и простой.

И такъ же будетъ залетать
Цвѣтная бабочка въ шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И такъ же будетъ неба дно
Смотрѣть въ открытое окно,
И море ровной синевой
Манить въ просторъ пустынный свой.

10. VIII. 16

ПАМЯТИ ДРУГА

Вечернихъ тучъ надъ моремъ шла гряда,
И золотисто-свѣтлыми столпами
Сіяла безграничная вода,
Какъ небеса лежавшая предъ нами.
И ты сказалъ: «Послушай, гдѣ, когда
Я прежде жилъ? Я странно боленъ — снами,
Тоской о томъ, что прежде былъ я Богъ. . .
О, еслибъ вновь обнять весь міръ я могъ!»

Ты вѣрилъ, что откликнется мгновенно
Въ моей душѣ твой бредъ, твоя тоска.
Какъ помню я усмѣшку, неизмѣнно
Твои уста кривившую слегка,
Какъ эта скрость и жажда — быть вселенной,
Полями, моремъ, небомъ — мнѣ близка!
Какъ остро мы любили міръ съ тобою
Любовью неразгаданной, слѣпою!

Тѣ радости и муки безъ причинъ,
Та сладостная боль соприкасанья
Душой со всѣмъ живущимъ, что одинъ.
Ты раздѣлялъ со мною, — нѣтъ названья,
Нѣтъ имени для нихъ, — и до сѣдинъ
Я донесу порывы возсозданья
Своей любви, своихъ плѣненныхъ силъ. . .
А ты ихъ вольной смертью погасилъ.

И правъ ли ты, не превозмогшій тѣсной
Судьбы своей и жребія творца,
Лишеннаго гармоніи небесной,
И для чего я мучусь безъ конца
Въ стремленьи вновь дать нѣкій видъ тѣлесный
Чертамъ ужъ безтѣлеснаго лица,
Зачѣмъ я этотъ вечеръ вспоминаю,
Зачѣмъ ищу ничтожныхъ словъ, — не знаю.

12. VIII. 16

НА НЕВСКОМЪ

Колеса острый снѣгъ взрывали и скрипѣли,
Два вороныхъ надменно пролетѣли,
Каретный кузовъ быстро промелькнулъ,
Блеснувъ уютомъ стеколь незамерзлыхъ,
Слуга, сидѣвшій съ кучеромъ на козлахъ,
Отъ вихрей голову нагнулъ,
Поджалъ губу, синѣвшую щетиной,
И вѣтеръ вѣялъ красной пелериной
Въ орлахъ на позументѣ золотомъ. . .
Все пронеслось и скрылось за дворцомъ,
Въ темнѣющемъ буранѣ. . . Зажигали
Огни въ несмѣтныхъ окнахъ вокругъ меня,
Чернѣли грубо баржи на каналѣ,
И на мосту, съ дыбющаго коня
И съ бронзоваго юноши нагого,
Повисшаго у дикихъ конскихъ ногъ,
Дымилась клочья праха снѣгового. . .

Я молодъ былъ, безвѣстенъ, одинокъ
Въ чужомъ мнѣ мѣрѣ, сложномъ и огромномъ.
Всю жизнь я позабыть не могъ
Объ этомъ вечерѣ бездомномъ.

27. VIII. 16

ГЛУПОЕ ГОРЕ

Тихой ночью поздній мѣсяцъ вышелъ
Изъ за черныхъ липъ.
Дверь балкона скрипнула, — я слышалъ
Этотъ легкій скрипъ.
Всѣ давно уснули, — мы не спали,
И для насъ, для насъ
Въ темнотѣ аллея цвѣты дышали
Въ этотъ сладкій часъ.
Намъ тогда — тебѣ пятнадцать было,
Мнѣ семнадцать лѣтъ,
Но ты помнишь, какъ ты отворила
Дверь на лунный свѣтъ?
Ты къ губамъ платочекъ прижимала
Смокшійся отъ слезъ,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки изъ волосъ,
У меня отъ нѣжности и боли
Разрывалась грудь. . .
Если бъ, другъ мой, было въ нашей волѣ
Эту боль вернуть!

27. VIII. 16

ПОМПЕЯ

Помпея! Сколько разъ я проходилъ,
По этимъ переулкамъ! Но Помпея
Казалась мнѣ скучнѣй пустыхъ могилъ,
Мертвѣй и чище новаго музея.

Я-ль виновать, что все перезабылъ:
И гдѣ кто жилъ, и гдѣ какая фея
Въ нагихъ стѣнахъ, безъ крыши, безъ стропиль,
Шла въ хороводъ, прозрачной тканью вѣя!

Я помню только грубые слѣды,
Протертые колесами въ воротахъ,
Туманъ долинъ, Везувій и сады.

Была весна. Какъ медъ въ незримыхъ сотахъ,
Я въ сердцѣ жадно, радостно копилъ
Избытокъ силъ — и только жизнь любилъ.

28. VIII. 16

КАЛАБРИЙСКІЙ ПАСТУХЪ

Лохмотья, ножъ — и цвѣта черной крови
Недвижные глаза. . .
Сонъ давнихъ дней на этой древней нови.
Поютъ дрозды. Пять-шесть овецъ, коза.

Кругомъ, въ пустыни каменистой,
Желтѣеть дрокъ. Вдали руины, храмъ.
Вдали полдневныхъ горъ хребетъ лазурно мгlistый
И тѣни облаковъ по выжженнымъ буграмъ.

28. VIII. 16

КОМПАСЪ

Качка слабыхъ мучить и пьянить,
Круглое окошко поминутно
Гасить, заливаешь хлябью мутной —
И трепещеть, мечется магнить.

Но откуда-бъ, въ вѣтрѣ и туманѣ,
Не швыряло пѣной черезъ бортъ,
Вѣрю — онъ опять поймаешь Nord,
Крѣпко сплю, мотаясь на диванѣ.

Не советъ съ пути меня никто.
Нѣкій Nord моей душою править,
Онъ меня въ скитаньяхъ не оставитъ,
Онъ мнѣ скажетъ, если что: не то!

28. VIII. 16

ЗИМОЙ

Покрывало море свитками
Древней хартіи своей
Берегъ съ глупыми кибитками
Забавлявшихся людей.

Слава Богу — за туманами
Скрылось солнце. Дикъ и грубъ,
Океанъ гремитъ органами,
Гуломъ раковинныхъ трубъ.

Въ свистѣ бури крикъ мерещится,
И высокая луна
Ночью прыгаетъ и плещется
Тамъ, гдѣ мечется волна.

29. VIII. 16

АРКАДІЯ

Ключъ гремитъ на днѣ тѣснины,
Тѣнь широкая сползла
Отъ горы до половины
Бѣлознойнаго русла.
Истекають, тають сосны
Разогрѣтою смолой,
И Жиждитель скиптроносный
Дышитъ сладостною мглой.
Пастухи его видали:
Онъ покоится въ тѣни,
И раскинуты сандалий
Запыленные ремни.
Золотой скользкой броней,
Хвоей, устлана гора —
И тяжка отъ благовоній
Сосень темная жара.

29. VIII. 16

Проносились надъ островомъ зимніе шквалы и бури
То во мглѣ и дождѣ, то въ сіяньи небесной глазури
И качались, качались цвѣты за стекломъ,
За окномъ мастерской, въ красныхъ глиняныхъ
вазахъ, —

Отъ дождя на стеклѣ загорались рубины въ алмазахъ
И свѣжѣе цвѣты расцвѣтали на лонѣ морскомъ.
Вѣтеръ въ рамѣ свисталъ, раздувалъ сѣрый пепелъ
въ каминѣ,

Градомъ сѣкъ по стеклу — и опять были ярки и сини
Средиземнія зыби, глядѣвшія въ домъ,
А за тонкимъ блестящимъ стекломъ,
То на мглѣ дождевой, то на водной синѣвшей пустынь,
Въ золотой пустотѣ голубой высоты,
Все качались, качались дышавшіе моремъ цвѣты.
Проносились февральскіе шквалы. Свѣтлѣе и жарче
сіяли

Африканскія дали,
И утихли вѣтры, зацвѣли
Въ каменистыхъ садахъ миндали,
Появились туристы въ панاماхъ и бѣлыхъ ботинкахъ
На обрывахъ, на козьихъ тропинкахъ —
И къ Сициліи, къ Греціи, къ лиліямъ Божьей Земли,
Къ Палестинѣ
Потянуло меня. . . И остался лишь пепелъ въ каминѣ
Въ опустѣвшей моей мастерской,
Гдѣ всю зиму качались цвѣты на синѣвшей пустынь
морской.

Бдемъ боромъ, черными лѣсами.
Вотъ гора, песчаный спускъ въ долину.
Вечерѣть. На горѣ предъ нами
Лѣсъ щетинить новую вершину.

И темнымъ-темно въ той новой чашѣ,
Гдѣ опять скрывается дорога,
И враждебенъ мой ямщикъ молчащій
И надежда въ сердцѣ лишь на Бога,

Да не бѣгъ коней нетерпѣливый,
Да на этотъ нѣжный и пѣвучій
Колокольчикъ, плачущій счастливо,
Что на свѣтѣ все авось да случай.

9. IX. 16

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Таесть, сіяетъ луна въ облакахъ.
Яблони въ бѣлыхъ кудрявыхъ цвѣтахъ.

Зыбь облаковъ и мелка и нѣжна.
Возлѣ луны голубая она.

Въ холодѣ голыхъ, прозрачныхъ аллей
Пробуетъ цокать, трещить соловей.

Въ домѣ, ужъ темно, въ раскрытомъ окнѣ,
Дѣвочка косы плететь при лунѣ.

Сладокъ и новъ ей весенній разговоръ,
Міру рассказанный тысячу разъ.

СРЕДИ ЗВѢЗДЪ

Настала ночь, остылъ отъ звѣздъ песокъ.
Скользя въ песокъ, я шель за караваномъ,
И Млечный путь, двоящійся потокъ,
Бѣлѣлъ надъ нимъ свѣтящимся туманомъ.

Онъ дымчатъ былъ, прозраченъ и высокъ.
Онъ пропадалъ въ горахъ за Иорданомъ,
Онъ ниспадалъ на сумрачный востокъ,
Къ инымъ звѣздамъ, къ забытымъ райскимъ странамъ.

Скользя въ песокъ, шель за верблюдомъ я.
Верблюдъ чернѣлъ, его большое тѣло
На верховомъ качало стволъ ружья.

Сѣдло сухое деревомъ скрипѣло,
И верховой кивалъ, какъ неживой,
Осыпанной звѣздами головой.

28. X. 16

СОДЕРЖАНИЕ:

Господинъ изъ Санъ-Франциско	7
Постъ	38
Пѣсня о гоцѣ	42
Старуха	50
Отто Штейнъ	56
Легкое дыханіе	64
Аглая	73
Сынъ	86
Соотечественникъ	102
Казиміръ Станиславовичъ	113
Петлистыя уши	125
Сны Чанга	143
Стихотворенія	167

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON